

ISSN 2218-1644

16+

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

2022

№1(38)

NORTH-EASTERN JOURNAL OF HUMANITIES

Scientific journal
Periodical publication
Published quarterly
2022, № 1 (38)

JOURNAL INCLUDED IN

The list of Russian reviewed scientific journals in which should be published the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate and Doctor of Science, Database (European Database) of the European Citation Index in the Humanities (ERIH PLUS)

Founder

**FSBIS Federal Research Centre “The Yakut Scientific Centre
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences” (FRC YaSC SB RAS)**

Editorial Board:

Efremov N.N., editor-in-chief, Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Boyakova S.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in History (IHRISN SB RAS); *Gogolev A.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in History, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Danilova N.I.*, deputy editor-in-chief, Doctor in Philology (IHRISN SB RAS); *Aprosimova Iu.Iu.*, executive secretary (IHRISN SB RAS); *Abdulaev S.N.*, Doctor in Philology, Professor (Kasym Tynystanov ISU); *Antonov Ye.P.*, Candidate in History, Associate Professor (IHRISN SB RAS); *Bravina R.I.*, Doctor in History, Professor (IHRISN SB RAS); *Burtsev A.A.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Vasileva N.M.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Vinokurova D.M.*, Candidate in Sociology, Associate Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Gabyшева L.L.*, Doctor in Philology, Associate Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Dmitrieva E.N.*, Doctor in Philology, Associate Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Illarionov V.V.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Larionova A.S.*, Doctor in Arts, Associate Professor (IHRISN SB RAS); *Melnichuk O.A.*, Doctor in Philology, Associate Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Petrov A.A.*, Doctor in Philology, Professor (A. Herzen RSPU, St. Petersburg); *Pokatilova N.V.*, Doctor in Philology Professor (IHRISN SB RAS); *Popova N.I.*, Candidate in Philology, Associate Professor (IHRISN SB RAS); *Romanova E.N.*, Doctor in History (IHRISN SB RAS); *Romanova L.N.*, Candidate in Philology (IHRISN SB RAS); *Sivtseva S.I.*, Doctor in History, Associate Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Struchkova N.A.*, Candidate in History, Associate Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Filippov G.G.*, Doctor in Philology, Professor (M.K. Ammosov NEFU); *Khazankovich Iu.G.*, Doctor in Philology, Associate Professor (M.K. Ammosov NEFU).

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Периодическое издание
Выходит четыре раза в год
2022, № 1 (38)

ЖУРНАЛ ВКЛЮЧЕН В

Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата наук и доктора наук,
Российский индекс научного цитирования (РИНЦ),
базу данных (БД) Европейского индекса цитирования в гуманитарных науках (ERIH PLUS)

Учредитель:

**ФГБУН Федеральный исследовательский центр
«Якутский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук»**

Редколлегия:

Ефремов Н.Н., глав. ред., д.филол.н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Боякова С.И.*, зам. глав. ред., д.и.н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Гоголев А.И.*, зам. глав. ред., д.и.н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Данилова Н.И.*, зам. глав. ред., д.филол.н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Апросимова Ю.Ю.*, ответ. секретарь (ИГИИПМНС СО РАН); *Абдуллаев С.Н.*, д.филол.н., проф. (Иссык-Кульский государственный университет им. К. Тыныстанова, г. Караол, Кыргызстан); *Антонов Е.П.*, к.и.н., доцент (ИГИИПМНС СО РАН); *Бравина Р.И.*, д.и.н., проф. (ИГИИПМНС СО РАН); *Бурцев А.А.*, д.филол.н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Васильева Н.М.* – к.филол.н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Винокурова Д.М.*, к.социол.н., доцент (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Габышева Л.Л.*, д.филол.н., доцент (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Дмитриева Е.Н.*, д.филол.н., доцент (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Илларионов В.В.*, д.филол.н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Ларионова А.С.*, д.иск., доцент (ИГИИПМНС СО РАН); *Мельничук О.А.*, д.филол.н., доцент (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Петров А.А.*, д.филол.н., проф. (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург); *Покатилова Н.В.*, д.филол.н., проф. (ИГИИПМНС СО РАН); *Попова Н.И.*, к.филол.н., доцент (ИГИИПМНС СО РАН); *Романова Е.Н.*, д.и.н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Романова Л.Н.*, к.филол.н. (ИГИИПМНС СО РАН); *Сивцева С.И.*, д.и.н., доцент (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Стручкова Н.А.*, к.и.н., доцент (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Филиппов Г.Г.*, д.филол.н., проф. (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск); *Хазанкович Ю.Г.*, д.филол.н., доцент (СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск).

Editorial Council:

Alekseev A.N., Chairperson, Doctor in History, Professor (IHRISN SB RAS); *Anikin A.E.*, Doctor in Philology, Professor, Academician of RAS (IPh SB RAS, Novosibirsk); *Argounova-Low T.I.*, Doctor in Anthropology (University of Aberdeen, Aberdeen, UK); *Balash D.B.*, Doctor in Ethnology, Professor (Institute of Ethnology, Hungarian Academy of Sciences, Budapest, Hungary); *Bakhtikireeva U.M.*, Doctor in Philology, Professor (PFUR, Moscow); *Golovnev A.V.*, Doctor in History, Professor, Corresponding Member of RAS (MAE (Kunstkamera) named after Peter the Great, St. Petersburg); *Derevyanko A.P.*, Doctor in History, Professor, Academician of RAS (IAE SB RAS, Novosibirsk); *Zhamsaranova R.G.*, Doctor in Philology, Associate Professor (Transbaikal SU, Chita); *Karoly L.*, Doctor in Philology (University of Gutenberg, Mainz, Germany); *Nevskaya I.A.*, Doctor in Philology, Associate Professor (IPh SB RAS, Novosibirsk, Frankfurt am Main, Germany); *Takakura H.*, Doctor in Social Anthropology (University Tohoku, Japan); *Shishkin V.I.*, Doctor in History, Professor (IH SB RAS, Novosibirsk).

Executive editor *L.L. Gabysheva*

Editors: *N.Yu. Pechetova*
English text: *O.N. Kochmar*
Page-proofs: *A.N. Stepanova*

ISSN 2218-1644

Редакционный совет:

Алексеев А.Н., председатель, д.и.н., проф. (ИГИИПМНС СО РАН); *Аникин А.Е.*, д.филол.н., проф., акад. РАН (ИФЛ СО РАН, г. Новосибирск); *Аргунова-Лоу Т.И.*, д-р антропологии (Абердинский университет, г. Абердин, Великобритания); *Балаш Дьюла Балог*, д-р этнологии, проф. (Институт этнологии Венгерской академии наук, г. Будапешт, Венгрия); *Бахтикиреева У.М.*, д.филол.н., проф. (РУДН, г. Москва); *Головнев А.В.*, д.и.н., проф., чл.-корр. РАН (МАиЭ (Кунсткамера) им. Петра Великого РАН, г. Санкт-Петербург); *Дервянко А.П.*, д.и.н., проф., акад. РАН (ИАиЭ СО РАН, г. Новосибирск); *Жамсаранова Р.Г.*, д.филол.н., доцент (ЗабГУ, г. Чита); *Кузьмина Е.Н.*, д.филол.н., проф. (ИФЛ СО РАН, г. Новосибирск); *Ласло Кароли*, д-р филологии (Майнцский университет им. И. Гутенберга, г. Майнц, Германия); *Невская И.А.*, д.филол.н., доцент (ИФЛ СО РАН, г. Новосибирск, Франкфуртский университет, Германия); *Хироки Такакура*, д-р социальной антропологии (Университет Тохоку, г. Сендай, Япония); *Шишкин В.И.*, д.и.н., проф. (Институт истории СО РАН, г. Новосибирск).

Ответственный за выпуск *Л.Л. Габышева*

Редактор: *Н.Ю. Печетова*
Английский текст: *О.Н. Кочмар*
Верстка: *А.Н. Степанова*

СОДЕРЖАНИЕ

История и археология

<i>Слободин С.Б., Зеленская А.Ю.</i> Археологические памятники юго-восточной оконечности хребта Улахан-Чистай (район Природного парка Момский)	8
<i>Батаршев С.В., Понкратова И.Ю., Дорофеева Н.А., Малков С.С., Голохвастов М.В., Лебедева Л.С., Нестерович А.В.</i> Историческая археология Севера: город Гижигинск	23
<i>Филиппова В.В.</i> Локальные особенности расселения и динамика численности населения Усть-Майского улуса (района) в XX–XXI вв.	34
<i>Григорьев С.А.</i> Температурные изменения, деградация многолетней мерзлоты и новые вызовы в системе жизнеобеспечения Амгинского улуса РС(Я): результаты полевых наблюдений	51

Языкознание

<i>Курилов Г.Н.</i> Термины родства в языке лесных и тундренных юкагиров в сравнительно-сопоставительном аспекте	63
<i>Готовцева Л.М.</i> Структурные особенности синонимических рядов якутских фразеологизмов	70
<i>Васильева Н.Н.</i> Сравнительный анализ семантической структуры и словообразовательных гнезд якутских полисемантов төбө и бас ‘голова’	79
<i>Николаев Е.Р.</i> Диалектная семантика фитонима кэбэ кулгааба ‘кукушкины ушки’ в якутском языке	89

Литературоведение и фольклористика

<i>Габышева Л.Л.</i> Мотив чудесной внешности героя: миф и реальность (на материале фольклора якутов и других тюркских народов)	100
<i>Павлова Л.Н.</i> Жанрово-стилистические особенности рассказов Л. Винс и Ю. Шурупова: взгляд литературного редактора	109
<i>Ноева (Карманова) С.Е.</i> Особенности ольфакторной коммуникации в якутском художественном тексте .	119
<i>Яковлева А.С.</i> Этномузыкальные традиции фольклора русских старожилов Северо-Востока Сибири как объект исследования	128
Сведения об авторах	137
Требования к оформлению статей, представляемых в редакцию журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник»	141

CONTENT

History and Archaeology

<i>S.B. Slobodin, A.Yu. Zelenskaya.</i> Archaeological sites of the southeastern tip of the Ulakhan-Chistay Range (area of the Momsky Natural Park)	8
<i>S.V. Batarshhev, I.Yu. Ponkratova, N.A. Dorofeeva, S.S. Malkov, M.V. Golokhvastov, L.S. Lebedeva, A.V. Nesterovich.</i> Historical archeology of the North: Gizhiginsk City	23
<i>V.V. Filippova.</i> Local features of settlement and population dynamics of Ust-Maysky Ulus (district) in the XX-XXI centuries	34
<i>S.A. Grigoriev.</i> Temperature changes, permafrost degradation and social challenges in the life support system of the Amginsky Ulus of the Republic of Sakha (Yakutia): field studies results	51

Linguistic

<i>G.N. Kurilov.</i> Kinship terms in the language of the forest and tundra Yukagirs in a comparative aspect	63
<i>L.M. Gotovtseva.</i> Structural features of synonymous rows of the Yakut phraseological units	70
<i>N.N. Vasileva.</i> Comparative analysis of the semantic structure and word-formation nests of Yakut polysemantics <i>təbə</i> and <i>bas</i> ‘head’	79
<i>E.R. Nikolaev.</i> Dialect semantics of the plant (phytonym) <i>keҕe kulgaaҕa</i> ‘cuckoo ears’ in the Yakut Language	89

Literary Studies and Folklore Studies

<i>L.L. Gabysheva.</i> The motive of the hero’s wonderful appearance: myth and reality (folklore of the Yakuts and other Turkic peoples)	100
<i>L.N. Pavlova.</i> Genre and stylistic features of the stories by L. Vince and Yu. Shurupov: literary editor’s view	109
<i>S.E. Noeva (Karmanova).</i> Features of olfactory communication in the Yakut text	119
<i>A.S. Yakovleva.</i> Ethnomusical traditions of the Russian old-timers folklore of the North-East Siberia as the research object	128
Information about authors	139
The manuscripts rules	141

С.Б. Слободин, А.Ю. Зеленская

DOI: 10.25693/SVGV.2022.38.1.001

УДК 902.2(1-925.14)

Археологические памятники юго-восточной оконечности хребта Улахан-Чистай (район природного парка «Момский»)*

Научная новизна. Впервые вводятся в научный оборот данные об освоении людьми южной части хребта Черского уже в каменном веке.

Целью статьи является публикация новых материалов, полученных в ходе проведения археологических исследований на юге хребта Черского, на стыке территорий Магаданской области и Якутии, и определение их культурной принадлежности и возраста. Проведенный анализ материалов позволяет решить следующие *задачи*: определить степень изученности рассматриваемого региона и установить роль и место полученных в ходе полевых работ материалов в общей схеме культур Севера Дальнего Востока.

Методы исследования. В ходе полевых работ по выявлению новых археологических стоянок применялась методика сплошного обследования территории и определение участков распространения подъемного материала. При обследовании выявленных памятников использовалась «Методика определения границ территорий объектов археологического наследия», разработанная Институтом археологии РАН (рекомендована письмом Министерства культуры Российской Федерации от 27.01.2012 № 12-01-39/05-АБ (Методика). Установление возраста и культурной принадлежности выявленного материала производилось на основе методов сравнительно-типологического сопоставления с уже известными находками и по уровню его технико-типологических характеристик.

Результаты. Исследования в южной части хребта Улахан-Чистай горной системы Черского (на стыке территорий Сусуманского района Магаданской области и Момского улуса Республики Саха (Якутия) привели к открытию памятников каменного века на оз. Дарпир (Дарпир I, II) и группы стоянок на перевале между ручьями Дарпир-Сиен и Омчик (Перевальная I-IX). Полученные материалы позволяют говорить об активном освоении человеком этой части гористого междуречья Колымы и Индигирки с древнейших времен. Разведочный характер работ ограничил исследования проведением поиска стоянок и сбором на них подъемных материалов. Собранные на стоянках материалы включают отщепы, пластины, ножевидные микропластинки, заготовки орудий и нуклеусов и маркируют их как мастерские, расположенные возле источников каменного сырья. Найденные на стоянках орудия

*Исследования проведены в рамках гранта РГО № 15/2021-Р. Авторы благодарны А.Д. Степанову и В.М. Дьяконову за обсуждение материала и предоставленную актуальную информацию по археологии Республики Саха (Якутия).

(наконечники, скребок, вкладыши, тесло) допускают возможность охоты обитателей перевальных стоянок на мигрирующих через перевал оленей. Характеристики имеющихся артефактов позволяют датировать их по меньшей мере неолитическим временем. Эти находки открывают широкие перспективы археологического изучения района хребта Улахан-Чистай. Ближайшим известным памятником каменного века является стоянка Юбилейный на р. Индигирка, в 256 км по прямой. Расположение стоянок на перевалах, характерное для Охотско-Колымского нагорья, ранее было практически неизвестно в Якутии. Выявленные в ходе исследований в южных отрогах хребта Улахан-Чистай стоянки указывают на высокую вероятность обнаружения археологических материалов и на других перевалах Якутии, особенно между крупными речными системами, такими, как Лена–Индигирка–Яна, Колыма.

Ключевые слова: неолит Колымы и Якутии, микропластинки, нуклеусы, тесло, пластины, мастерская, хребет Черского, Улахан-Чистай, национальный природный парк «Момский», озеро Дарпир

I. Введение. В археологическом плане район хребта Улахан-Чистай в системе хребта Черского, расположенный в верховьях рек Мома (правый приток р. Индигирка) и Омуклевка (левый приток р. Колыма), на стыке территорий Сусуманского района Магаданской области и Момского улуса Республики Саха (Якутия), как в его горной части, так и в долинах рек, остается практически неисследованным (рис. 1).

Протяженность хребта Улахан-Чистай составляет около 250 км, высота достигает 3003 м

(г. Победа). Рельеф альпинотипный. До высот 900–1000 м преобладает лиственничное таежное редколесье, до 1300–1600 м – кедровый стланик и горная тундра. Ледники занимают площадь около 100 км², на реках много наледей. Район хребта Улахан-Чистай является истоком таких крупных рек района, как Омуклевка, Берелех, Мома, Делянكير, Рассоха.

Первые археологические исследования юго-восточной части Улахан-Чистая (в районе оз. Мал. и Бол. Дарпир) и прилегающей терри-

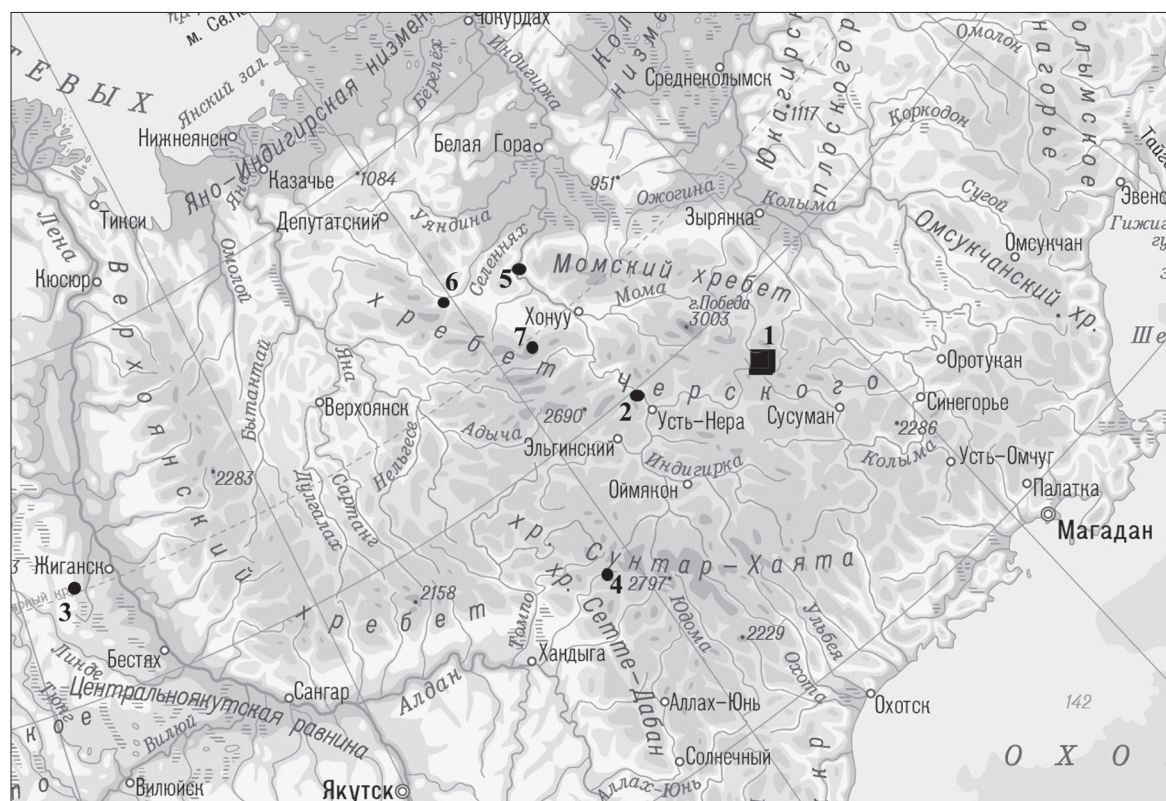

Рис. 1. Карта района исследований со стоянками. 1 – Район работ, стоянки Дарпир I, II, Перевальная I–IX, Уи; 2 – Юбилейный; 3 – Уолба; 4 – Суп I–II, Кюрбелях, Каменный I–II; 5 – Калядин; 6 – Агдайка, Сурдах; 7 – петроглиф Бакирчиан.

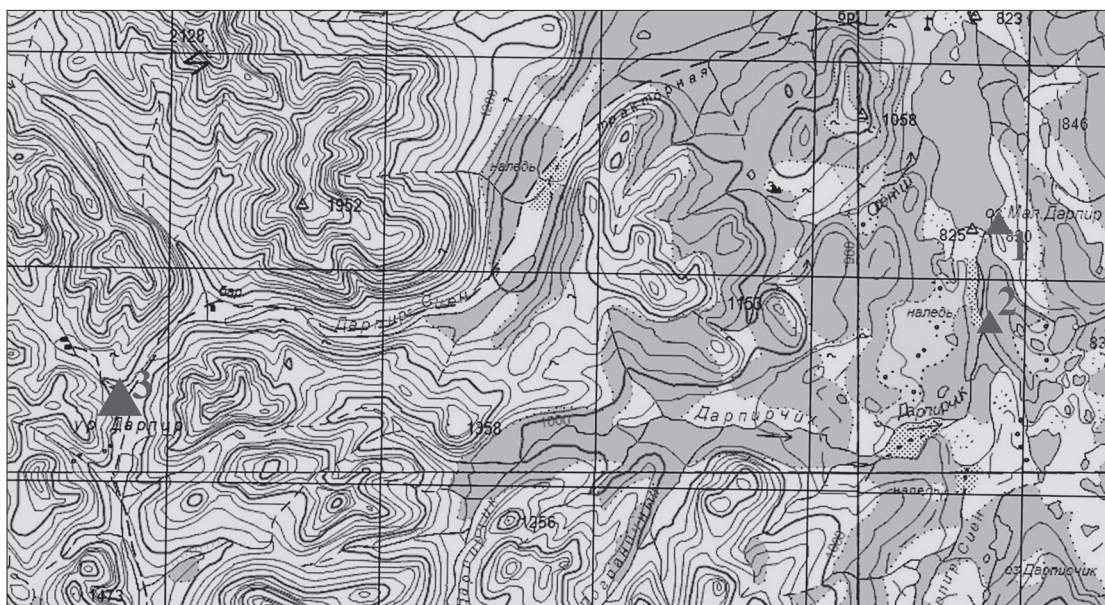

Рис. 2. Карта района расположения стоянок 1 – Дарпир I, 2 – Дарпир II, 3 – Перевальная I – IX.

тории верховий р. Омулевка были проведены в 1985–1990 гг., но их результаты опубликованы пока лишь частично [Слободин, 1999, 2001].

На территории, прилегающей к северо-западной части хребта Улахан-Чистай, на левобережье р. Индигирка, известно только несколько археологических памятников. Это наскальный рисунок-петроглиф, расположенный на правобережье р. Талындыа «близ перевала Бакиркичан» Чемалгинского хребта [Васильев, 2014]; неолитическая стоянка Агдайка в среднем течении р. Селенных (левый приток р. Индигирка), ниже устья р. Агдай, с единичной находкой каменного «топора с ушками»¹; и стоянки с каменными отщепами: Калядин, в низовьях реки Калядин [Эверстов, 1980: 66], и Суордаах на правом берегу р. Суордаах, правом притоке р. Селенных [Эверстов, 2014].

В 1985–1990 гг. Верхнеколымским археологическим отрядом Северо-Востоchno-Азиатской комплексной археологической экспедиции СВКНИИ ДВО РАН (рук. С.Б. Слободин) были обследованы верховья р. Омулевка, огибающей южный фланг хребта Улахан-Чистай, и окрестности озер Малый, Момонтай, Уи, Мал. и Бол. Дарпир, Урультун. Ранее здесь располагались пастбища оленеводческого совхоза Челбанья с

базой в устье р. Кунтэ(у)к и рудник Дарпир. В результате проведенных исследований были открыты стоянки каменного века Малый I–III, Момонтай I–VIII, Придорожная, Зима, Уи, Дарпир I, II, Перевальная I–IX возрастом от раннего до позднего голоцена [Слободин, 1999; 2001].

II. Материалы и методы исследования.

Данная публикация является результатом проведенных полевых археологических исследований автора в южной части хребта Черского, которые включали методы выявления стоянок каменного века путем закладки шурфов, зачисток и поиска подъемных материалов на раздурнованных поверхностях перевала и других перспективных местах расположения стоянок древних жителей этих мест. Источниковедческой базой данной публикации послужили полученные в ходе экспедиции археологические материалы, проанализированные с использованием традиционных технико-типологического, морфологического, статистического и корреляционного методов изучения каменных артефактов с учетом их планиграфического и ландшафтного местонахождения.

III. Результаты. Непосредственно на юго-восточной оконечности хребта Улахан-Чистай были выявлены и исследованы стоянки Дарпир I, II и Перевальная I–IX (рис. 2).

¹Эверстов С.И. Отчет о работе Нижне-Индигирской группы Северного отряда Приленской археологической экспедиции в полевой сезон 1989 г. Якутск, 1990. Научно-отраслевой архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 13806. 53 с.

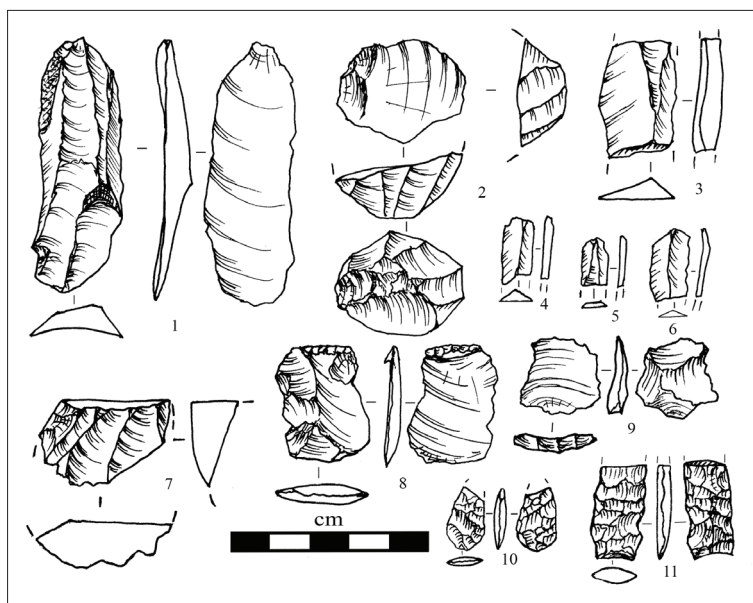

Рис. 3. Каменные изделия стоянок Дарпир I (1–5) и II (6–9), Перевальная I (10, 11).

При обследовании оз. Мал. Дарпир были обнаружены стоянки каменного века Дарпир I и II. Озеро находится в верховьях р. Рассоха, левого притока Колымы. Вокруг озера высятся более чем 2-километровые вершины горной цепи Чорго в системе хребта Черского. Само озеро расположено на высоте 820 м над уровнем моря, в лесотундровой зоне. С гор в озеро стекает множество ручьев и рек, а лед сходит только к середине июля. Озеро богато рыбой, по берегам его пасутся олени, лоси, в горах водятся бараны. Озеро имеет много удобных террас и мысов, но пока здесь выявлены только две стоянки каменного века.

Неолитическая стоянка Дарпир I. Стоянка расположена в южной части озера, на 4-метровом мысу, в 60-ти метрах к югу от устья безымянного ручья. В 20-ти метрах от берега, прямо напротив мыса лежит небольшой, с несколькими деревьями остров. Вершина мыса развеейна, покрыта редкими пучками травы. Чуть ниже склон задернован и у кромки воды порос кустарником. Подъемный материал собран в развеейном слое на вершине холма на площади в 48 м².

Всего найдено 26 каменных артефактов из желтоватого, белого и серого кремня, включающих 21 отщеп, 2 пластины (рис. 3. 1, 3), 2 микропластинки (их проксимальные части) шириной 0,6–0,7 см (рис. 3. 4, 5) и скол с конического нуклеуса (его основания) шириной 3 и высотой

1,4 см из желтоватого кремня (рис. 3. 2). Среди отщепов 7 экз. больших (шириной больше 2,5 см), 9 экз. среднего размера (менее 1 см), и 7 экз. размером 1–2,5 см.

Одна из ножевидных микропластинок изготовлена из того же материала, что и скол с нуклеуса, который является, очевидно, сколом с нижней (опорной) площадки уплощенного конического нуклеуса.

Пластины шириной 1,8 см. Одна представлена трехгранной в поперечном сечении медиальной частью толщиной 0,5 см. Вторая пластина целая, толщиной 0,7 см. На ее дорсальной поверхности отмечен прием биполярного скалывания пластинок (рис. 3. 1). Очевидно, что пластина сколота либо с двухплощадного нуклеуса, либо еще на стадии его подготовки.

Также с отщепами найдена расколота вдоль плоская удлинено-овальная галька черного цвета размером 11,8 x 5,5 x 1,3 см, которая могла использоваться в качестве отбойника.

Заложенная на склоне холма зачистка показала стратиграфию стоянки:

1. Дерн с углистостью, мощностью 8–9 см
2. Желтоватая супесь с углистостью 2–16 см
3. Желтоватая супесь 4–10 см
4. Песок с галькой небольших размеров – более 40 см.

В зачистке на глубине 3–25 см найдено 119 отщепов из окремнелого сланца (из них крупных – 7 экз., средних – 20 экз., мелких – 92 экз.),

1 маленький ребристый скол и отбойник из продолговатой гальки плотного песчаника, четырехугольной в сечении, размером 17 x 4,5 x 3,5 см.

Судя по ножевидным пластинкам и фрагменту конического нуклеуса, стоянка относится, по меньшей мере, к неолитическому времени.

Стоянка Дарпир II расположена на краю шестиметровой террасы по правому берегу руч. Дарпирчик, впадающего в оз. Дарпир в его южной части, в двух километрах от его устья. Здесь начинается большая наледь, тянущаяся до самого устья ручья (рис. 2. 2).

Находки собраны на поверхности террасы, в обнажении ее бровки. Всего собрано 20 каменных артефактов: 16 сланцевых отщепов, ножевидная пластинка, отщеп поправки отжимной площадки, скол с нуклеуса и скол с лезвия бифасиального орудия, все из сланца серого цвета. Среди отщепов 3 экз. крупных, 3 экз. среднего размера и 10 мелких, все являются отходами вторичной обработки орудий.

Скол с нуклеуса призматического типа захватил часть его ровной, неподготовленной, образованной одним сколом, отжимной площадки и часть периметра фронта с негативами двух-трех пластинчатых сколов, шириной около 1 см (рис. 3. 7). Ширина скола (сохранившейся части фронта) – 3 см, длина – 2 см, толщина – 1,3 см. Ножевидная пластинка по материалу и размеру (1,7 x 0,9 x 0,2 см) соответствует негативам пластинчатых снятий с фронта этого скола (рис. 3. 6). Отщеп поправки отжимной площадки призматического нуклеуса имеет округлую форму и негативы пластинчатых снятий на торце, его размер 1,9 x 1,8 x 0,3 см (рис. 3. 9).

Один из отщепов размером 2,8 см в длину, 2,1 см в ширину и 0,3 см в толщину является сколом подправки лезвия бифасиально обработанного орудия: отжимная площадка отщепана представлена частью сохранившегося лезвия с острым углом заточки (ок. 45 гр.), оформленной мелкими сколами бифасиальной краевой ретуши (рис. 3. 8). На дорсальной поверхности отщепана имеется серия мелких сколов утончения орудия. На другом, крупном, отщепе имеется серия мелких краевых снятий, оформляющих незавершенное лезвие скребка.

Судя по сколу с призматического нуклеуса, ножевидной пластинке и сколу с лезвия бифасиального орудия стоянка относится к неолиту

и на ней производили обработку (подправку) поврежденного каменного инвентаря.

Ограниченное время пребывания на оз. Дарпир и рекогносцировочный характер работ не позволили детально обследовать все окрестности озера, что, при наличии там множества удобных для поселения мысов и террас, предполагает возможность обнаружения в ходе последующих исследований на озере новых археологических памятников.

Стоянки Перевальная I–IX

Группа стоянок Перевальная I–IX была открыта в ходе обследования перевала между ручьями Омчик (левый приток реки Омуклевка в ее верховьях) и Дарпир-Сиен (впадающей в озеро Малый Дарпир) – на территории урочища Дарпир (рис. 2).

Высота перевала около 1260 м над уровнем моря. Он имеет пологое строение, узкий и окружен крутыми осыпными склонами сопки, поднимающимися еще на 200–300 м над высшей точкой перевала. На участке обнаружения стоянок преобладает тундровое редколесье. Поверхность террас щебенчатая, слабо задернованная с редкими, небольшими лиственницами и зарослями низкорослого стланика вдоль русел водотоков.

В 1941–1942 гг. на перевале работал рудник «Дарпир» в системе лагерей «Дальстроя». В верховьях руч. Дарпир-Сиен (в устье его левого притока – ручья Догор) находились (и сохранились до сих пор) шахты, а в долине реки Омчик добывали олово из россыпей. На этих местах остались отвалы промытой породы, деревянные тачки с металлическими колесами, лопаты, топоры, вагонетки, колеса, шахтное оборудование, станина (рама) автомашины, кучи сношенной обуви, обручи деревянных бочек, развалины деревянных построек. На озере Бол. Дарпир в 1941 г. была организована гидробаза авиаотряда «Дальстроя» для приемки гидросамолетов. Зимой на льду строили посадочную полосу. В 1935 г. был учрежден транспортно-оленоводческий колхоз (позднее совхоз) «Челбанья» с центром в пос. Озерки, в задачу которого входила доставка продовольствия и горючего на отдаленные прииски и участки геологоразведки. Одна из баз совхоза располагалась на р. Омуклевке в устье р. Кунтэк (рядом с устьем руч. Омчик). Еще в середине 1980-х гг. на склонах Улахан-Чистай и в Дарпирской впадине кочевали

10 оленеводческих бригад, выпасавших до 18 тыс. оленей. Центральной базой совхоза была фактория Кунтэк, состоявшая тогда из нескольких рубленых домиков, в которых располагались склады, магазин, пекарня, дом культуры и больница. Путь через перевал использовался для перегона на пастбища оленей. В 1992–1995 гг. рыночная экономика разрушила сложившийся уклад жизни пастухов и охотников. Были закрыты национальные поселки, их обитателей вынудили переселиться в райцентры и охотоморские селения. Некогда обитаемые края почти обезлюдели [Андреев, Слободин и др., 2020].

Небольшие, быстро истощившиеся запасы олова в этом районе, удаленность рудника и отсутствие дорог привели к отказу от дальнейшей его эксплуатации. Рудник просуществовал недолго и в 1942 г. был закрыт. Это, без сомнения, позволило сохраниться многим археологическим памятникам на перевале в относительно нетронутом состоянии. В случае дальнейшей эксплуатации рудника, увеличения участков добычи руды, строительства обогатительной фабрики, дорог и расширения его производственной базы существовала бы большая вероятность разрушения и уничтожения многих из открытых на перевале археологических стоянок.

Изделия каменного века были найдены на поверхности небольших по площади и невысоких (кроме стоянки Перевальная I) пологих речных террасах и холмах, расположенных на перевале.

Стоянка Перевальная I. Стоянка находится на вершине 9-метрового террасовидного усту-

па-холма, прилегающего к склону сопки по левому берегу руч. Дарпир-Сиен. Поверхность холма раздернована, сложена мелкообломочным делювием с остатками останца на вершине и одиночными кустами стланика, разбросанными по поверхности холма. Находки собраны на площади примерно 30 м². Коллекция находок включает 74 каменных предмета из кремнелой породы (туфа).

Они представлены 69 отщепами, 4 пластинчатыми скалами, пластиной, заготовкой орудия и 4 орудиями. Среди отщепов 10 экз. больших (шириной больше 5 см), 32 экз. среднего размера (шириной 3–5 см) и 27 экз. размером менее 3 см.

Заготовка нуклеуса (или бифаса) имеет двустороннюю обработку, подтреугольную форму и выпукло-линзовидное поперечное и продольное сечения. Длина заготовки – 8 см, ширина – 6 см, толщина – 2,9 см. Края заготовки и частично ее боковые поверхности оббиты крупной ударной ретушью (рис. 6. 1).

К орудиям относятся:

1. Острие (кинжаловидное орудие) из кремнистого туфа серого цвета, патинизировано. Изготовлено на пластинчатом сколе (длина – 13 см, ширина в основании – 3 см) и имеет бифасально обработанные лезвия на продольных гранях скола, сходящиеся под острым углом. На лезвии у самого кончика имеется участок, обработанный односторонней ретушью со стороны брюшка. Поперечное сечение орудия – трапециевидное (рис. 5. 1).

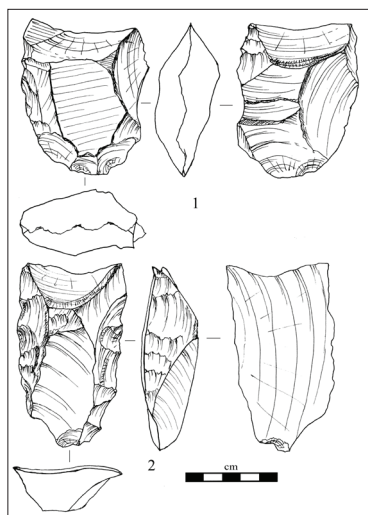

Рис. 6. Каменные изделия стоянок Перевальная II (1), VII (2).

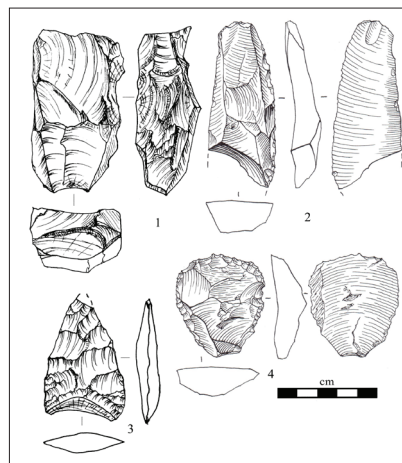

Рис. 5. Каменные заготовки стоянок Перевальная I (1), II (2).

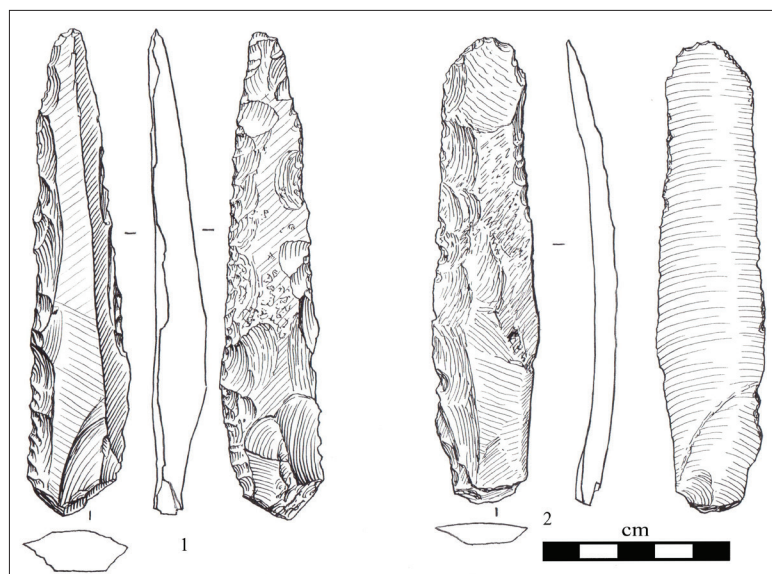

Рис. 4. Каменные изделия стоянок Перевальная I (4), Пх (2), Па (1, 3).

2. Скребок на отщепе округлой формы из кремневого аргиллита, с односторонне-выпуклым поперечным сечением, размером 5 x 4,5 x 1,3 см. По всей окружности (кроме ударной площадки) он оформлен крутой отжимной ретушью. Спинка орудия также полностью покрыта плоской отжимной ретушью, брюшко вторичной обработке не подвергалось (рис. 4. 4).

3. Бифасиально обработанное орудие подпрямоугольной формы (длина – 2,4 см, ширина – 1,3 см, толщина – 0,3 см) с уплощенно-линзовидным поперечным сечением (рис. 3. 11). С обеих сторон обработано по плоским поверхностям уплощающими сколами отжимной параллельной встречной ретуши, направленной от краев к центру. Один торец у орудия сломан, другой обработан. Изделие предположительно могло быть наконечником с прямым основанием или вкладышем (ножом).

4. Ассиметрично-овальное (ланцетовидное) орудие-вкладыш из белого кремнистого материала, длиной 1,5 см, шириной 0,9 см, толщиной – 0,3 см, имеет уплощенно-линзовидное поперечное сечение (рис. 3. 10). Один конец орудия (острие) сломан. Обработано с обеих сторон по краям и по поверхности мелкой отжимной уплощающей ретушью.

Стоянка Перевальная II. Находится на вершине перевала напротив стоянки Перевальная I. Здесь простирается обширная 2–3-метровая по-

логая терраса, сложенная мелкообломочным делювием, поросшая ягелем, мхом, редкими лиственницами, кустами стланика. С северной стороны терраса выходит к правому берегу ручья Дарпир-Сиен, с запада – к истоку руч. Омчик по его левому берегу. На обширной площади поверхности холма, под слоем мха и ягеля прослеживаются массовые скопления отщепов, что позволяет отнести стоянку к перспективным для дальнейших исследований. Здесь выделено несколько пунктов скопления материалов, расположенных по краю террасы на протяжении около 300 м – Перевальная Пх, Па, Пб, Пв.

У северного края террасы, в пункте Пх найдена одна заготовка и 2 крупных пластинчатых отщепа. Один из них, трехгранный в поперечном сечении (размером 7,3 x 3,3 x 1,6 см), следов дополнительной обработки не имеет. У другого, имеющего подтрапециевидное поперечное сечение, боковые продольные грани оформлены мелкой крутой краевой ретушью, направленной с брюшка на боковые грани. Одно лезвие у него прямое, другое слегка выпуклое. Размеры его 8,6 x 3,1 x 1,6 см. Судя по небольшой залощенности края и фасеток ретуши, пластинчатый отщеп служил боковым скребком. Других следов обработки нет (рис. 4. 2).

Заготовка орудия (нуклеуса или бифаса) длиной 10 см и шириной 5,5 см является однотипной заготовке, найденной на стоянке Переваль-

ная I. Отличие лишь в том, что она имеет более четко оформленное лезвие.

Пункт скопления находок Перевальная Па находится у северной оконечности террасы, в 30 м от ее края. Среди подъемных материалов на стоянке, кроме отщепов, которые были оставлены на поверхности террасы, найдены наконечник, ретушированный по краю отщеп и заготовка нуклеуса.

Наконечник сделан из кремневого туфа. С одной стороны (обращенной вверх), он сильно патинизирован и покрыт лишайниками, так что негативы сколов просматриваются слабо, с другой стороны (обращенной вниз), патинизация поверхности изделия слабая (рис. 4. 3). Орудие имеет треугольную форму, прямое (слегка выемчатое?) основание, его параметры 5,5 x 3,9 x 0,9 см. Судя по размеру изделия, оно служило наконечником копья или дротика.

Ретушированный тонкий отщеп из кремневого туфа размером 6,5 x 5 x 0,6 см, патинизированный, обработан по краю унифасиальной ретушью (скребок?).

Заготовка нуклеуса подпрямоугольной формы в плане и поперечном сечении имеет размер 8,1 x 4,4 x 3,1 см (рис. 4. 1). Вся поверхность заготовки покрыта уплотняющими сколами, отжимная площадка ровная, слегка наклонная.

Стоянка Перевальная Пб находится у южной оконечности террасы, в 10 м от ее края. Среди

подъемных материалов на стоянке, помимо отщепов, которые были оставлены на поверхности террасы, найдено 6 крупных отщепов; 10 пластинчатых сколов (пластин) длиной до 5,3 см, шириной 1,2–1,5 см; крупная (размером 15 x 9 x 4,5 см), бифасиально оббитая, заготовка орудия из кремневого туфа; еще одна крупная (размером 11,1 x 5 x 3 см), но уже унифасиально оббитая заготовка овальной формы с односторонне выпуклым поперечным сечением; скол подправки нуклеуса («core tablet»); и большой (размером 10 x 4,2 x 0,8 см), но тонкий и широкий пластинчатый скол с подтрапециевидным поперечным сечением.

Скол подправки нуклеуса призматического или конического типа (диаметром 2,8–3,8 см) представлен сплошным снятием его отжимной площадки в виде «таблетки» овальной в плане формы, толщиной 0,5–0,7 см. (рис. 7. 3).

Отжимная площадка ровная, обработана уплотняющими сколами по всему ее периметру. По бокам скола на две трети его периметра идут негативы ножевидных пластинок шириной 0,3–0,5 см, сколотых от площадки вдоль продольной поверхности нуклеуса. Сделан скол из хорошо кремневой породы и практически не подвергся патинизации.

Стоянка Перевальная пункт Пв находится у южной оконечности террасы, в 20 м от пункта Пб. На стоянке в числе подъемных материалов

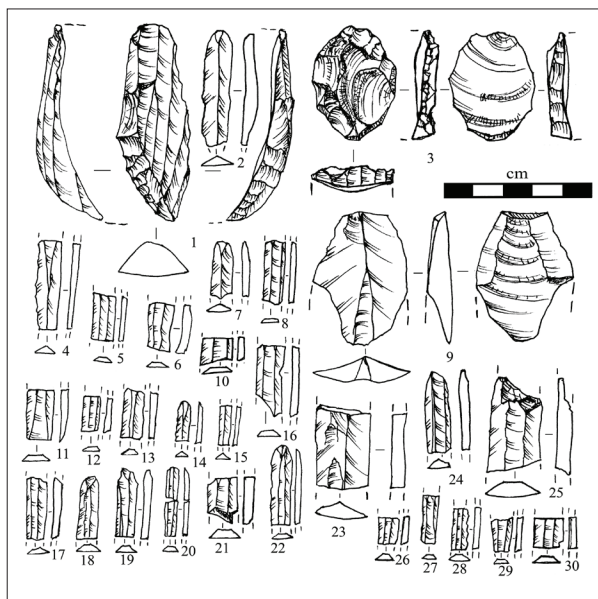

Рис. 7. Каменные изделия стоянок Перевальная Пб (3), VI (1,2, 4–30).

было зафиксировано 98 крупных отщепов (оставлены на поверхности террасы) и 7 экз. артефактов, взятых в коллекцию, среди которых пластины, пластинчатые отщепы и крупная заготовка.

Среди пластин выделяется целая, подтрапцевидная в поперечном сечении, пластина размером 13 x 3 x 0,5 см (рис. 5. 2). Она сделана из качественного кремневого материала, слабо патинизирована и заметно тоньше в сравнении с остальными пластинами со стоянки. По краям пластины нанесена нерегулярная краевая ретушь.

Вторая целая пластина существенно массивнее (размер 11,2 x 3,1 x 1,5 см), с трехгранным поперечным сечением и мелкой краевой ретушью вдоль одного из продольных краев. Отжимная площадка ровная, необработанная. Еще одна пластина (очень массивная, судя по фрагменту) со схожими параметрами (8,2 x 3,7 x 1,4 см) представлена проксимальной частью. Остальные 5 пластин со стоянки представлены фрагментами среднего размера – шириной 1,1–1,8 см.

Заготовка листовидной формы, размером 12,7 x 4,1 x 1,9 см, обработана крупными сколами по ее обоим широким сторонам; сделана из кремневого алевролита и сильно патинизирована.

Стоянка Перевальная III. Находится на правом берегу ручья Дарпир-Сиен, в 300–350 м выше по ручью от стоянки Перевальная I. Здесь на поверхности пологого террасовидного уступа склона сопки, сложенного мелкообломочным делювием и поросшим ягелем, мхом, редкими лиственницами, кустами стланика, на площади 15 кв. м выявлено скопление отщепов (оставлены на стоянке) и найден крупный, треугольной формы в плане линзовидный в сечении, бифасиально обработанный наконечник с прямым основанием.

Стоянка Перевальная IV. Находится на левом берегу ручья Дарпир-Сиен, в 600–630 м выше по ручью от стоянки Перевальная I. Здесь, у небольшого ручья (левого притока руч. Дарпир-Сиен), на поверхности пологого террасовидного уступа склона сопки, сложенного мелкообломочным делювием и поросшим ягелем, мхом, редкими лиственницами и кустами стланика, на площади 20 кв. м выявлено скопление отщепов, из которых взяты в коллекцию 17 экз.

и найдена одна трехгранная в поперечном сечении ножевидная пластинка длиной 2,8 см, шириной 1 см, толщиной 0,2 см.

Стоянка Перевальная V. Находится на правом берегу ручья Дарпир-Сиен, в 1300–1350 м выше по ручью от стоянки Перевальная I. Здесь на поверхности пологого террасовидного увала, сложенного мелкообломочным делювием и поросшим ягелем, мхом, редкими лиственницами, кустами стланика, на площади 10 кв. м выявлено скопление отщепов (оставлены на стоянке).

Стоянка Перевальная VI. Стоянка расположена на вершине перевала, на правом берегу руч. Дарпир-Сиен, рядом с остатками складских барачков прииска Дарпир. Обследованная площадь распространения подъемных находок – 36 кв. м (6 x 6 м). Разбивка по квадратам составляет 2 x 2 м. В пяти квадратах (кв. В-3,4; Б-3,4; Г-5) найдены отщепы, пластинчатые сколы, пластины, пластинки и микропластинки. В остальных квадратах (Б-5, В-5, Г-3, 4) зафиксированы только отщепы, которые не собирались.

Всего на стоянке найдено 311 отщепов, 13 пластинчатых отщепов длиной до 7 см, 24 фрагмента пластин шириной 1,5–3 см с 2 и 3 гранями на спинке и ровными, необработанными отжимными площадками (рис. 7. 9, 23, 25), 42 ножевидных пластинки и скол с микронуклеуса.

Скол с торцевой части микронуклеуса, захвативший широкое основание орудия с частью плоского фронта от отжимной площадки и до основания сделан из качественного, слабо патинизированного кремня (рис. 7. 1). Судя по облику скола, нуклеус был уплощенного типа (высотой не менее 6,3 см, шириной более 3-х см, толщиной 2,5 см), с широким, заходящим на торец, плоским фронтом нуклеуса, с которого скалывались пластинки и микропластинки. Контрфронт нуклеуса, судя по сохранившейся в его основании части, ретуширован. В основании нуклеуса короткими краевыми регулярными сколами по контрфасу сформировано ребро. На сохранившейся части фронтита видны негативы 7–8 пластинок шириной 0,5–0,8 см. Две из них сняты с торцевой части уплощенного нуклеуса. К нему по материалу и размерам относится несколько пластинок со стоянки (рис. 7. 2).

Таблица 1

Распределение подъемных находок по квадратам стоянки Перевальная VI

кв. №	Пл./отщ.*	Пластины	Ножевидные пластинки				В т.ч. Микропластинки (> 0,5 см)	Отщепы К/С/М*	Нукл. (фр.)
			Всего	Дистальный фр.	Проксимальный фр.	Медиальный фр.			
Б-3	2	4	7	2	2	3	1	22/31/9	
Б-4	2	3	13	2	3	8	1	14/10/19	1
В-3	1	3	8	2	2	4	5	23/26/31	
В-4	8	13	15	2	2	10	2	17/34/75	
Г-5	-	1	1	-	-	1	-	-	
Всего	13	24	44	8	9	26	9	76/101/134	

*Пл/отщ. - пластинчатый отщеп; К/С/М – крупные/средние/мелкие

Ножевидные пластинки в количестве 44 экз. численно преобладают среди собранных категорий изделий. Они сделаны из качественного, слабо патинизированного кремня. Большинство из них имеют правильные геометрические очертания, в сечении трапециевидные или треугольные; на дорсальной поверхности имеют четкие и ровные 2-3 грани. В профиль медиальные части микропластинок прямые; дистальные и проксимальные части имеют небольшой изгиб. Большинство пластинок имеют ширину 0,5–1 см. Микропластинок (шириной менее 0,5 см) 9 экз. Целая ножевидная пластинка в коллекции одна – длиной 4 см, шириной 0,9 см. Длина многих фрагментов до 3-х см (рис. 7. 4-8, 10-22, 24, 26-30). Негативы снятий ножевидных пластинок с фрагмента микропластинчатого нуклеуса из кв. Б-4 этой стоянки (рис. 7. 1) достигают длины 5,5–6 см, при ширине 0,5–0,8 см. В коллекции подъемных материалов преобладают медиальные фрагменты пластинок (26 экз.). Для нескольких пластинок их медиальные части были реконструированы с их проксимальными частями и учтены в числе последних. Анализ качества и цветовой гаммы использованного для изготовления пластинок сырья показывает, что в работе на стоянке использовалось 5–6 нуклеусов.

Проксимальные части пластинок представлены 9 экз. Площадки у них прямые, неглубокие, гладкие, часто точечные. Небольшое количество пластин имеют широкие ретушированные двух/трехгранные площадки. Дистальные

фрагменты немногочисленны, не у всех сохранились концы, но параллельные края пластинок позволяют сделать вывод, что скалывали их, вероятно, с призматического типа нуклеуса.

Ретушированные (с пильчатым краем) пластинки малочисленны – только в кв. В-3 и Б-4 имеются пластинки с ретушированным (возможно, вследствие их утилизации) продольным краем. Пластинки с притупляющей ретушью отсутствуют.

На расположенной в 350 м к востоку стоянке Перевальная IIб, несмотря на отсутствие там микропластинок, найден скол подправки отжимной площадки микропластинчатого нуклеуса («core tablet») (рис. 7. 3). Он, судя по его форме, целиком снял площадку округлой формы призматического или конического нуклеуса с негативами микропластинчатых снятий шириной 0,3–0,6 см по его периметру, что вполне соответствует пластинкам стоянки Перевальная VI.

На примере одного из отщепов (кв. В-3), на дорсальной поверхности которого имеются негативы двух продольных пластинчатых снятий, зафиксирован прием подправки плоскости скалывания (фронта) пластинчатого ядрища боковым (перпендикулярным к фронту) сколом.

Стоянка Перевальная VII. Находится на правом берегу ручья Омчик, на краю речной террасы, в 600–650 м от перевала, вблизи примечательного крупного валуна из белого кварца. Напротив этой стоянки, на левом берегу руч. Омчик, расположена стоянка Перевальная VIII.

На развеечных участках террасы, покрытой мелкообломочным делювием и поросшей ягелем, мхом, редкими лиственницами и кустами стланика, на площади 12 кв. м выявлено скопление отщепов (оставлены на стоянке) и найдена крупная (размером 9,9 x 5,7 x 2,7 см) заготовка нуклеуса из аргиллита. Заготовка выполнена на массивном отщепе треугольной формы в плане с подтрапециевидным поперечным сечением, и обработана с дорсальной стороны вдоль продольных краев крупной регулярной ударной крутой ретушью (рис. 6. 2). Вентральная сторона представлена плоской не обработанной поверхностью скола.

Стоянка Перевальная VIII. Находится на левом берегу руч. Омчик, в 600–650 м от перевала на отдельно стоящем невысоком пологом холме, высотой 3–4 м. Напротив этой стоянки, на правом берегу ручья Омчик, расположена стоянка Перевальная VII.

На стоянке, на развеечных участках холма, покрытого мелкообломочным делювием и поросшим ягелем, мхом, редкими лиственницами и кустами стланика, на площади 20 кв. м выявлено скопление отщепов (оставлены на стоянке) и найден целый массивный ребристый скол и корродированная галька.

Ребристый скол трехгранный в поперечном сечении, снят с ребра заготовки нуклеуса (подобного найденному на стоянке Перевальная VII), сделан из аргиллита. Он имеет размеры 12,9 x 3 x

1,6 см. Отжимная площадка скола. На одной из продольных граней скола, по всей ее длине, сохранились негативы сколов оформления ребра заготовки.

Галька продолговатой формы, окатанная, овальная в поперечном сечении, слегка поврежденная, длиной 9,5 см, диаметром 2,3 см. Она является инородным предметом на холме, очевидно, была принесена туда с ручья обитателями стоянки и могла быть использована в качестве отбойника.

Стоянка Перевальная IX. Стоянка расположена по левому берегу руч. Омчик, в 500 м к югу от вершины перевала, на невысоком, отдельно стоящем, небольшом пологом холме. На стоянке, на развеечных участках холма, покрытого мелкообломочным делювием и поросшим ягелем, мхом, редкими лиственницами, кустами стланика, на площади около 20 кв. м выявлено скопление отщепов (не собирались) и найдены заготовки бифасиального орудия, нуклеуса и тесло.

Сильно патинизированная крупная заготовка бифасиального орудия, размером 14,5 x 6 x 3,5 см, подтреугольной формы в плане с линзовидным поперечным сечением, сделана из алевролита. Вся поверхность заготовки с обеих сторон обработана крупными сколами, аналогично заготовке со стоянки Перевальная II в.

Тесло имеет подпрямоугольную форму в плане и в поперечном сечении (рис. 8). В профиль сечение ассиметрично-линзовидной формы. Все плоские поверхности тесла тщательно оббиты, на

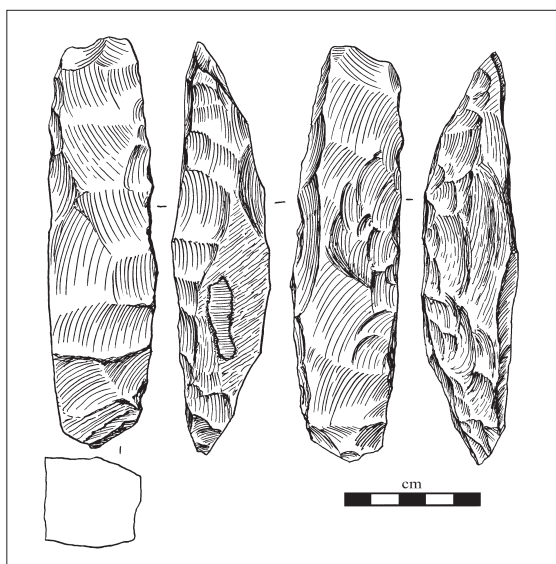

Рис. 8. Каменное тесло со стоянки Перевальная IX.

одной из боковых сторон орудия сохранились остатки шлифовки. Очевидно, что шлифованная поверхность занимала значительно большую площадь поверхности тесла, но низкое качество сырья, из которого оно было изготовлено, привело к выветриванию и сильной коррозии шлифованной поверхности, затрудняющей ее идентификацию.

Заготовка нуклеуса размером 11 x 7 x 3,9 см сделана из аргиллита. Она имеет подпрямоугольную форму в плане и линзовидное поперечное сечение. Отжимная площадка ровная. По краям и обеим поверхностям заготовка обработана крупными сколами.

IV. Обсуждение. Несмотря на рекогносцировочный характер обследования южной оконечности хребта Улахан-Чистай, в ходе проведенных работ был получен разнообразный и достаточно информационный материал для установления облика и примерного возраста выявленной культурной традиции обитателей этих мест в древности.

Полученные материалы по сырью и типологии орудий демонстрируют в целом достаточно гомогенный характер, так что рассматривается нами в одной культурно-типологической и хронологической парадигме.

Стоянки на оз. Мал. Дарпир, судя по малочисленности материалов, представляют собой кратковременные охотничьи лагеря. Возможно, что это зимние поселения, обитатели которых, кроме охоты, занимались и подледным ловом рыбы (озерной мальмы), в изобилии водящейся в озере и в наше время.

Стоянки Перевальная I-IX выделяются своим расположением на горном перевале между долинами рек Омулевка и Рассоха (бассейн р. Колымы), высотой около 1260 м.

Анализ расположения стоянок в Якутии показал, что ранее они на перевалах практически не встречались. Известна компактная группа небольших стоянок неолитического времени с микропластинками и мелкими бифасиальными орудиями: Суп I-II, Кюрбелях, Каменный I-II, открытых В.А. Кашиным вблизи перевала, в истоках реки Вост. Хандога, на высоте ок. 1000 м над уровнем моря [Археологические памятники Якутии, 1983, 63]. Стоянки расположены перед Алдано-Индигирским перевалом (в 30–40 км от него) в северной части хребта Сунтар-Хаята. Перевал широкий, пологий, высотой ок. 1300 м над ур. моря, очень удобный для передвижения

через горный хребет из бассейна реки Лена в бассейн реки Индигирка и обратно. Возможно, что и этим путем продвигались носители различных древних культур, в том числе и уолбинской традиции, от стоянки Уолба (из бассейна реки Лена) до стоянки Юбилейный (в бассейне реки Индигирка) и далее в истоки реки Омулевки (в бассейне реки Колымы) [Слободин, 2018].

Также с перевалами связаны находки писаниц. На Чемалгинском хребте, на правом берегу р. Талынды в Момском улусе, «близ перевала Бакиркичан», находится наскальный рисунок-петроглиф Бакиркичан [Васильев, 2014]. И в соседнем Оймяконском улусе на горном перевале Картыхыт-Хаята (на стыке Оймяконского нагорья и хребта Тас-Кыстабыт) на высоте 1080 м известна Малотарынская писаница [Дьяконов, 2015].

Для Охотско-Колымского нагорья, наоборот, расположение стоянок каменного века на перевалах является распространенным явлением [Слободин, 1999, 2001].

Анализ материалов стоянок Перевальная I-IX показывает, что большая часть находок представлена крупными заготовками со следами грубой оббивки и с формированием общего абриса будущих орудий. Преобладают заготовки нуклеусов и крупных бифасов, готовых орудий мало. В отличие от известных на Северо-Востоке кладов, где отсутствуют отходы производства этих заготовок [Зеленская, 2018], на исследованных на перевале стоянках фиксируется значительное количество отщепов. Это позволяет предположить, что на перевале мы имеем дело со стоянками-мастерскими, где происходила предварительная обработка добываемого на месторождении и принесенного оттуда сырья.

Предварительная обработка каменного сырья включала изготовление заготовок орудий и «болванок» под нуклеусы. На некоторых стоянках, судя по находкам наконечников, вкладыша, скола с микропластинчатого нуклеуса, ножевидных микропластинок, тесла и др., происходила и более глубокая обработка сырья, достигающая уровня готовых орудий и нуклеусов. Микропластинки указывают на использование вкладышевых орудий.

Хотя стоянки на перевале располагаются достаточно компактно, их численность и расположение говорит о неоднократном его посещении людьми в прошлом. Количество стоянок (место-

нахождений) указывает, что они не могли быть основаны одновременно все. Рекогносцировочный (ограниченный по времени и территории) характер проведенных работ позволяет предположить, что в ходе дальнейших обследований на перевале и в верховьях ручьев Дарпир-Сиен и Омчак, будут найдены и другие стоянки.

Стоянки Перевальная III–V особых материалов, кроме отщепов, не дали, но следует учесть, что они, как и все остальные, где были найдены и некоторые орудия, не раскапывались, а выявлены на основе подъемных материалов с поверхности террас. Подъемные находки указывают, что раскопки позволят получить более информативные материалы.

Тем не менее анализ находок на стоянках говорит не о разовом посещении человеком перевала (к источнику каменного сырья), а о его продолжительном, активном освоении и широком распространении древних стоянок на перевале и в верховьях руч. Дарпир-Сиен.

Стоянки на перевале определенно относятся к летне-осеннему периоду, поскольку зимой здесь условия крайне неблагоприятные из-за слабой растительности, сильных ветров, глубокого снежного покрова. Доступа к месторождению поделочного материала зимой не было, укрыться от ветра было невозможно, водотоки (источники воды) полностью перемерзли и были покрыты снегом.

Возможно, что на перевале велась охота не только на отдельных оленей или на их небольшие группы, на что, собственно, охотничьи коллективы нацелены постоянно, но и производился массовый забой оленей во время их весенне-осенней миграции через перевал. Находки на стоянках скребков указывают, что здесь производилась обработка шкур. А тесло со стоянки Перевальная IX предполагает возможность изготовления из жердей лиственницы изгороди, препятствующей уходу оленей из основной долины в боковые распадки, в процессе охоты на них.

Орудийный комплекс стоянок Перевальная I–IX позволяет предположить культурную принадлежность и примерный возраст исследованных стоянок. Анализируя полученный со стоянок комплекс, мы исходим из его культурного и технологического единства. Наличие среди находок на перевале микропластинок позволяет определить верхнюю возрастную границу ком-

плекса периодом не позднее позднего неолита. Присутствие в комплексе сколов подправки округлых отжимных площадок нуклеусов (рис. 7. 3), указывает на использование нуклеусов призматического или конического типов. Нуклеус, от которого на стоянке Перевальная VI найден скол с его торцевой части, захвативший и широкое основание изделия с частью плоского фронта от отжимной площадки и до основания, был уплощенного типа, высотой не менее 6,3 см (рис. 7. 1). Эти типы нуклеусов использовались в Якутии и на Верхней Колыме в период раннего, среднего и позднего голоцена вплоть до I тыс. до н.э. [Мочанов, Федосеева, 2013; Слободин, 1999; 2001]. Присутствие в комплексе находок бифасиальных изделий (наконечники, вкладыши) исключает возможность отнесения этого комплекса к сумнагинской культуре раннего голоцена, характеризующейся исключительно унифасиальными орудиями [Мочанов, 1977].

На стоянках Перевальная I–III обнаружены бифасиально обработанные изделия. В основном это крупные заготовки. На стоянке Перевальная I найден бифасиально обработанный вкладыш или фрагмент наконечника и мелкий, обработанный с обеих сторон ассиметрично-овальный вкладыш из белого кремнистого материала (рис. 2. 10, 11). Подобные изделия встречаются в Ымыяхтахской культуре Якутии [Федосеева, 1980, рис. 102. 98] и на Верхней Колыме на стоянках Нил IV, Хуренджа IV, VI [Слободин, 1999, 2001; 2001; Мочанов, Федосеева, 2013]. На стоянке Перевальная II, III найдены оригинальные, крупные, уплощенные в поперечном сечении наконечники треугольной формы.

Наиболее четко маркирует возраст стоянок на перевале Дарпир ступенчатое тесло со стоянки Перевальная IX. Такие тесла появляются в неолитическое время в серовской культуре Прибайкалья и затем широко распространяются в Якутии в Сылахской и Белькачинской культурах раннего и среднего неолита [Мочанов, 1969].

V. Заключение. Открытые и исследованные памятники каменного века на оз. Дарпир (Дарпир I, II) и на перевале между ручьями Дарпир-Сиен и Омчик (Перевальная I–IX) в южной части хребта Улахан-Чистай горной системы Черского, свидетельствует об активном освоении этой части гористого междуречья Колымы и Индигирки уже в древности.

Немногочисленность материалов, отражающих рекогносцировочный характер работ, ограничивает нас в возможности точного определения возраста находок, однако можно говорить по меньшей мере о неолитическом времени существования данных стоянок, вероятнее всего, его среднего этапа. Среди находок на перевале преобладают отщепы, ножевидные микропластинки, заготовки орудий и нуклеусов, характеризующие стоянки как мастерские, расположенные возле источника каменного сырья. Имеющиеся орудия (наконечники, скребки, вкладыши, тесло) допускают возможность охоты обитателей перевальных стоянок на мигрирующих через перевал оленей.

Эти находки, вкупе с памятниками Оханджийского археологического микрорайона в верховьях р. Омулевки (на озерах Малый, Момонтай, Уи) [Слободин, 1999; 2001], открывают широкую перспективу археологического изучения района хребта Улахан-Чистай. Пока, ближайшим памятником каменного века к стоянкам Перевальная I–IX является стоянка Юбилейный [Кашин, 1983] на р. Индигирка, в 256 км по прямой. Сходство материалов стоянки Юбилейный и на оз. Уи указывает, что они относятся к единой культурной традиции [Слободин, 2018]. Значительно дальше находятся петроглиф Бакиркичан (414 км по прямой), и стоянки Калядин и Агдайка (430 км и 530 км, соответственно).

Оригинальное для Якутии расположение стоянок – на перевале – указывает и на перспективу поиска археологических стоянок и на других перевалах Якутии, особенно между крупными речными системами, такими, как Лена – Яна – Индигирка – Колыма. За небольшим исключением (стоянки в верховьях р. Вост. Хандыга и у перевала Бакиркичан) [Археологические памятники Якутии, 1983; Васильев, 2014], все остальные стоянки найдены в долинах рек, на значительном удалении от перевалов.

Список литературы:

Андреев А.В., Слободин С.Б., Хаменкова Е.В. Беспощадное освоение Колымы, последний рубеж – южная часть хребта Черского // *Природа*. № 6. 2020. С. 32–45.

Археологические памятники Якутии: Бассейны Алдана и Олекмы. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1983. 392 с.

Васильев В.Е. Петроглиф близ перевала Бакиркичан и его интерпретация в свете этнографических сведений о «шайтанах» // *Северо-Восточный гуманитарный вестник*. 2014. № 1. С. 108–111.

Дьяконов В.М. Малотарынская писаница – символическая карта культурной памяти древних сообществ Оймяконья // *Лаборатория комплексных геокультурных исследований Арктики: дорожный проект*. Якутск: АГИКИ, 2015. С. 29–34.

Зеленская А.Ю. Клад каменных заготовок с р. Иганджа на Верхней Колыме: культурно-хронологическая атрибуция через призму неолитических кладов Северо-Востока Азии // *Гуманитарные исследования в Сибири и на Дальнем Востоке*. 2018. № 2. С. 43–53.

Кашин В.А. Стоянка «Юбилейный» и ее место в культуре каменного века Якутии // *Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки* [Отв. ред. Р.С. Васильевский]. Новосибирск: Наука, 1983. С. 93–102.

Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1977. 264 с.

Мочанов Ю.А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М.: Наука, 1969. 254 с.

Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. Очерки дописменной истории Якутии. Якутск 2013. Т.1. 504 с.

Слободин С.Б. Археология Колымы и Континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1999. 246 с.

Слободин С.Б. Верхняя Колыма и континентальное Приохотье в эпоху неолита и раннего металла. Магадан: СВКНИИ. 2001. 202 с.

Слободин С.Б. Мезолитическая традиция черешковых пластинчатых наконечников Северо-Востока Азии // *Российская археология*. 2018. № 2. С. 58–74.

Федосеева С.А. Ымыяхтахская культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск: Наука, 1980. 215 с.

Эверстов С.И. Новые археологические памятники Индигирки и Алазеи // *Новое в археологии Якутии* (Труды ПАЭ). Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1980. С. 66–73.

Эверстов С.И. Памятники древних культур Нижней Индигирки // В кн.: *Общество. Культура. Образование: монография* [Под общ. ред. В.П. Старостина]. Кн. 1. М.: Изд. Дом Академии Естествознания, 2014. С. 50–74.

References:

Andreev A.V., Slobodin S.B., Khamenkova E.V. Besposhchadnoe osvoenie Kolymy, posledniy rubezh – yuzhnaya chast' khrebta Cherskogo [The merciless development of the Kolyma, the last frontier is the

southern part of the Chersky ridge]. *Priroda*. [Nature] № 6. 2020. Pp. 32–45. (In Russian)

Arkheologicheskie pamyatniki Yakutii: Basseyny Aldana i Olekmy. [Archaeological sites of Yakutia: the Aldan and Olekma basins.]. Novosibirsk: Science Publ., 1983. 392 p. (In Russian)

Vasil'ev V.E. Petroglif bliz perevala Bakirkichan i ego interpretatsiya v svete etnograficheskikh svedeniy o "shaitanakh" [Petroglyph near the Bakirkichan pass and its interpretation in the light of ethnographic information about the "shaitans"]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik* [North-Eastern Journal of Humanities]. 2014. № 1. Pp. 108–111. (In Russian)

D'yakonov V.M. Malotarynsкая pisanitsa – simbolicheskaya karta kul'turnoy pamyati drevnikh soobshchestv Oymyakon'ya [Malotaryn Pisanitsa – a symbolic map of the cultural memory of the ancient communities of Oymyakonya]. *Laboratoryai kompleksnykh geokul'turnykh issledovaniy Arktiki: dorozhnyy projekt*. [Laboratory for Comprehensive Geocultural Research of the Arctic: road project] Yakutsk: Arctic State Institute of Culture and Arts Publ., 2015. Pp. 29–34. (In Russian)

Zelenskaya A.Yu. Klad kamennykh zagotovok s r. Igandzha na Verkhney Kolyme: kul'turno-khronologicheskaya atributsiya cherez prizmu neoliticheskikh kladov Severo-Vostoka Azii [A treasure of stone blanks from the Igandzha River in the Upper Kolyma: cultural and chronological attribution through the prism of the Neolithic treasures of Northeast Asia]. *Gumanitarnye issledovaniya v Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanitarian research in Siberia and the Far East]. 2018. № 2. Pp. 43–53. (In Russian)

Kashin V.A. Stoyanka Yubileynyy i ee mesto v kul'ture kamennogo veka Yakutii [Site Yubileiny and its place in the culture of the Stone Age of Yakutia]. *Pozднеpleystotsenovye i rannegolotsenovye kul'turnye svyazi Azii i Ameriki. Otvetstvennyy redaktor R.S. Vasil'evskiy* [Late Pleistocene and Early Holocene cultural ties between Asia and America. Managing editor R.S. Vasilievsky]. Novosibirsk: Science Publ., 1983. Pp. 93–102. (In Russian)

Mochanov Yu.A. *Mnogosloynaya stoyanka Bel'kachi I i periodizatsiya kamennogo veka Yakutii* [Multilayer site Belkachi I and the periodization of the Stone Age in Yakutia]. Moscow: Science Publ., 1969. 254 p. (In Russian)

Mochanov Yu.A. *Drevneyshie etapy zaseleniya chelovekom Severo-Vostochnoy Azii* [The earliest stages of human settlement in North-East Asia]. Novosibirsk: Science Publ., 1977. 264 p. (In Russian)

Mochanov Yu.A., Fedoseeva S.A. *Ocherki dopis'mennoy istorii Yakutii. Yakutsk* [Essays on the preliterate history of Yakutia]. 2013. Volume 1. 504 p. (In Russian)

Slobodin S.B. *Arkheologiya Kolymy i Kontinental'nogo Priokhot'ya v pozdnem pleystotsene i rannem golotsene* [Archeology of Kolyma and Continental Okhotsk in the Late Pleistocene and Early Holocene]. Magadan: North-Eastern Complex Research Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 1999. 246 p. (In Russian)

Slobodin S.B. *Verkhnyaya Kolyma i kontinental'noe Priokhot'e v epokhu neolita i rannego metalla* [Upper Kolyma and Continental Priokhotye in the Neolithic and Early Metal Age]. Magadan: North-Eastern Complex Research Institute of the Russian Academy of Sciences Publ., 2001. 202 p. (In Russian)

Slobodin S.B. *Mezoliticheskaya traditsiya chereschkovykh plastinchatykh nakonechnikov Severo-Vostoka Azii* [Mesolithic tradition of petiolate blade points of North-East Asia]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archeology], 2018. № 2. Pp. 58–74. (In Russian)

Fedoseeva S.A. *Ymyakhtakhskaya kul'tura Severo-Vostochnoy Azii* [Ymyakhtakh culture of North-East Asia]. Novosibirsk: Science Publ., 1980. 215 p. (In Russian)

Everstov S.I. *Novye arkheologicheskie pamyatniki Indigirki i Alazei* [New archaeological sites of Indigirka and Alazeya]. *Novoe v arkheologii Yakutii (Trudy Prilenskoj arheologicheskoy jekspedicii)* [New in the archeology of Yakutia (Proceedings of the Prilensky archaeological expedition).]. Yakutsk: Yakut branch of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences USSR Publ., 1980. Pp. 66–73. (In Russian)

Everstov S.I. *Pamyatniki drevnikh kul'tur Nizhney Indigirki* [Monuments of ancient cultures of the Lower Indigirka]. *Obshchestvo. Kul'tura. Obrazovanie: monografiya. Pod obshhej redakciej V.P. Starostina* [Society. Culture. Education: monograph. Under the general editorship of V.P. Starostin]. Book 1. Moscow: House of the Academy of Natural History Publ., 2014. Pp. 50–74. (In Russian)

Slobodin S.B., Zelenskaya A.Yu.

Archaeological Sites of the Southeastern Tip of the Ulakhan-Chistay Range (Area of the Momsky Natural Park)

Scientific novelty. For the first time, new data on the development of the southern part of the Chersky Range by people already in the Stone Age are introduced into scientific circulation. *The aim* of the article is to publish new mate-

rials obtained during archaeological research in the south of the Chersky range, at the junction of the territories of the Magadan region and Yakutia and to determine their cultural affiliation and age. The analysis of the materials allows us to solve the following *tasks*: to determine the degree of study of the region in question and to establish the roles and places of materials obtained during field work in the general scheme of cultures of the North of the Far East. *Research methods*. During the field work to identify new archaeological sites the methodology of a continuous survey of the territory and the determination of areas of distribution of lifting material was used. When examining the identified monuments, the “Methodology for determining the boundaries of the territories of archaeological Heritage objects” developed by the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences was used. The age and cultural affiliation of the identified material was established on the basis of methods of comparative typological comparison with already known finds and by the level of its technical and typological characteristics.

Results. During the study of the territories of the Susuman District of the Magadan Region and the Moma District of Yakutia (Sakha) in the southern part of the Ulakhan-Chistay ridge of the Chersky mountain system, the Stone Age sites were discovered on the Lake Darpir (Darpir I, II) and group of sites on the pass between the Darpir-Sien and Omchik streams (Perevalnaya I-IX). The materials obtained allow us to say that people have mastered this part of the mountainous interfluvium of the Kolyma and Indigirka Rivers in the Stone Age. The preliminary character of the survey limited the research to the search for sites and the collect only the surface materials. Materials collected at the sites include flakes, blades, microblades, blanks of tools and cores (judging by the technological spalls - conical and flattened) and characterize the sites as workshops located near sources of stone raw materials. The tools found at the sites (arrowheads, scraper, inserts, adze) make it possible for the inhabitants of the pass camps to hunt migrating across the pass reindeer. Excavations will undoubtedly provide more detailed information about the characteristics of the identified cultural complexes. The limited amount of materials and the lack of organic matter for C-14 analysis complicate the precise determination of the age of the finds but the characteristics of the available artifacts allowed to be dated at least to the Neolithic time, most likely its middle stage. These findings open up broad prospects for archaeological study of the Ulakhan-Chistay ridge area; the nearest known Stone Age monument in Yakutia is the Yubileiny Site on the Indigirka River, on the distance 256 km. The location of the sites on the passes typical of the Okhotsk-Kolyma Upland but was previously practically unknown in Yakutia. The sites discovered at the southern spurs of the Ulakhan-Chistay ridge also indicate a high probability of finding archaeological materials on other passes of Yakutia, especially between large river systems such as the Lena, Indigirka, Yana and Kolyma.

Keywords: Neolithic of Kolyma and Yakutia (Sakha), microblades, macro-blades, cores, adze, workshop, Chersky Ridge, Ulakhan-Chistay Range, Momsky National park, Lake Darpir

*С.В. Батаршев, И.Ю. Понкратова, Н.А. Дорофеева,
С.С. Малков, М.В. Голохвастов, Л.С. Лебедева, А.В. Нестерович*

DOI: 10.25693/SVG.V.2022.38.1.002
УДК 902.2(571.65)

Историческая археология Севера: город Гижигинск*

Научная новизна. Статья посвящена истории одного из крупнейших в XVIII–XIX вв. военного, административного и торгового центра на Севере Дальнего Востока России – города Гижигинска, который исследовался как археологический объект в 2020 году впервые.

Цель статьи. Введение в научный оборот новых данных, полученных в результате исследования объекта в Северо-Эвенском районе Магаданской области Гижигинской археологической экспедицией. *Задачи*: сбор,

*Исследование проведено при поддержке РГО (проект № 13/2020-Р), Правительства Магаданской области, Магаданского отделения РГО, Попечительского Совета МОО РГО и лично И.Б. Донцова. Авторы выражают особую благодарность Г.В. Полещуку, В.Н. Понкратову, С.Т. Коню, И.В. Казимирову, В.В. Брагину, А.В. Береговых, Р.Ш. Тешабаеву, А. Этыкану.

© Батаршев С.В., Понкратова И.Ю., Дорофеева Н.А., Малков С.С., Голохвастов М.В., Лебедева Л.С., Нестерович А.В., 2022

систематизация и интерпретация данных о Гижигинске как объекте археологического и исторического наследия.

Методы исследования. Анализ архивных источников и опубликованных материалов по теме исследования; методы полевой археологической разведки, включающие топографическое описание и изучение культуросодержащих отложений для определения границ, хронологии и особенностей объекта.

Результаты. Установлено местоположение объекта на левом берегу р. Гижиги. Зафиксированы остатки 38 построек в виде земляных возвышений; выявлены три исторически сложившихся функционально-планировочных зоны объекта: селитебная, транспортно-складская, мемориальная. Археологический материал отражает разнообразные стороны жизни населения города и датирован поздним этапом функционирования города (вторая половина XIX – первая половина XX вв.). На основании полученных данных ОАН «Город Гижигинск» включен в «Перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Магаданской области».

Ключевые слова: Город Гижигинск, Магаданская область, Гижигинская археологическая экспедиция, объект культурного наследия, топографический план, монеты, религиозная атрибутика, хозяйственно-бытовой инвентарь.

I. Введение. Комплекс полевых археологических работ по выявлению и культурно-хронологической верификации остатков первого города Магаданской области – Гижигинска – проводился Гижигинской археологической экспедицией в 2020 г. Актуальность данного исследования обусловлена рядом факторов.

Во-первых, историческое значение Гижигинска в реализации государственной политики завоевания и освоения обширных слабозаселенных территорий Охотского побережья и Камчатки. С момента своего основания в 1752 г. Гижигинск развивался как военный и административный центр «дабы обеспечить сухопутное сообщение России с Камчаткой и чтобы поставить преграду возмущениям коряков...» [Шаховской, 1861: 284]. После получения в 1783 г. статуса города Гижигинск стал вторым после Охотска официально учрежденным городом на всем Северо-Востоке России. К этому времени он превратился в торговый центр, связавший в единую транспортную сеть Охотск с северо-восточным побережьем Охотского моря и Камчаткой [Казарян, 2012]. В начале XIX в. состояние Гижигинска изменилось: город пришел в упадок, его население сократилось, ухудшилось снабжение гарнизона крепости, частыми стали голодовки и эпидемии. Немаловажную роль в этих процессах сыграло перенесение центра торговли северо-восточных территорий России с Охотского побережья (р. Гижига) на Чукотку (р. Анадырь) и Камчатку (р. Тигиль). В конце XIX в. Гижигинск потерял статус военного опорного пункта и превратился в обычное

село, сохранив официально статус города. В 1927 г. Гижигинск был покинут немногочисленными жителями и как официальный населенный пункт перестал существовать [Назарова, 2015; Конь, Понкратова, 2019].

В-вторых, в настоящее время сложилась неоднозначная ситуация с сохранностью Гижигинска как объекта культурного наследия. Его месторасположение известно населению современного села Гижига (до 1926 г. – Кушка, Новая Гижига), которое регулярно посещает кладбище Гижигинска, ухаживает за сохранившимися надмогильными сооружениями, собирает ягоды на территории объекта, занимается промыслом рыбы на р. Гижиге; на покрытой высокой луговой растительностью возвышенной части города с 1930-х гг. ведутся покосы травы. Такая хозяйственная деятельность населения не наносит ущерба сохранности объекта. Но на территории Гижигинск регулярно проводятся самостоятельные «раскопки» интересующимися «стариной» туристами и краеведами. Многочисленные следы их деятельности – масштабные по объему вскрываемых отложений – зафиксированы в 2020 г. В начале 1980-х гг. антирелигиозную акцию здесь провел «неизвестный активист»: на территории кладбища были срублены сохранившиеся над могильными насыпями деревянные кресты¹.

История Гижигинска отражена в ряде публикаций отечественных исследователей, написанных исключительно на основе анализа письменных источников (актовых, статистических и картографических документов, материалов личного характера – описаний и свидетельств со-

¹Здесь и далее: ПМА – полевые материалы авторов. Гижигинская археологическая экспедиция, 2020 г. (информант – С.Т. Конь, 1964 г.р.).

временников и пр.). В опубликованных работах рассматриваются различные аспекты исторического прошлого Гижигинска: открытие р. Гижиги русскими первопроходцами во главе с М. Стадухиным в XVII в., функционирование Гижигинской крепости под руководством Т.И. Шмалева в XVIII в., образование на месте крепости города и его социальная структура, экономика и хозяйство, образ жизни и быт гижигинцев, санитарно-эпидемиологическая обстановка в городе и пр. [Алексеев, 1958, 1982; Гурвич, 1966; Сафронов, 1988; Вдовин, 1995; Бурыкин, 2015; и др.]. В последние годы история Гижигинска вновь привлекает внимание исследователей: актуализирована его роль в процессе государственного освоения Северо-Востока России [Назарова, 2015], выделены этапы в его истории [Конь, Понкратова, 2019], обращено внимание на проблему изучения и сохранения Гижигинска в качестве объекта культурного наследия Магаданской области [Лебедева и др., 2020]. Но, несмотря на сравнительно длительную историю изучения, остатки Гижигинска не были объектом археологических исследований. Неизвестными оставались его точное местонахождение, границы, топография и планировка, структура культуросодержащих отложений, конструктивные особенности сооружений, особенности вещевого комплекса и др.

В связи с этим задачами предпринятых авторами исследований стало изучение Гижигинска как объекта археологического наследия и подготовка документации для его включения в Перечень выявленных объектов культурного наследия Магаданской области. Цель статьи – внести в научный оборот полученные данные.

II. Материалы и методы исследования. Анализ архивных источников и опубликованных материалов по истории и топографии русских населенных пунктов в долине р. Гижиги середины XVIII – начала XX вв. [Слюнин, 1900; Дитмар, 1901; Алексеев, 1958, 1982; Гурвич, 1966; Сафронов, 1988; Вдовин, 1995; Бурыкин, 2015; и др.] позволил выявить данные о месторасположении Гижигинска.

Предварительно изучалась геоморфологическая информация о районе исследований¹, мате-

риалы спутниковых снимков и карт из открытых источников глобальной телекоммуникационной сети информационных и вычислительных ресурсов (Интернет).

Археологические полевые работы на территории города Гижигинска в 2020 г. проводились экспедицией под руководством С.В. Батаршева (Открытый лист № 1555-2020) и И.Ю. Понкратовой. В процессе полевых исследований использовались методы археологической разведки: исследование территории пешим маршрутом, изучение культуросодержащих отложений в шурфах и раскопе. Материковой поверхности в шурфах и раскопе достигнуть не удалось в связи с кровлей многолетней криолитозоны на глубине 15–25 см. Географические координаты шурфов, раскопа, точек углов поворота границ территории Гижигинска определены при помощи GPS-приемника «GPSmar 60Cx» в системе WGS-84. Топографический инструментальный план объекта и прилегающей местности составлен на основе ортофотоплана, выполненного беспилотным летательным аппаратом DJI Phantom 4 Pro и программного комплекса Photo Scan.

III. Результаты. Район расположения Гижигинска географически связан с юго-восточной частью Магаданской области. На юге эта территория выходит на побережье Охотского моря, на севере – охватывает водосбор верхнего и среднего течения р. Омогон. Значительная часть территории занята восточными отрогами Колымского хребта, дренируемыми многочисленными реками и ручьями. Широко развиты водно-болотные пространства, заозеренность территории составляет около 20%.

Река Гижига берет начало на отрогах Колымского нагорья, течет на юго-восток, впадает в Гижигинскую губу северной части Охотского моря. Длина реки – 221 км; в верхнем течении русло порожистое, в среднем – разветвленное. В нижнем извилистом течении реки сформировалась небольшая, слегка всхолмленная равнина, сложенная аллювиальными отложениями. Здесь выделяются три уровня аллювиальных террас: низкая пойма, средняя пойма и высокая пойма. Выше этих уровней располагается надпойменная незатопляемая терраса – заболочен-

¹Здесь и далее: Государственная геологическая карта СССР. Серия Магаданская. Лист Р-57-XVI. Объяснительная записка. М.: ВСЕГЕИ, 1981. 101 с.

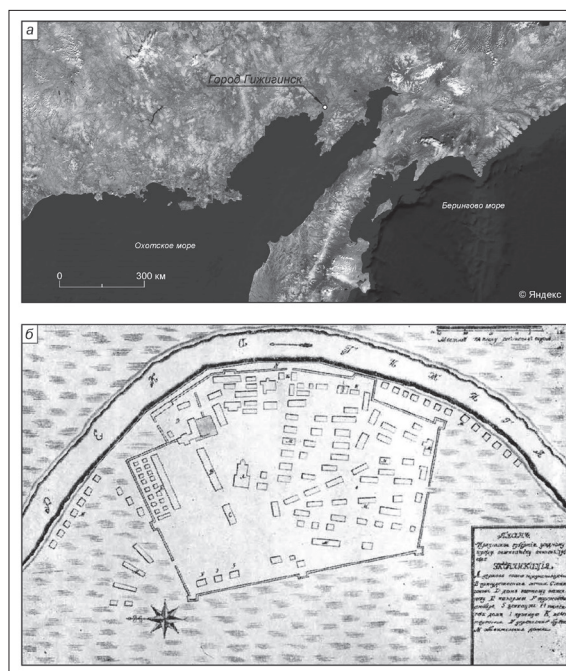

Рис. 1. а – карта расположения ОКН «Город Гижигинск»;
б – план Гижигинска 1798 г. [Сафронов, 1978: 213].

ная равнина с зарастающими старицами и старично-термокарстовыми озерами (Государственная геологическая карта..., 1981).

Гижигинск расположен на левом берегу р. Гижиги в 14,4 км на северо-восток от устья р. Гижиги, в 13,6 км на северо-восток от современного села Гижига и в 9,1 км на северо-восток от горы Бабушки (Рис.1а). Занимает поверхности средней пойменной и высокой надпойменной аллювиальных террас р. Гижиги. Высокая надпойменная терраса имеет слабопокатую (3–5°) поверхность и сложена древними аллювиальными отложениями; ее высота 9–18 м относительно уреза воды в р. Гижиге¹. С запада к тыловому шву надпойменной террасы примыкает средняя пойменная терраса высотой 1–3 м с пологой (1–3°) поверхностью. В северной части надпойменная терраса смыкается с абразионным останцем цокольного строения (высотой 12 м), нависающим мысовидным выступом над долиной реки.

На территории объекта выявлено три исторически сложившихся функционально-планировочных зоны: селитебная, транспортно-складская, мемориальная.

Селитебная зона – основная структурообразующая часть Гижигинска, расположена

параллельно западному уступу террасы и ориентирована длинной осью по линии СЗ-ЮВ, короткой осью – СВ-ЮЗ. Ее форма в плане близка к прямоугольной. Размеры: 465 м по линии СЗ-ЮВ, 247 м по линии СВ-ЮЗ. Общая площадь – 9,7 га. В ее пределах зафиксированы остатки 38 построек, которые выделяются в виде земляных возвышений высотой 0,3–1,1 м от их оснований на современной дневной поверхности. Постройки в плане подквадратной, подпрямоугольной, овальной формы, со скругленными углами. Их размеры: по длинной оси – 9–36 м, по короткой оси – 9–24 м. В центре построек иногда наблюдаются понижения неправильной формы, образовавшиеся в результате проседания грунта в подпол. Ориентированы постройки, как правило, длинной осью по линии СВ-ЮЗ и расположены линейно пятью улицами (рис. 2). Улицы с постройками ориентированы по линии СЗ-ЮВ параллельно уступу террасы: улица № 1 – постройки №№ 3–11; улица № 2 – постройки №№ 12–20; улица № 3 – постройки №№ 21–29; улица № 4 – постройки №№ 30–36; улица № 5 – постройки №№ 37, 38. Часть построек (№№ 1, 2) располагается отдельно вне улиц.

¹ За условный нулевой уровень принят урез воды в р. Гижиге начала августа 2020 г.

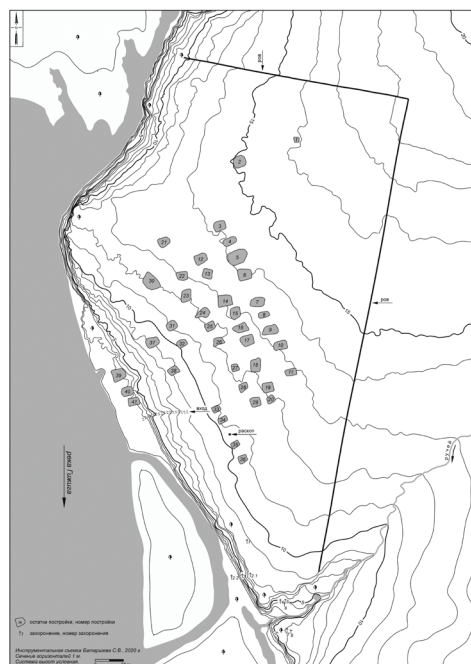

Рис. 2. Топографический план города Гижигинска по результатам работ Гижигинской археологической экспедиции в 2020 г.

Описанные постройки являются руинированными и археологизированными остатками (фундаменты, нижние венцы стен и пр.) жилых домов и иных бревенчатых сооружений. У некоторых построек (№№ 9, 16, 24, 26) хорошо выражены выступы подпрямоугольной формы. Вероятно, это остатки крылец или пристроек (веранда, терраса).

Транспортно-складская зона занимает поверхность средней пойменной террасы высотой 1–3 м, обрывающейся отвесным уступом в р. Гижигу. В плане зона подпрямоугольной формы, ориентирована длинной осью по линии СЗ-ЮВ, короткой осью – СВ-ЮЗ. Размеры транспортно-складской зоны составляют 228 м по линии СЗ-ЮВ и 75 м по линии СВ-ЮЗ; общая площадь – 1,2 га. В ее северной части зафиксированы остатки 3 аналогичных в селитебной зоне построек.

В центральной части города по линии 3-В на протяжении 84 м прослеживается вход с территории набережной в селитебную зону в виде ложбины с оплывшими бортами глубиной 1–2 м и шириной 3–4 м.

Каналы, предназначенные для защиты от тундровых пожаров и отведения избытка дождевой и талой воды, ограничивают террито-

рию объекта с севера и востока. Длина северного канала – 443 м, восточного – 887 м, ширина – до 2,3 м, глубина – до 0,5 м. К настоящему времени каналы заполнены оплывшим грунтом; только на отдельных участках различимы их борта и дно.

Мемориальная зона (кладбище) неправильной в плане формы расположена на поверхности, краю и склонах высокой надпойменной террасы, разрезанной распадком с протекающим по его дну ручьем; находится с южной стороны от селитебной зоны на небольшом расстоянии – 75 м. Ее длина около 264 м по линии С-Ю и 132 м по линии В-З; общая площадь – 1,9 га. Зафиксированы остатки, как минимум, девяти могил. На шести из них сохранились основания, части деревянных крестов из тесаного бруса, на двух – остатки каменных надгробных сооружений с металлическими оградами и от одного захоронения – металлическая надгробная плита. Месторасположение захоронений определено по наличию остатков надмогильных сооружений, каждому захоронению был присвоен индивидуальный номер (1–8). Информативны захоронения с сохранившимися именными надгробиями.

Одно из захоронений – грунтовая могила с разнесенными друг от друга частями надмо-

гильного сооружения. Само погребение с основанием и навершием каменного обелиска и металлической оградой находится в северной части кладбища на пологом склоне террасы. Часть его – каменный обелиск с эпитафией – перемещена вниз по склону на террасы к протоке реки. Возможно, он был перемещен сюда в конце 1980-х гг.¹ Основание обелиска в виде постамента квадратной в плане формы, размером 80×80 см, высотой 25 см изготовлено из светло-серого известняка. У основания обелиска находится его навершие (предположительно каменный крест), изготовленное из того же материала. Рядом расположена вертикально могильная ограда – металлическая декоративная конструкция в виде части забора высотой 110 см и длиной 120 см. Ограда изготовлена из металлических колец квадратного сечения (2×2 см) с остроконечными «копьевидными» навершиями, соединенными между собой лагами из полос металла. Пространство между кольями заполнено декором из полос металла, скрученных в вензеля и скрепленных скобами методомковки. Обелиск в форме куба из светло-серого известняка (размер – 40×40 см). На северо-западной грани обелиска высечена эпитафия на русском языке: «Здѣсь покоится прахъ раба Божія Николая Прокопѣева Брагина скончавшагося 14 Сентября 1897 Вѣчная память». На юго-восточной грани имеется надпись: «IN MEMORY OF NICHOLAS PROCOPIEFF BRAGIN Died September, 14th 1897 A good husband a beloved father a firm friend an upright man. O noble soul o gentle heart farewell»².

Другое погребение находится также в северной части кладбища на склоне высокой террасы. Это перемещенная с могилы металлическая надгробная плита длиной 105 см и шириной 75 см. На плите отлиты восьмиконечный православный крест и эпитафия с информацией о погребенном: «Здѣсь покоится прахъ Гижинскаго Купца Прокопія Прокопѣевича БРАГИНА. Скончавшагося въ 1862 г. на 62 году отъ роду».

Еще одно захоронение находится в центральной части кладбища на ровной площадке террасы. Это остатки мемориального комплекса: могильные плита и стела из серого туфа, металли-

ческая ограда. Плита прямоугольной формы расколота на три части. В 100 см к югу от плиты находится стела высотой 90 см, длиной в основании 55 см, шириной 15 см. Верхняя треть стелы оформлена в виде стилизованного православного четырехконечного креста. На стеле высечено: «Гижигинский Окружный Начальникъ Статский Совѣтникъ Константинъ Терентьевъ Пржевалинскій скончался 19го Іюля 1900 г. на 51мъ году отъ роду».

Ограда сохранилась в виде части секции забора из металлических колец квадратного сечения с остроконечными навершиями и калитки с навесными петлями и щеколдой. Пространство между кольями декорировано скрученными из полос металла и скрепленными методомковки вензелями.

Культуросодержащие отложения встречены в одном шурфе и в раскопе. В шурфе выявлены сильно разложившиеся остатки деревянной конструкции из бревен. Раскоп заложен в селитебной зоне города, между возвышениями построек №№ 34 и 35. Рыхлые отложения в раскопе представлены пачкой тундровых глее-мерзлотных почв – темно-коричневым и темно-бурым тяжелым комковатым суглинком с высокой влажностью, вызванной таянием многолетней мерзлоты. Максимальная глубина раскопа между остатками деревянных конструкций составила 98 см.

В раскопе найдены залегающие по всей толще вскрытых отложений элементы деревянной постройки. Сохранность конструкций плохая, большинство деталей уходят в стенки раскопа. Кровля постройки представлена двумя балками перекрытия диаметром 15–18 см. Дверная коробка была изготовлена из собранного в угловое соединение «шип-паз» и скрепленного на гвоздь бруса (15×15 см). Сохранился упор дверного полотна, сформированный в виде выбранной четверти с внутренней стороны коробки. Ширина коробки – 100 см, дверного проема – 70 см. Сохранилась часть резного наличника, прикрепленного к брусу гвоздями. Стена постройки набрана из бруса (20×15 см) длиной 70–180 см. На торцах бруса фиксируются детали углового соединения «шип-паз». Пол сохранился в виде

¹ПМА

²Перевод: «В память о Николасе Прокопьевиче Брагине, умершем 14 сентября 1897 г. Хороший муж, любимый отец, надежный друг, честный человек. О, благородная душа, о, нежный друг, прощай».

пяти досок прямоугольного сечения (20×10 см) длиной около 120 см, соединенных между собой в шпунт. Балки перекрытия пола состоят из двух бревен диаметром 15–20 см, расположенных перпендикулярно относительно друг друга. Остатки печи выявлены в юго-западном углу раскопа в виде россыпи красноглиняных кирпичей и металлических элементов.

В раскопе обнаружено 118 индивидуальных артефактов и более 600 экз. массового археологического материала. Находки распределяются по характеризующим различные стороны жизни населения Гижигинска группам. Это монеты, предметы религиозного, хозяйственно-бытового, индивидуально-бытового назначения, вооружения, охотничьего промысла, рыбной ловли, торговли, аптекарского дела и медицины, фрагменты одежды и обуви, орудия из камня, кости животных.

Наиболее ранняя по дате чеканки монета относится к середине XIX в. (20 копеек 1879 г.); самые поздние – к 1938 г. (1 и 2 копейки). Найдены монеты, отчеканенные в Российской империи (1909 г.) и в советское время (1924, 1930, 1931, 1936 гг.). Монет советского периода численно больше; они обнаружены в основном в верхних горизонтах раскопа; в нижнем – монеты до Октябрьской революции 1917 г. В одном экземпляре – японская монета «Куань-Юн тун бао» с характерным для Восточной Азии квадратным отверстием в центре. Выпуск таких монет осуществлялся с 1626 по 1860 гг.

Предметы религиозного назначения – два киотных креста, венец (корона) оклада иконы и фигурка Богоматери. Находки располагались компактно в северной части раскопа. Кресты восьмиконечной формы, с двумя прямыми и одним косым перекрестьем, изготовлены из металлического сплава с содержанием меди. Размеры крестов: 11,1 х 6,6 х 0,4 см. На лицевой стороне на верхней перекладине крестов изображен Бог-отец (Саваоф) на облаке, рядом с ним ангелы с урбусами (платками), между ними на квадрате – изображение голубя, ниже – на втором (внутреннем) кресте рельефная фигура Иисуса Христа, на концах второго перекрестья – изображение солнца и луны, на косом перекрестье – изображение города Иерусалима, ниже – изображение пещеры с черепом Адама. На оборотной стороне размещена над-

пись на старославянском языке: «Крест – хранитель всей Вселенной, Крест – красота церковная, Крест – царям держава, Крест – верным утверждение, Крест – ангелам слава, Крест – бесам язва». Надпись занимает почти всю поверхность креста, ниже нее размещены две полосы с криволинейным орнаментом. Кресты идентичны и, вероятно, изготовлены на одном заводе по одной форме. Венец (корона, каруна) – двойной, с расходящимися лучами, изготовлен из металла с примесью серебра. Вероятно, это часть наборного оклада для иконы Богоматери с младенцем. Фигурка Богоматери со склоненной головой и скрещенными на груди руками – плоскостная, с рельефным изображением на лицевой стороне; изготовлена из металлического сплава, покрыта позолотой. Высота фигурки около 11 см, ширина – около 3,3 см. В нижней части – выступ-крепление. Вероятно, фигурка была частью композиции «Крест «Голгофа» с Предстоящими (Пресвятой Богородицей и святым апостолом Иоанном Богословом)».

Значительную долю находок составляют предметы хозяйственно-бытового назначения. Это топоры, лопаты, целое полотно и обломки полотна кос, зубила различной формы и назначения, молотки, кусачки, плотницкий бурав, детали сенокосилки, а также оселки (абразивы) для заточки и доводки орудий.

Часть изделий связана с устройством и освещением дома, его интерьером. Это печные конфорки, дверные и мебельные петли, мебельная фурнитура, цепи и цепочки из проволочных звеньев, детали керосиновых ламп. Дверные петли различаются по своим размерам от небольшой мебельной петли (длина крыла 2,5 см) до воротной петли с длиной крыла 30 см.

Массово представлены гвозди (фабричные и кованые (более 40 экз.)), кирпичи с клеймами, обломки деревянных изделий. На одном из кирпичей имеется надпись «2РОВСК». Это клеймо производителя – Завода 2-1 Русского острова войсковой строительной комиссии, построенного в начале XX в. на острове Русский в Приморье. На другом кирпиче надпись «Н-ки А.Д. Старцева» свидетельствует о том, что изделие было произведено на заводе «Наследники А.Д. Старцева» на ст. Угольная в Приморье, где кирпичи выпускались с 1906 по 1923 гг.

К кухонной утвари отнесены котелок, эмалированные крышки посуды, мясорубка, решетка от мясорубки, ножи, деревянная лопатка, пробки из пробкового дерева, столовые приборы (вилка, чайные и столовые ложки и их фрагменты), стеклянная декоративная крышка и навершие пробки графина. На одной из чайных ложек нанесен орнамент; на обратной стороне ложки клеймо производителя – Московского платинового завода. Серия таких ложечек изготавливалась с 1923 по 1932 гг. и называлась «Факел».

На внутренней поверхности жестяной крышки от банки сохранился фрагмент печатного листа с типографским текстом, который соответствует русской орфографии после реформы 15 октября 1918 г.

Многочисленны фрагменты фарфоровой, фаянсовой и стеклянной посуды (банки, бутылки и их фрагменты), а также обломки и фрагменты бытовых металлических орудий и изделий, детали деревянных емкостей.

Среди фрагментов фарфоровой посуды найдены доньшки тарелок и кружек с клеймами заводов, в том числе российских: завода «Фабрика М.С. Кузнецова в Дулево». Одно клеймо содержит надпись на русском языке, под ним персидская вязь. Такое клеймо ставилось с 1864 по 1889 гг. на товарах, поставлявшихся на восточный рынок (от Персии до Китая), а также фабрики М.С. Кузнецова в Риге (1864–1880 гг.). Имеется еще одно клеймо с надписью «РСФСР. Фарфоровый завод «Дулево. Сорт 2» (1930–1952 гг.). Кроме этого, в коллекции есть клеймо Конаковского фаянсового завода «Н.К.М.П. им. М.И. Калинина в Конакове (Р.С.Ф.С.Р.)» (1934–1940 гг.) и «Товарищество Перевалова, Щелкунова и Метелевых и Ко» (1900–1913 гг.). В единственном экземпляре найдено доньшко сосуда с клеймом английского реестра, которое использовалось английским патентным ведомством с 1842 по 1867 гг. Оно в форме ромба, в верхней части которого находится цифра «IV» (для обозначения керамики). В центральной части ромба буква «R», слева от нее «D» (месяц выпуска – сентябрь), выше нее – буква «R» (год выпуска – 1861 г.).

К индивидуально-бытовым предметам отнесены гребни, расчески, стеклянные пробки и пластмассовые крышки от парфюмерных флаконов, металлические ножницы, мундштуки,

перочинный нож, опасная бритва, кольцо из меди, металлическая пуговица, крышки от карманных часов, пудрениц, деревянная, пластмассовая и костяная зубные щетки, металлические пряжки различного размера и формы. Найдены фрагменты односторонних эбонитовых (или шеллаковых?) граммофонных пластинок, тюбик масляной краски, канцелярский ластик.

Обнаружено 50 пуговиц разного цвета, изготовленных из бересты, дерева, металла, перламутра, стекла, кости, пластмассы. Наиболее многочисленны и разнообразны по размеру бусы из пластмассы. Их диаметр от 0,8 до 1,2 см; форма – плоская, с ножкой, рельефная; цвет – белый, синий, розовый, фиолетовый, черный. На одной из пуговиц черного цвета есть надпись «canotex».

Найдены предметы, позволяющие определить хронологические рамки существования исследованной деревянной постройки. Это пластмассовые закручивающиеся крышечки от парфюмерных флаконов (2 экз.), на верхней плоскости которых есть клеймо из перекрывающихся букв «Т» и «Ж» – «Трест жировой». Выпуск товаров с этим знаком начался в 1921 г. Другой предмет – эбонитовый мундштук с процарапанной пятиконечной звездой. Такие мундштуки изготавливали в начале XX в., а наличие звезды уточняет время его использования – после октябрьской революции 1917 г. Металлическая пуговица, на обратной стороне которой видна надпись «Ламберг», использовались в ателье Ламберга (г. Санкт-Петербург) в конце XIX – начале XX вв. при шитье мундиров и гражданского платья.

В нижнем горизонте обнаружены округлой формы бусины и бисер. На отдельных бусинах видны возникшие при их формовке деформации. Единичны бусины рисовидной формы, цилиндрические и граненые биконические бусины. Бусины изготовлены из белого, голубого и синего прозрачного, полупрозрачного и непрозрачного стекла, реже из зеленого и желтого или коричневатого стекла, камня (голубовато-серой яшмы, голубой опаловидной породы), из зеленоватой пластмассы под жемчуг. Стеклянный бисер – белого, голубого и синего цветов, реже – красного; единичен – черного и оранжевого цвета.

Из костей животных и бивня мамонта изготовлены фигурки человека, шахмат, пластина с

4 сквозными отверстиями (полоз нарты?). Рядом обнаружен крупный фрагмент бивня с подтеской на одном конце.

К предметам досуга можно отнести игрушки из дерева (заяц, человечек), фрагмент пленки диафильма (?), кость домино.

С вооружением, охотничьим промыслом и рыбной ловлей соотносятся массовые находки оружейных гильз и патронов разного калибра (58 шт.), костяное рыболовное грузило, кусочки самородной серы, ружейный кремнь. Одна из оружейных гильз имеет маркировку «19», «W», «V» (четвертая цифра не видна), буквы и цифры разделены радиальными линиями. Это клеймо винтовочного патрона 8x50R Mannlicher, где W – инициалы производителя (Manfred Weis, Budapest), «V» и «19» – дата производства – май 19 (?) г. Рыболовное грузило каплевидной формы с высверленным отверстием для крепления изготовлено из кости морского млекопитающего с пористой структурой.

К предметам торговли отнесены весы, разнообразные по форме и весу гири и гирьки, металлические чашечки, деревянная костяшка счетов, грифельные простые карандаши. Гири представлены двумя типами: сферическими гирьками, весом $\frac{1}{4}$ фунта и крупной дисковой гирей с радиальным вырезом (весовой номинал гири не установлен).

Среди предметов аптекарского дела и медицины – обломок поршня медицинского шприца, стеклянная аптекарская пробка, пипетка, керамический аптекарский пест, обломки стеклянных аптекарских емкостей и пробок от них, фрагмент ампулы.

Благодаря распространению многолетнемерзлых грунтов на территории памятника выявлены уникальные по сохранности находки одежды и обуви в виде фрагментов ткани, кожи и изделий из них. В основном, это детали обуви: верхняя часть, подметки, каблуки, набойки.

Массово обнаружены каменные орудия со следами использования, кости животных (оленья, лося, птичьи кости), требующие специального определения.

IV. Обсуждение. Современное положение остатков города Гижигинска хорошо согласуется с составленным вскоре после основания крепости описанием: «Гижигинская крепость построена над рекой Гижигой, на мысу против

камня, называемого Бабушкин. Напротив крепости за рекой гора Каменная плоская. На оной лес имеется мелкой лисьяг и то местами, и то вельми реткой имеетца кедровик сланец. От крепости до моря вниз по реке Гижиге на собаках рекою езды один день взят и вперед переезжают» [Вдовин, 1995: 78].

Тем не менее, местоположение Гижигинска во второй половине XVIII – первой четверти XIX вв. оказалось дискуссионным. В литературе утверждается, что Гижигинская крепость была построена на правом берегу р. Гижиги – «на месте бывшей Таватумской крепости» [Алексеев, 1958: 55]. Основанием для такого суждения А.И. Алексееву послужила, по всей видимости, карта 1776–1780 гг., на которой Гижигинск помещен именно на правом берегу реки Гижиги [Алексеев, 1958: вставка]. На другой карте 1798 г. Гижигинск находился уже на левой стороне р. Гижиги (рис. 16) [Сафронов, 1988: 213], причем контуры крепостной стены, планировка улиц, расположение построек на обеих картах совпадают. Писавшие о Гижигинске во второй половине XIX – начале XX вв. современники свидетельствуют о левобережном положении города [Слюнин, 1900; Дитмар, 1901; Прозоров, 1902], и только у Н.В. Слюнина упоминается, что «Гижига три раза меняла свое место и прежде стояла на правом берегу, где была подмыта вместе с кладбищем» [Слюнин, 1900: 445]. На какую информацию опирался Н.В. Слюнин, приводя данные о переносе города с одного берега реки на другой, неизвестно, однако он же отмечает, что восстановить «прошлое Гижиги в настоящее время почти невозможно за уничтожением местного архива» [Слюнин, 1900: 445]. Других сведений о переносе Гижигинска в источниках не имеется. Исследуемый авторами объект находится на левом берегу р. Гижиги, и есть основание считать, что Гижигинск был основан все-таки на левом берегу реки, а путаница в его расположении возникла из-за карты 1776–1780 гг., на которой, скорее всего, ошибочно отмечено направление течения реки. Обследованный экспедицией правый берег р. Гижиги низменный, вблизи него отсутствуют подходящие для строительства крепости участки.

Анализ топографии Гижигинска показал, что объект расположен в не затапливаемом сезонными паводками месте с удобными подходами к

реке – основной транспортной артерии района. В хорошую погоду с наивысшей точки Гижигинска хорошо просматривается долина реки и прилегающие к ней территории. Основная часть построек расположена в селитебной части города. В транспортно-складской зоне зафиксированы остатки отдельных построек, которые, возможно, являлись складскими помещениями для хранения перевозимых по реке грузов, здесь же могла располагаться пристань. По свидетельству современников площадка пойменной террасы использовалась жителями города как набережная [Алексеев, 1958: 55].

На кладбище города Гижигинска зафиксированы захоронения с эпитафиями на надмогильных сооружениях, по которым часть кладбища датируется второй половиной XIX в. (1862 г. – П.П. Брагин; 1897 г. – Н.П. Брагин; 1900 г. – К.Т. Пржевальский). Известно, что в XIX в. братья Брагины вели мелкую торговлю в Гижигинской, Анадырской и Колымской округах от имени Русского Товарищества котиковых промыслов [Прозоров, 1902: 147]. Статский советник К.Т. Пржевальский принадлежал польскому дворянскому роду; руководил Гижигинский округой до 1900 г.¹ Захоронения с остатками деревянных крестов по ряду косвенных признаков (прежде всего степени сохранности дерева) можно датировать первой четвертью XX в.

В раскопе обнаружены остатки деревянного дома. По находкам монет время постройки дома датируется второй половиной XIX в. – первой половиной XX вв. Полученный археологический материал отражает разнообразные стороны жизни населения города – от общих (хозяйство, устройство дома и быта) до индивидуальных увлечений отдельных жителей.

Дополнительную информацию по хронологии памятника удалось найти путем изучения и сопоставления полученного вещевого материала (клейма на фарфоровой посуде, кирпичах, маркировка пластмассовых крышек, пластинки, чайные ложки и др.), которые датируются второй половиной XIX – первой половиной XX вв. В то же время из-за медленного оттаивания

многолетнемерзлых пород не удалось изучить отложения, подстилающие остатки деревянной постройки. В связи с этим при последующих археологических исследованиях Гижигинска перспективно нахождение более ранних культуросодержащих горизонтов.

V. Заключение. В результате проведенных Гижигинской археологической экспедицией разведочных работ по выявлению объекта культурного наследия было установлено местоположение города Гижигинска, определены, описаны и отражены на картографической основе его границы, составлен топографический план города, изучена структура культурных отложений, получена коллекция археологического материала, датируемая второй половиной XIX – первой половиной XX вв.

На основании подготовленной учетной документации Приказом № 23 от 14 сентября 2020 г. объект включен в «Перечень выявленных объектов культурного наследия, расположенных на территории Магаданской области» под названием ОКН «Город Гижигинск»². В границах его территории установлен особый режим использования земельного участка, подразумевающий запрет на проведение несанкционированных земельных работ.

Список литературы:

- Алексеев А.И. Братья Шмалевы. Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1958. 75 с.
- Алексеев А.И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX века. М.: Наука, 1982. 288 с.
- Бурыкин А.А. Михаил Стадучин – первооткрыватель Охотского побережья: судьба землепроходца и история его открытий // Магаданский краевед. Вып. 1. Магадан: Охотник, 2015. С. 18–36.
- Вдовин И.С. Гижига – город-крепость на Северо-Востоке России // Памятники, памятные места истории и культуры Северо-Востока России. Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1995. С. 78–82.
- Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 1966. 275 с.
- Дитмар К. Поездки и пребывание на Камчатке в 1851–1855 гг. СПб.: Имп. Акад. наук, 1901. 758 с.

¹Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф.1083. Оп.1. Д. 1 «Гижигинский уездный начальник».

²Перечень выявленных объектов культурного наследия Магаданской области URL: https://www.49gov.ru/common/upload/1/editor/file/PERECHEN_VYYAVLENNYKH_09.04.2021.pdf (дата обращения: 07.11.2021).

Казарян П.Л. Сухопутные сообщения Северо-Восточной России (XVII в. – 1920 г.). Якутск: Изд. дом СВФУ, 2012. 143 с.

Конь У.С., Понкратова И.Ю. История города Гижигинска (1650-е – 1920-е гг.) // Материалы LIX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. С. 237–239.

Лебедева Л.С., Понкратова И.Ю., Волков Д.П. К вопросу о постановке на учет исторического объекта «Город Гижигинск» // Материалы LX Российской археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2020. С. 298–299.

Назарова Я.В. Особенности появления и развития городов Охотского побережья России на примере Гижиги (XVII – первая четверть XX вв.) // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: Материалы междунар. науч. конф. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2015. С. 455–468.

Прозоров А.А. Экономический обзор Охотско-Камчатского края. СПб.: «Труд», 1902. 388 с.

Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М.: Наука, 1978. 258 с.

Сафронов Ф.Г. Тихоокеанские окна России: Из истории освоения русскими людьми побережий Охотского и Берингова морей, Сахалина и Курил. Хабаровск, 1988. 192 с.

Слюнин Н.В. Охотско-Камчатский край. Естественноисторическое описание. Том 1. СПб.: типография А.С. Суворина, 1900. 694 с.

Шаховской А. О начале построения Гижигинской крепости // Вестник Европы. Ч. 102. М., 1818.

References:

Alekseev A.I. *Brat'ya Shmalevy* [The Shmalev Brothers]. Magadan: Magadan book Publ., 1958. 75 p. (In Russian)

Alekseev A.I. *Osvoenie russkimi lyud'mi Dal'nego Vostoka i Russkoy Ameriki do kontsa XIX veka* [The development of the Russian people of the Far East and Russian America until the end of the XIX century]. Moscow: Science Publ., 1982. 288 p. (In Russian)

Burykin A.A. Mikhail Stadukhin – pervootkryvatel' Okhotskogo poberezh'ya: sud'ba zemleprokhodtsa i istoriya ego otkrytiy [Mikhail Stadukhin is a discoverer of the Okhotsk coast: the fate of the explorer and the history of his discoveries]. *Magadanskiy kraeved* [Magadan local historian]. Volume 1. Magadan: Hunter Publ., 2015. Pp. 18–36. (In Russian)

Ditmar K. *Poezdki i prebyvanie na Kamchatke v 1851–1855 gg.* [Trips and stays in Kamchatka in 1851–

1855]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1901. 758 p. (In Russian)

Gurvich I.S. *Etnicheskaya istoriya Severo-Vostoka Sibiri* [Ethnic History of the North-East of Siberia]. Moscow: Science Publ., 1966. 275 p. (In Russian)

Kazaryan P.L. *Sukhoputnye soobshcheniya Severo-Vostochnoy Rossii (XVII v – 1920 g.)* [Land communications of North-Eastern Russia (XVII century–1920)]. Yakutsk: Publ. of the North-Eastern Federal University, 2012. 143 p. (In Russian)

Kon' U.S., Ponkratova I.Yu. *Istoriya goroda Gizhiginska (1650-e – 1920-e gg.)* [History of the Gizhiginsk city (1650s–1920s)]. *Materialy LIX Rossiyskoy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh* [Materials of the LIX Russian Archaeological and Ethnographic Conference of Students and Young Scientists]. Blagoveshchensk: Publ. of Blagoveshchensk State Pedagogical University, 2019. Pp. 237–239. (In Russian)

Lebedeva L.S., Ponkratova I.Yu., Volkov D.P. *K voprosu o postanovke na uchet istoricheskogo ob'ekta "Gorod Gizhiginsk"* [On the issue of registration of the historical object "Gizhiginsk City"]. *Materialy LX Rossiyskoy arkheologo-etnograficheskoy konferentsii studentov i molodykh uchenykh* [Proceedings of the LX Russian Archaeological and Ethnographic Conference of Students and Young Scientists]. Irkutsk: Publ. of Irkutsk State University Publ., 2020. Pp. 298–299. (In Russian)

Nazarova Ya.V. *Osobennosti poyavleniya i razvitiya gorodov Okhotskogo poberezh'ya Rossii na primere Gizhigi (XVII – pervaya chetvert' XX vv.)* [Features of the appearance and development of cities on the Okhotsk coast of Russia on the example of Gizhiga (XVII – the first quarter of the XX centuries)]. *Vladivostok – tochka vozvrashcheniya: proshloe i nastoyashchee russkoy emigratsii: Materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Vladivostok – the point of return: the past and present of Russian emigration: Materials of the International Scientific Conference]. Vladivostok: Publ. of Far Eastern Federal University, 2015. Pp. 455–468. (In Russian)

Prozorov A.A. *Ekonomicheskii obzor Okhotsko-Kamchatskogo kraya* [Economic overview of the Okhotsk-Kamchatka Territory]. St. Petersburg: Work Publ., 1902. 388 p. (In Russian)

Safronov F.G. *Russkie na severo-vostoke Azii v XVII – seredine XIX veke* [Russians in Northeast Asia in the XVII – mid-XIX centuries]. Moscow: Science Publ., 1978. 258 p. (In Russian)

Safronov F.G. *Tikhookeanskies okna Rossii: Iz istorii osvoeniya russkimi lyud'mi poberezh'iy Okhotskogo i Beringova morey, Sakhalina i Kuril* [Pacific Windows of Russia: From the history of the development of the coasts of the Okhotsk and Bering Seas, Sakhalin and the

Kuril Islands by Russian people]. Khabarovsk, 1988. 192 p. (In Russian)

Shakhovskoy A. *O nachale postroeniya Gizhiginskoy kreposti* [About the beginning of the construction of the Gizhiga fortress]. *Vestnik Evropy* [Bulletin of Europe]. Part. 102. Moscow, 1818. (In Russian)

Slyunin N.V. *Okhotsko-Kamchatsky kray. Estestvenno-istoricheskoe opisanie* [Okhotsk-Kamchatka Region. Natural-historical description].

Volume 1. St. Petersburg: by A. S. Suvorina Publ., 1900. 694 p. (In Russian)

Vdovin I.S. *Gizhiga – gorod-krepost' na Severo-Vostoke Rossii* [Gizhiga is a fortress city in the North-East of Russia]. *Pamyatniki, pamyatnye mesta istorii i kul'tury Severo-Vostoka Rossii* [Monuments, memorable places of history and culture of the North-East of Russia]. Magadan: Magadan book Publ., 1995. Pp. 78–82. (In Russian)

*S.V. Batarshhev, I.Yu. Ponkratova, N.A. Dorofeeva,
S.S. Malkov, M.V. Golokhvastov, L.S. Lebedeva, A.V. Nesterovich*

Historical Archeology of the North: Gizhiginsk City

Scientific novelty. The article is devoted to the history of one of the largest military, administrative, and commercial centers in the North of the Russian Far East in the XVIII–XIX centuries – to Gizhiginsk City. It was investigated as an archaeological site in 2020 for the first time. *The aim* of the study is to publish the data obtained as a result of the research of the object in the Severo-Evenski district of the Magadan region by the Gizhiga archaeological expedition. *The tasks:* collection, systematization and interpretation of data on Gizhiginsk as an object of archaeological and historical heritage. *Research methods:* analysis of archival sources and published materials on the research topic: methods of field archaeological exploration, including topographic description and study of culture-containing deposits to determine the boundaries, chronology and features of the object. *Results.* The location of the object on the left bank of the Gizhiga River has been established. The remains of 38 buildings in the form of earthen elevations were recorded; three historically formed functional and planning zones of the object were identified: residential, transport, warehouse and memorial. The archaeological material reflects various aspects of the life of the city's population. The material is determined to the late stage of the city's existence in the second half of the XIX – first half of the XX centuries. The existence of earlier stages of settlement of Gizhiginsk City in the underlying earth deposits is assumed. Based on the data obtained, the object of cultural heritage of "Gizhiginsk City" is included in the "List of identified objects of cultural heritage located on the territory of the Magadan region".

Keywords: Gizhiginsk City, Magadan region, archaeological expedition, object of cultural heritage, topographic plan, coins, religious paraphernalia, household equipment.

В.В. Филиппова

DOI: 10.25693/SVGV.2022.38.1.003

УДК 911.37(571.56)

Локальные особенности расселения и динамика численности населения Усть-Майского улуса (района) в XX–XXI вв.

Научная новизна исследования состоит в комплексном анализе изменений в расселении и численности населения Усть-Майского улуса (района) Якутии. В статье представлены итоги исследований автора по вопросам развития системы расселения во взаимосвязи с хозяйственным освоением территории Якутии с 1917 по 2021 гг.

* Статья написана в рамках Госзадания ИГиИПМНС СО РАН №121041500279-8. Автор выражает благодарность ЦКП ФИЦ ЯНЦ СО РАН за возможность проведения исследований на научном оборудовании центра.

© Филиппова В.В., 2022

Целью исследования является выявление внутрирайонных различий в динамике населения и ее связь с использованием природных ресурсов и национальным составом населения исследуемого района. Для достижения цели были решены задачи по изучению административно-территориального устройства, по исторической характеристике размещения населения, по анализу динамики численности населения, по выявлению изменений в национальном составе района.

Методы исследования. Исследование осуществлено на основе архивных и опубликованных источников с применением историко-сравнительного, статистического и картографического методов.

Результаты. При анализе структуры хозяйства выявлено, что основными видами хозяйственного освоения территории Усть-Майского района являются расселенческое, промышленное, сельскохозяйственное, лесохозяйственное и транспортное освоение. Установлено, что относительно меньшим трансформациям была подвержена западная часть района – территория с большой долей коренных народов, занятых традиционными промыслами, а наибольшим – восточная часть района с большей долей пришлого населения и развитой горнодобывающей промышленностью. Автором предложены четыре локальных хозяйственных типов расселения: горнопромышленный, лесопромышленно-аграрный, транспортно-аграрный и скотоводческо-промыслово-земледельческий.

Ключевые слова: Якутия, Усть-Майский район, численность населения, история расселения, хозяйственное освоение

I. Введение. Население и система его расселения являются одними из важнейших условий развития любой территории. Расселение (поселенческая сеть региона) – результат длительного процесса освоения территории и одна из важнейших структур общества. Переход Российской Федерации к рыночной экономике привел к коренным изменениям в территориальной структуре расселения населения. В регионах страны наблюдается усиление тенденции к концентрации населения в городских агломерациях и местных центрах различного уровня. Как результат, усилилась контрастность в размещении населения по территории ранее освоенных регионов страны, сложилась иная (в отличие от предшествующей эпохи) система ядер тяготения. Процесс расселения приобрел более локальный характер. Система расселения, являясь итогом целенаправленной деятельности людей, отражает уровень развития общества, особенности его функционирования и меняется вместе с изменением социально-экономической ситуации.

Результатом целенаправленной деятельности государства по совершенствованию организации расселения жителей, размещения на территории объектов экономики, социальной сферы, транспортной, энергетической и иных инфраструктур и др. является пространственное развитие¹. Одной из задач Стратегии пространственного раз-

вития Российской Федерации на период до 2025 г. является повышение устойчивости национальной системы расселения путем социально-экономического развития городов и сельских территорий. Актуальность данной темы непосредственно связана с современной практикой управления, вопросами социально-экономического развития России, соответственно анализ закономерностей развития расселения приобретает особое значение с точки зрения прогнозирования эволюции поселенческой сети. Прогнозирование системы расселения необходимо для целей регулирования регионального развития, однако это невозможно без осмысления истории освоения территории, исследования местных особенностей сетей поселений и взаимосвязей между ними. В пространственной организации российского общества ключевая роль отводится регионам, обладающим целостным хозяйственным комплексом и обеспечивающим необходимые условия жизнедеятельности населения.

Теоретической и методологической основой данной статьи являются основные концептуальные схемы и работы отечественных исследователей, заложивших основы теории расселения: П.П. Семенова-Тян-Шанского, В.П. Семенова-Тян-Шанского, С.А. Ковалева, Б.С. Хорева, Г.М. Лаппо, А.И. Алексеева.

Обзор региональной литературы показал, что анализ хозяйственного освоения террито-

¹Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. Оф. сайт Министерства экономического развития Российской Федерации. URL: <https://clck.ru/SkFEB> (дата обращения: 18.02.2022)

рии Якутии и связанной с ней системой расселения в советский и постсоветский периоды представлен в трудах С.И. Ковлекова [Ковлеков, 1992], З.М. Дмитриевой [Дмитриева, 1972], Е.Н. Федоровой [Федорова, 1998], В.Б. Игнатьевой [Игнатьева, 1994], Г.А. Пономаревой [Федорова, Пономарева, 2016], М.Ю. Присяжного [Присяжный, 2011а, 2011b] и др. В данных публикациях население и хозяйство Усть-Майского района рассмотрены в целом, без учета локальных особенностей. Непосредственно район исследования охарактеризован в работах С.И. Николаева [Николаев, 1964] и С.С. Атласовой [Атласова, 1999]: первый автор анализирует расселение Усть-Майского района в составе юго-восточной Якутии за 1950–1960-е гг., второй – в составе Южной Якутии до 1989 г. В коллективной монографии по истории, культуре и фольклору Усть-Майского улуса изучаемая проблематика затрагивается в отдельных разделах без обобщенного анализа поселенческой сети [Усть-Майский улус..., 2007]. Территориальная организация населения Усть-Майского района в составе социально-экономического района Восточная Якутия с акцентом на современность рассмотрена в статье Е.Н. Федоровой и Г.А. Пономаревой [Федорова, Пономарева, 2016]. Таким образом, на основе обзора исследований, близких по тематике статьи, можно говорить о том, что комплексного исследования, посвященного расселению отдельно взятого Усть-Майского улуса (района), не проводилось.

Объектом данного исследования является Усть-Майский район – один из районов, система расселения которого претерпела изменения в результате административно-территориальных преобразований, коллективизации, перевода на оседлый образ жизни и промышленного освоения. Усть-Майский район расположен на востоке Республики Саха (Якутия) и занимает территорию площадью 95,3 тыс. кв. км. Улус на западе граничит с Чурапчинским, Таттинским, Амгинским улусами, на юго-западе с Алданским районом, на севере – с Томпонским и Оймяконским районами, на востоке с Хабаровским краем. На территории улуса находится восточная часть Приленского плато, высота которой у п. Усть-Мая не превышает 150 м над уровнем

моря, и Юдомо-Майское нагорье. Далее по правобережью расположены по меридиональному направлению Кыллахский хребет и Южные отроги хребтов Улахан Бом и Сете-Дабан. Наиболее высокая точка гор улуса 2403 м находится на среднем течении р. Халыя. Полезные ископаемые представлены месторождениями золота, свинца, цинка, редких металлов. Из строительных материалов имеются суглинки, доломит и песчано-гравийная смесь. Район располагает большими запасами строевого леса. По территории Усть-Майского улуса с юга на север, почти по меридиональному направлению, протекает р. Алдан. Остальные малые реки входят в бассейн этой реки. Реки Мая и Аллах-Юнь, самые крупные на территории района, протекают по правобережной стороне р. Алдан¹.

II. Материалы и методы. Исследование осуществлено с использованием статистического, историко-генетического, историко-типологического, историко-сравнительного и картографического методов. Историко-генетический метод позволяет реконструировать историческое развитие, охарактеризовать его причинно-следственные связи и закономерности. Для выделения общего и особенного в историческом развитии территории Усть-Майского улуса применяется историко-сравнительный метод, для выявления пространственно-временных структур используется историко-типологический метод. В рамках историко-статистического метода применяются приемы статистического анализа.

Источниками для данной статьи послужили официальная статистика (данные переписи и текущий учет населения), информация из официальных сайтов органов власти и управления (паспорта социально-экономического развития муниципальных образований), схемы территориального планирования, годовые отчеты глав муниципальных образований и т.п., опубликованные научные труды, архивные материалы, извлеченные из фондов Национального архива Республики Саха (Якутия), Санкт-Петербургского филиала архива Российской академии наук.

Численность населения исследуемого региона была реконструирована по неопубликованным архивным материалам и опубликованным сборникам переписей населения. Однако в сбор-

¹Якутская АССР: Стат. справ. Упр. нар.-хозяйств. учета ЯАССР. Якутск: Якут. гос. изд-во, 1934. 124, [2] с.

никах материалов переписей населения в основном представлена общая численность всего населения района и отдельно городского, поэтому для анализа динамики численности сельского населения и численности населения в разрезе поселений были привлечены архивные документы и данные текущего учета населения. Документы российских и региональных архивов также привлечены для установления мест расселения, выявления изменений в административно-территориальном устройстве и динамике числа поселений Усть-Майского улуса (района). Опубликованные научные труды позволили получить целостную картину пространственно-временных изменений и факторов в системе расселения рассматриваемого района.

Информация из официальных сайтов органов власти и управления (паспорта социально-экономического развития муниципальных образований), схемы территориального планирования, годовые отчеты глав муниципальных образований позволили проанализировать современную ситуацию территориальной организации населения и на их основе выделить локальные хозяйственные типы расселения Усть-Майского улуса (района).

III. Результаты. Исследование по выявлению влияния промышленного освоения на расселение и динамику численности населения Усть-Майского района проводилось посредством решения задач по изучению эволюции административно-территориального устройства, численности и размещения населения, национального состава народонаселения района.

Изменения в административно-территориальном устройстве. В 1922 г. с образованием Якутской АССР обширная часть территории Майского ведомства от Юдомской поймы отошла к Дальневосточному краю (ДВК). Сами же тунгусы недоумевали по поводу разделения их традиционной территории проживания между тремя регионами: Якутией, Бурят-Монголией и ДВК. Они кочевали со своими стадами с места на место, нисколько не считаясь с установленными административными границами. Разделение эвенков на «якутских» и «охотских» в до-

революционный период было номинальным, попыткой ослабить солидарность тунгусского рода. Естественной преградой для кочевков являлся не Становой хребет, не реки и ручьи, а места, где отсутствовал олений ягель [Антонов, 2019: 97-139]. До установления Советской власти на территории Майского ведомства в составе Якутского уезда проживали следующие тунгусские бродячие рода: Кюрбюгдинская (верхняя Мая); I и II Бытальские (Усть-Мильская администрация и вверх по р.Алдан); I, II, III Эжанские (от р. Аллах-Юнь и вверх по р.Алдан); Кюпская (Кюпская администрация) [Соколов, 1917: 22].

Во время проведения Всесоюзной переписи населения 1926 г. на рассматриваемой территории существовал Алдано-Майский улус. Современный Усть-Майский улус в пределах существующих границ был образован 20 мая 1931 г. В 1937–1953 гг. с развитием золотой промышленности в Джугджуре на его территории образовались два района: Усть-Майский с районным центром в с. Усть-Мая (1931–1953 гг.), Аллах-Юньский с районным центром в п. Аллах-Юнь (до 1948 г.), а также рабочий поселок Эльдикан (1948–1953 гг.) [Борзенков, 2007: 14-15].

Аллах-Юньский район, образовался в 1939 г. на территории нынешних Таттинского, Томпонского и Усть-Майских районов, имел площадь 100 тыс. кв. км¹. В 1953 г. путем слияния Усть-Майского и Аллах-Юньского районов был создан Усть-Майский район с районным центром в с. Усть-Мая (1953–1957 гг.), после перенесения центра в п. Солнечный (1973–1992 гг.), районный центр возвращен в п. Усть-Мая в 1992 г. Административно-территориальное устройство рассматриваемого района в современных границах было завершено в 1971 г. после передачи Белькачинского сельсовета Алданского района в состав Усть-Майского района [Борзенков, 2007: 14–15].

Низовое административное деление района в советский период состояло из сельсоветов. В Алдано-Майском районе на 1931 г. существовало 7 наслегов и отдельно были выделены кочевые тунгусы Аллаха и Юдомы – 26 хозяйств (111 чел.), имевших 804 оленя². В административно-территориальном управлении в 1933 г. в

¹В период коллективизации...Из архива Усть-Майского музея // ИЛИН. 2005. №3 (44). URL: <http://ilin-yakutsk.narod.ru/2005-3/61.htm> (дата обращения: 19.02.2022).

²Там же.

Усть-Майском улусе было 8 наслежных совета: Кюпский, Эжанский, Усть-Майский, Юдальский, Мильский, Майдинский, Аллах-Юньский и Ноторский [Борзенков, 2007: 15]. В 1940–1950-е гг. в составе Аллах-Юньского района были Аллах-Юньский, Ыныкчанский, Усть-Юдомский, Огонекский, Бриндакитский, Охотский и Юрский сельские советы. А в составе Усть-Майского района Усть-Майский, Усть-Мильский, Майдинский, Эжанский, Ноторинский, Жудинский, Кюпский и Эжанский сельские советы¹.

С увеличением добычи золота в Аллах-Юньском районе (1934–1953 гг.) возникли поселки Аллах-Юнь, Евканджа, Ыныкчан, Минор, Светлый, Бурхала, Баатыло, Огонек, Бриндакит, Юр, Югоренок, Курун-Юрях, Верхняя Мая, Ытыга, Усть-Эдома, Эльдикан, Усть-Аллах, Охотский Перевоз, колхоз им. Орджоникидзе – Аллах-Юньский поссовет, 8 км [Борзенков, 2007: 15]. Развитие промышленности и транспорта на территории района способствовало появлению новых рабочих поселков: Солнечный (1972 г.) и Югоренок (1978 г.). С отработкой золотоносных месторождений связан перевод населенных пунктов Огонек (1972 г.) и Юр (1978 г.) из категории рабочих поселков в сельские [Присяжная, 2008: 37].

Указом Президиума Верховного Совета Якутской АССР от 22 мая 1987 г. исключены из учетных данных административно-территориального деления Усть-Майского улуса (района) следующие сельские населенные пункты (сельские округа): Аппа Петропавловского наслега и Келбик Эжанского наслега; Сардана на территории, административно подчиненной п. Югоренок; Усть-Бам на территории, административно подчиненной п. Бриндакит.

Указом Президиума Верховного Совета Якутской АССР от 19 января 1987 года п. Звездочка был исключен из административного подчинения п. Ыныкчан. Постановлением Государственного Собрания (Ил Тумэн) РС (Я) от 26 ноября 2008 г. пп. Бриндакит и Ыныкчан были упразднены как административно-территори-

альные единицы. Постановлением Правительства РС(Я) от 26 октября 2001 г. исключены из учетных данных административно-территориального деления Усть-Майского улуса (района) сельские населенные пункты: Акра на территории, административно подчиненной п. Эльдикан и Юр, на территории административно подчиненной п. Югоренок.

В настоящее время на территории рассматриваемого района имеется 10 муниципальных образований, объединяющих 15 населенных пунктов. Это городские поселения: поселки городского типа «Звездочка», «Солнечный» (пгт. Солнечный, с. Усть-Ыныкчан), «Усть-Мая» (пгт. Усть-Мая, с. Усть-Юдома), «Эльдикан» (пгт. Эльдикан, с. 8-й км); сельские поселения «Кюпский национальный наслег» (сс. Кюпцы и Тумул), «Петропавловский национальный наслег» (сс. Петропавловск и Троицк), «село Белькачи», «село Усть-Миль», «Эжанский национальный наслег» (с. Эжанцы) и на межселенной территории находится Аллах-Юнь².

Расселение и динамика численности населения района. Границами кочевий майских эвенков до 1917 г. на севере выступал Охотский тракт, на юге – верховья Алдана, на западе – Мокуский станок (30 верстах от Усть-Май), на востоке – Охотское море. Район приблизительно определялся следующим ареалом: от устья р. Нотора до с. Усть-Мая, вверх по р. Мая до с. Гелькан с разездами по рр. Аиму, Маймакану, Ватонге, Юдоме и другим притокам р. Мая. Нельканский район – порт Аян системы р. Алдан и Лантарь, п. Аян – Охотск по верховьям рек, впадающих в Охотское море. Численность населения майских (в том числе нельканских) бродячих 7 родов составляла 2500 душ обоего пола, кочевых 6 родов 1500 душ обоего пола³.

В дореволюционном родовом составе усть-майских эвенков и якутов, проживавших в сельской местности, С.И. Николаевым были выделены следующие группы представленные в табл. 1. В данном выделении применен админи-

¹Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС(Я)). Ф.50. Оп.56. Д.86. Л.6, 6 об.; Ф.50.Оп.62. Д. 17. Л. 7-9, 93-94; Ф.50.Оп.62. Д.25. Л.112-113.

²Перечень муниципальных образований. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). URL: [\(organy.mestnogo.samoupravleniya.Resspubliki.Sakha.\(Yakutiya\).\(sakha.gov.ru\)\)](http://organy.mestnogo.samoupravleniya.Resspubliki.Sakha.(Yakutiya).(sakha.gov.ru)) (дата обращения: 18.02.2022).

³НА РС(Я). Ф. 70. Оп. 1.Д. 383. Л.8 об., 35.

Дореволюционный состав усть-майских эвенков и якутов [Николаев, 1964: 25–27]

Родовой состав эвенков и якутов	Название родов	Места расселения
Эжанцы	Борукуой (Атласовы)	оз.Кюбээйи, уроч. Майагастах
	Кэдэк (Илларионовы)	участок Кюбэ, Буор-Хайа, оз.Талангда
	Дыййаа (Дьячковские, Атласовы)	участок Хайа, Тонголо тумса
	Дыдыр (Захаровы)	р.Марха, местность Тумусах
	Кырыылаах (Конниковы)	р. Хайа
	Дьаакып (Винокуровы)	р. Хайа, участок Хочо
Куолуминцы (Куолугинцы)	Сысолятины	Урочище Алаас, рр. Дьудаа, Элгээйи, Дьаакымда
	Прокопьевы, Илларионовы, Поповы	р. Ахпа
	Ивановы, Адамовы, Нестеровы, Степановы, Ноевы	местность Толоон, рр. Хатырган, Хоонгу, Лэбэрэ
	Березкины	устье р. Май (Сюджээйи)
	Трубачевы, Онопноровы	Сюджээйи
Кюпцы	Улахан ага ууса (Апросимовы)	местность Орто-Хочо
	Бегес (Андреевы)	местность Элгэкээн (пос. Эльдикан)
	Муостаах (Дьячковские)	местность Тонголло Хайата
	Жирковы	речка Нотора
	Уутунньук (Атласовы)	местность Тумул
	Кырыылаах (Конниковы)	устье Ноторы
	Дьаакып (Винокуровы)	поселение Ураса
	Ягодины	поселение Ураса
Майдинцы (по названию р. Мая)	Никифоровы	местность Намытыр, Чабда, рр. Уу-Юрях
	Винокуровы	местность Айаайа

стративный (по наслегам) и географический (по местам проживания) подходы.

В 1926 г. на территории Алдано-Майского улуса всего было 29 населенных пунктов, представляющих собой отдельно разбросанные зимние юрты: Бэлкэччи, Быта, Кутана, Лаппы в Бытальском наслеге, река Нотора, устье р. Нотара, Хаптагай в Кюпском наслеге, селение с административным центром улуса Усть-Майское Петропавловского сельского совета,

Ары, Кюбэн, Кюндэ хайата, Мадьжах, Марха, Майыда, Хочо-баса, Чамча в 1-м Эжанском наслеге, Аппа, Бяриги, Иси, Майыда, Муокуйа, Сюджэн, Хатарган, Ымыяхтах, Элэгэн, Юда в 2-м Эжанском наслеге, Инэки, устье р.Миль, Чаппанда в 3-м Эжанском наслеге¹. Всего в перечисленных поселениях Алдано-Майского улуса было 428 хозяйств (из них: якутских – 36, тунгусских – 379, русских – 13) с общей численностью населения 1775 чел.

¹Здесь и далее: Список населенных зимних пунктов 4-х южных округов Якутии: материалы Всесоюзной демографической переписи населения 1926 г. (предварительные итоги). Якутск: Изд. ЯСУ, 1928. XXIII. С. 12.

В.Н. Васильев во время своей поездки также зафиксировал факт агитации аянскими тунгусами своих майских сородичей о выгодности и необходимости причисления их к Охотску и Аяну, пугая неизбежностью в противном случае эксплуатации со стороны якутов, зависимостью от них и т.п., связывая с распространением слухов о том, что весь район до Алдана отторгается центром от Якутской республики и присоединяется к Дальневосточному краю. Так, некоторые тунгусы по р. Ватама, отчасти р. Маймакан, некоторые тунгусы системы р. Уя и истоков самой р. Мая, под воздействием этой агитации к моменту посещения исследуемого района В.Н. Васильевым уже были приписаны к Аяну и частью к Охотску. Тунгусы же всего остального бассейна Май по-прежнему тяготели к своему старому центру – Нелькану, оставаясь в пределах и ведении Якутской АССР. Одним из факторов, мешающих объединению двух групп майских тунгусов и обсуждению своих нужд и мер улучшения своего положения, по мнению В.Н. Васильева, как раз был вышеупомянутый раскол [Васильев, 1930: 30].

В связи с открытием золотых приисков население Аллах-Юня увеличивалась быстрыми темпами: в 1935 г. оно составляло 1139 чел., в 1936 г. – 3384 чел., а в 1937 г. – 6803 чел. [Хатылаев, 2007: 126]. В 1930-е гг., по данным начальника Аллах-Юньской экспедиции Н.И. Зайцева, в пределах обширной территории, прилегающей к бывшей почтовой станции Аллах-Юнь, находилось лишь 6 якутских хозяйств, а южнее них (ниже по р. Аллах-Юнь и по среднему течению р. Юдома) кочевали аллах-юдомские эвенки в количестве 91 чел., объединенные в 28 хозяйств [Хатылаев, 2007: 123–128]. Развитие золотопромышленности привело к резкому увеличению численности населения района, в основном за счет бывшего Аллах-Юньского района. За период с 1937 по 1939 гг. здесь численность населения возросла в 2,4 раза. Общая численность населения ранее существовавших Аллах-Юньского и Усть-Майского улусов в 1939 г. составляла 20497 чел. Общее число поселений по данным переписи 1939 г. составляло 265, из них в Аллах-Юньском районе – 111, в Усть-Майском – 154. Распределение численности населения по населенным советам Аллах-Юньского было сле-

дующим: Усть-Майский – 1832 чел., Мильский – 1131 чел., Эжанский – 455 чел., Кюпский – 426 чел., Ноторский – 225 чел., Юдальский – 223 чел., Майдинский – 174 чел. По наследным советам Аллах-Юньского района проживало: в Ыныкчанском – 4577 чел., Охотском – 3125 чел., Светлинском – 1608 чел., Юдомском – 1226 чел., Минорском – 1213 чел., Батылинском – 533 чел., Евканджинском – 489 чел., Бурхалинском – 333 чел., Алысардахском – 306 чел. Городское население было представлено только жителями райцентра – рабочим поселком Аллах-Юнь, в котором проживало 2621 чел. По численности, близкой к показателям райцентра, относился Охотский Перевоз, в котором жило 2409 чел. К поселениям с людностью поселений от 1000 до 2000 относились Ыныкчан, Светлый, Усть-Мая, Минор. 22 поселения имели численность от 100 до 1000 чел., а в остальных 239 населенных пунктах людность не превышала 100 чел.

По данным переписи населения 1959 г., количество населенных пунктов составило 62, в которых проживало 15548 чел. (табл. 2), в т.ч. 13448 чел. проживало в городских поселениях: Эльдикане (3096 чел.), Ыныкчанском (2461 чел.), Усть-Мае (2290 чел.), Бриндаките (1776 чел.), Аллах-Юне (1622 чел.), Юре (1389 чел.) и Огоньке (814 чел.). Распределение населения по сельским советам было следующим: в Усть-Юдомском проживало 268 чел., в Кюпском – 385 чел., Майдинском – 142 чел., Усть-Мильском – 185 чел., Петропавловском – 784 чел., Эжанском – 350 чел. Сельские поселения также характеризовались небольшой людностью, крупными являлись Петропавловск (509 чел.), Буор-Хая (241 чел.), Усть-Юдома (220 чел.), Ураса (186 чел.), Усть-Миль (161 чел.) и Тумул (111 чел.). В остальных 49 населенных пунктах численность населения не превышала 100 чел.

В результате укрупнения поселений, процессов перевода кочевого населения на оседлый образ жизни и закрытия бесперспективных населенных пунктов к 1970 г. на территории Усть-Майского района осталось 37, в 1979 г. – 27, в 1989 г. – 20, таким образом по сравнению с 1959 г. за 30 лет количество пунктов сократилось в 3 раза.

По данным переписи 1989 г., на территории района населенные пункты, переведенные в ста-

Группировка населенных пунктов по людности и
динамика численности населения Усть-Майского улуса¹

Людность поселений	1939	1959	1970	1979	1989	2002	2010	2021
Менее 10	131	32	8	3	0	0	0	0
11-50	90	14	8	1	1	3	1	0
51-100	16	3	3	4	3	1	2	0
101-500	19	5	10	9	5	6	7	5
501-1000	3	2	2	4	4	4	1	3
1000-2000	4	3	3	4	2	1	2	1
2000-3000	2	2	2	2	4	1	1	1
3000-3500	0	1	1	0	1	1	0	
Количество населенных пунктов, всего, единиц	265	62	37	27	20	18	14	15
Численность населения, чел.	20497	15548	17137	17404	20864	11568	8629	7263

тус сельских (распоряжение Верховного Совета ЯАССР №475-р от 09.06.1977 г.), имели следующие функциональные типы: п. Усть-Ыныкчан (425 чел.), п. Акра (51 чел.), п. 8 км (159 чел.) – промышленное, п. Усть-Юдома (54 чел.) – сельскохозяйственное, п. Омчикандя (579 чел.) и п. Тастах (579 чел.) – карьеры ГОКа, п. Юр (31 чел.) и п. Энтузиастов (1713 чел.) – шахты. К сельским населенным пунктам, в которых население не было занято сельским хозяйством, были отнесены: с. Белькачи (299 чел.), в котором находился лесозаготовительный пункт и с. Усть-Миль (741 чел.), имевшее промышленное производство. Среди населенных пунктов, подлежащих к восстановлению, было указано с. Тумул с численностью 99 чел.²

Со второй половины 1990-х гг. в Усть-Майском районе, как и по всей Республике Саха

(Якутия), происходит постепенный процесс закрытия ряда поселков, связанный с изменением экономической ситуации в золотодобывающей промышленности. В 1997–1998 гг. было принято решение о ликвидации поселков Ыныкчан и Бриндакит, а также о поэтапном закрытии поселков Аллах-Юнь и Югоренок.

Анализ численности населения района в постсоветский период показал его сокращение на 9297 чел. за 1989–2002 межпереписные годы и на 2939 чел. за 2002–2010 годы. Численность населения района продолжает сокращаться за счет оттока пришлового населения, и в 2021 г. общая численность населения Усть-Майского района составила 7263 чел., из них городское – 5243 чел., сельское – 2020 чел.

На протяжении последних лет численность населения исследуемого района сокращается

¹РГАЭ. Ф. 9570. Оп.5. Д.166; НА РС(Я). Ф. 50. Оп. 62. Д. 25. Л. 124; [Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года / ЦСУ РСФСР. Статистическое упр. ЯАССР. Якутск, 1973. 19 с.]; Здесь и далее: Итоги Всесоюзной переписи населения на 12 янв. 1989 года / Статистический сборник №3. Якутское республиканское управление статистики. Якутск, 1990. 106 с.; Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). URL: [Органы местного самоуправления Республики Саха \(Якутия\) \(sakha.gov.ru\)](http://organy.mestnogo.samoуправления.sakha.gov.ru) (дата обращения: 18.02.2022).

²Аналитическая записка «Об изменении числа и состава сельских населенных пунктов и численности сельского населения по итогам переписи населения 1989 года». Якутск: Якутское республиканское управление статистики. 1990. С. 13.

как за счет миграционного оттока, так и за счет естественной убыли населения, причем оба этих показателя существенно превышают аналогичные показатели по Республике Саха (Якутия). Так, миграционная убыль в Усть-Майском улусе (районе) с 2010 г. ежегодно составляет 200 чел., тогда как по Якутии данный показатель вышел на положительные значения. Если показатели естественного прироста на 1000 чел. населения по РС(Я) являются положительными: в 2000 г. – 4,0, в 2010 г. – 7,0, в 2015 – 8,6, в 2020 г. – 4,1, то по Усть-Майскому району данный показатель за рассматриваемые годы был отрицательным в 2000, 2010 и 2019 гг. (-3,3, -3,6 и -1,2), а в 2020 г. наблюдался положительный естественный прирост – 0,5.

Доминирование неблагоприятных демографических тенденций в последние годы приводит к неуклонному сокращению численности трудоспособного населения района (в 2005 г. – 7,5 тыс. человек, в 2010 г. – 5,9 тыс. человек, в 2017 г. – 4,7 тыс. человек). В то же время доля трудоспособного населения в общей численности населения сохраняется на стабильном уровне (65-70%). Показатель общей безработицы в районе составлял в 2016 г. 5,3%, в 2011 г. – 5,3%.

В настоящее время в 15 поселениях Усть-Майского улуса проживает 7263 чел. По группировке административных районов Якутии по модели Дж. Уэбба по типу динамики населения за 2010–2018 гг. Усть-Майский район вошел в группу районов, где механический прирост превышал естественную убыль [Игнатьева, Маклашова, Томаска и др., 2020: 15]. Рассмотрим подробнее, за счет каких поселений произошел отток населения в районе. По сравнению с 2010 г. в 2021 г. удельный вес городского населения уменьшился на 0,6% и составил 72,1%, соответственно возросла доля сельского с 27,2% до 27,8%. В целом во всех населенных пунктах наблюдается сокращение численности населения, кроме п. Югоренок, где численность увеличилась на 85 чел. Уменьшение численности населения на более 30% произошло в городских поселениях Аллах-Юнь (на 67,7%), Эльдикан (на 33,6%) и в сельском поселении Усть-Миль (на 34,9%). В последнем это связано с закрытием лесозаготовительных предприятий, являвшихся поселкообразующими. Сокращение численности п. Аллах-Юнь

можно связать с его ликвидацией и переводом земель на межселенные территории.

Наименьшее сокращение населения характерно для сельских поселений, имеющих статус национальных территориальных образований: Кюпский, Петропавловский и Эжанский. Как результат коллективизации, политики перевода коренного населения на оседлость, поселкование в данных наслегах сосредоточено все коренное население, когда-либо проживавшее на территории Усть-Майского улуса (района). Согласно Закону «О перечне коренных малочисленных народов Севера и мест их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности в Республике Саха (Якутия)» от 10 июля 2003 г. и Распоряжения Правительства Российской Федерации от 8 мая 2009 г. №631-р «Об утверждении Перечня мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации и Перечня видов традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» местом компактного расселения коренных народов Севера в пределах данных наслегов включены 5 поселений: Кюпцы, Тумул, Петропавловск, Троицк и Эжанцы. Определение территорий данных сельских поселений местами традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности способствует занятию традиционными видами хозяйства в границах наслегов и саму основу поселенческой структуры коренного населения. В данных сельских поселениях сосредоточено 82,1% всего сельского населения Усть-Майского улуса.

Изменения в национальном составе населения района. Этнический состав улуса можно условно поделить на три группы: коренное население (эвенки и якуты), русское старожильское и пришлое население. В данной статье мы рассмотрим данный показатель с 1926 г., когда были получены наиболее полные сведения о составе населения. Одним из основных источников данного периода являются перепись 1926 г. и труды В.Н. Васильева. По данным 1926 г., в Алдано-Майском улусе Якутского округа было 428 хозяйств (из них якутских – 36, тунгусских – 379, русских – 13) с общей численностью населения

1775 чел.¹ По подсчетам В.Н. Васильева, численность составляла 995 душ из них собственно тунгусов – 855, якутов – 117 и русских 19 душ².

Соседство с якутами Центральной Якутии способствовало их переходу на полуоседлый и оседлый образ жизни уже к началу XX в. Так, население, проживавшее в бассейне р. Мая, по исследованиям В.М. ИONOва, по характеру занятий делилось на три группы. Первая группа (верховья р. Мая) в зимнее время занималась перевозкой товаров на оленях, а в летнее время одновременно с выпасом оленей – рыболовством, звероловством и охотой. Вторая группа, населявшая низовья р. Мая, представляла собой оседлое население, живущее скотоводством и занимавшееся хлебопашеством. Небольшие кочевки были связаны с заготовкой запасов сена на отдаленных участках от их постоянного места жительства. Эвенки, проживавшие на территории Усть-Майского района, одним из первых стали заниматься скотоводством – в основном проживавшие в низовьях р. Мая. Так, скотоводов Усть-Май якуты Центральной Якутии считали эвенками, в то время когда тех же скотоводов охотские эвенки называли «алданскими якутами» [Николаев, 1964: 34]. Объяснение данного противоречия связано с тем, что усть-майские якуты еще до XX в. подверглись в большей или меньшей степени обьякучиванию как в отношении хозяйства, так и языка [Ионов, 1904: 8]. Факт обьякучивания (утрата родного языка, владение якутским языком, верованиями, переход на скотоводческо-хозяйственный образ жизни и пр.) также был зафиксирован В.Н. Васильевым, однако он отмечал, что по своим национальным чертам, характеру, нравам, некоторым обычаям и промыслам оно тем не менее сильно отличалось от якутов [Васильев, 1930: 66]. Для примера, забегаая вперед, приведем следующие данные по владению родным языком: в середине XX в. только 2,7% эвенков владели родным языком [Николаев, 1964: с. 23], а в 1989 г. удельный вес эвенков, считавших родным языком эвенкийский, составлял 2,9%, русский – 17,8%, якутский – 79,3%³.

На начало 1933 г. в Усть-Майском районе проживало 4,5 тыс. чел., в т.ч. эвенки – 74,8%, якуты – 13,1%, русские – 10,2%, прочие – 1,9%⁴. В результате пересчета населения по районам Якутской АССР по итогам переписи 1926 г. в границах по состоянию на 01.01.1936 на изучаемой территории общая численность населения составила 1798 чел., в т.ч. эвенков – 1325 чел., якутов – 260 чел., русских – 175 чел., татар – 32 чел., другой национальности – 6 чел.⁵

Доля усть-майских эвенков в общей численности эвенков Якутии держалась на уровне 10–14% (1959 г. – 13,9%, 1979 – 12,5%, 1989 – 13,5, 2002 – 10,2% и в 2010 г. – 9,3%) (табл. 1). Данный факт говорит о низкой мобильности коренного населения района, а уменьшение доли по данным 2010 г. можно связать с увеличением численности эвенков в других районах республики.

Открытие и промышленное освоение Аллах-Юньских (Джугджурских) золотых приисков наряду с Алданскими золотыми приисками заложили новый этап в развитии золотодобывающей промышленности Якутии [Хатылаев, 2004]. Территория Усть-Майского района (бассейн р. Аллах-Юнь, верховья рр. Юдома и Тыра, хребет Сетте-Дабан и т. д.) считались третьим промышленным районом Якутской АССР, где велась добыча россыпного и рудного золота. Впервые в Аллах-Юньском районе золото было найдено в 1932 г., а ее добыча началась в третьей пятилетке (1938–1942 гг.). В 1936 г. было организовано Аллах-Юньское приисковое управление треста «Якутзолото». В 1939 г. прииски данного района объединили и создали трест «Джугджурзолото» союзного подчинения [Хатылаев, 1972: 114]. В 1942 г., как и в 1941 г., трест «Джугджурзолото» уже 3 октября досрочно завершил свой годовой план, сдав в конце года 5205 кг золота. Это был рекордный показатель за весь предшествующий период его деятельности. По итогам Всесоюзного соревнования предприятий отрасли в июне и августе 1942 г. трест «Джугджурзолото», а прииск «Ыныкчан» в сентябре удостоились третьей

¹Список населенных зимних...

²Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 47. Оп. 1. Д. 39. Л. 26.

³Итоги Всесоюзной переписи ..., 1901:100.

⁴Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 335. Л. 1.

⁵НА РС(Я). Ф. 70. Оп. 1. Д. 427. Л. 38.

Таблица 3

Изменения в национальном составе Усть-Майского района за 1926-2010 гг.
(по данным переписей населения)¹

	1926-1927 (по результатам пересчета в границах 1936 г.)	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Все население	1798	15648	17137	17404	20864	11568	8629
Эвенки	1325	1327	1452	1577	1945	1870	1962
Якуты	260	1335	1364	1388	1492	1122	779
Русские	175	11320	12501	12025	13400	6995	4943
Украинцы	-	-	671	1228	2236	640	302
Татары	32	292	267	245	310	144	87
Буряты	-	-	...	112	89	40	22
Башкиры	-	-	...	...	77	26	-
Немцы	-	-	111	87	83	34	-
Молдаване	-	-	...	...	194	65	-
Чуваши	-	-	...	46	136	118	-
Мордва	-	-	...	107	138	36	-
Эвены	-	41	-	-	44	148	129
Юкагиры	-	1	-	-	-	-	1
Чукчи	-	-	1	1	-	-	-
Другие националь- ности и не указав- шие националь- ность	6	1332	507	379	429	3	404

премии Наркомцветмета СССР [История Якутии, 2020: 256]. Трест «Джугджурзолото» отработал уже к концу войны наиболее богатые разведанные запасы, поэтому сосредоточил эксплуатационные работы лишь на четырех приисках: «Ыныкчан», «Юдома», «Евканджа» и «Верхняя Мая». В конце 1940-х – в начале 1950-х гг. геологи треста «Джугджурзолото» обнаружили россыпные месторождения вблизи приисков «Евканджа», «Курун-Юряхское» в Верхнемайском районе и так называемые «погребенные россыпи» у пос. Аллах-Юнь, а также перспективные площади для дражной разработки недалеко от пос. Ыныкчан, Юрское рудное поле вблизи прииска «Юдома». Но почти все месторождения были мелкими и расположенными далеко друг от друга [История Якутии, 2020: 311].

В связи с медленными темпами пополнения минерально-сырьевой базы трест «Джугджур-

золото» был расформирован в 1956 г. и горно-эксплуатационные работы сосредоточились на прииске Ыныкчан в составе Якутского совнархоза, в который входили 5 участков: Аллах-Юньский, Ыныкчанский, Бриндакитский, Юрский и Верхнемайский. В 1960 г. участки прииска были преобразованы в карьеры и шахты. В 1967 г. организовывается горно-обогатительный комбинат «Джугджурзолото» с подчинением объединению «Якутзолото». В 1970–1990 гг. в районе основными предприятиями были комбинат «Джугджурзолото» (АО «Золото Джугджура»), Эльдиканское дорожно-транспортное предприятие, нефтебаза, ПЛЭС-03, 2 леспромпхоза. На территории размещалось два крупных авиапорта и шесть с авиаплощадками, принимающими самолеты АН-2 и Л-410².

Развитие промышленности во второй половине привело к увеличению пришлого населения, в

¹Источники: НА РС(Я). Ф. 70. Оп. 1. Д. 427; Игнатъева В.Б. Национальный состав населения Якутии: (этно-статистическое исследование). Якутск: Якут. науч. центр СО РАН, 1994. 144 с.; Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Саха (Якутия). URL: [Органы местного самоуправления Республики Саха \(Якутия\) \(sakha.gov.ru\)](http://sakha.gov.ru) (дата обращения: 18.02.2022).

²Архив администрации Усть-Майского улуса (района) Якутии. Ф.1. Оп.1. Д.1.

результате по рассчитанному показателю этнической мозаичности Усть-Майский улус входил в группу районов с высоким индексом многонациональности с увеличивающейся мозаичностью [Игнатьева, 1994: 54]. Так, за межпереписной период 1926–1959 гг. численность русского населения выросла в 65 раз, увеличилось численность украинцев, татар, бурят и др. (табл. 3).

В 1992 г. реформы и структурные преобразования экономики страны разрушили отлаженную производственную систему добычи золота. Было решено акционировать и передать часть пакетов акций коллектива филиалов. Были образованы ЗАО «Золото Джугджура», ЗАО «Энергетик», ЗАО «Рудник Юрский», производственный кооператив – старательская артель «Аллах-Юнь». Предприятиями золотодобывающей промышленности улуса в начале 2000-х гг. являлись ОАО артель «Дражник», ОАО «Золото Ыныкчана», старательская артель «Север-Саха» (п. Бриндакит). Администрации всех артелей находятся в п. Солнечный, который является традиционно базовым и связывает все поселки горной части улуса.

Отток пришлого населения (с 17092 чел. в 1989 г. до 5758 чел. в 2010 г.) привело к увеличению доли коренного населения в общей численности населения района: с 25,9% в 2002 г. до 31,8% в 2010 г. Удельный вес аборигенного населения в районе до промышленного освоения составлял 88,1%. Постепенное снижение доли эвенков и якутов наблюдалось в советский период. Данный показатель достиг 16,4% в 1989 г., что явилось абсолютным минимумом за всю историю Усть-Майского района. Анализ численности коренного населения за межпереписной период 1926–2010 гг. показал увеличение эвенкийского и уменьшение якутского. Если в 1920-х гг. их соотношение было равным, то в 2010 г. в общей численности аборигенных этносов эвенки составляли 71,5%, а якуты – 28,5%.

IV. Обсуждение. Имеется несколько типологий расселения и хозяйственного освоения территории Якутии. В советский период на территории Усть-Майского района были выделены скотоводческо-земледельческий и скотоводческо-промысловый хозяйственные типы сель-

ского расселения. Отдельно был выделен несельскохозяйственный тип, охватывающий восточную часть района¹. М.Ю. Присяжным впервые на территории Республики Саха (Якутия) была предложена типология районов по уровням и структуре освоенности [Присяжный, 2011а]. Усть-Майский район, по его исследованиям оценки уровня промышленного освоения территории по интегральным показателям, входит в группу районов с высоким уровнем освоенности, а по типу хозяйственного освоения относится к промышленно-транспортному [Присяжный, 2011б]. Е.Н. Федорова и Г.А. Пономарева в результате исследования территориальной организации населения Восточной Якутии дают общую характеристику Усть-Майского района без анализа внутрирайонных различий. В результате они выявили, что в организации населения и хозяйства Восточной Якутии как внутриреспубликанского социально-экономического района существует проблема формирования регионального центра, который стягивал бы все социальное и экономическое пространство в единое целое. В качестве центра Восточной Якутии они предлагают Хандыгу — самый крупный по численности населения (более 6,6 тыс. чел.) и полифункциональный по значению рабочий поселок. Из их исследований следует, что Усть-Майский район находится в стороне от Томпонского и Оймяконского улусов, имеющих опорный каркас системы расселения – федеральную трассу «Колыма» [Федорова, Пономарева, 2016].

В вышеперечисленных типологиях Усть-Майский район рассматривается в целом, без учета локальных особенностей. Для выявления внутрирайонных различий были проанализированы «Схема территориального планирования МР «Усть-Майский улус (район)» Республики Саха (Якутия)» и «Стратегия социально-экономического развития муниципального района «Усть-Майский улус (район)» Республики Саха (Якутия) до 2032 года». Так, основными направлениями развития муниципальных образований в Стратегии указаны: транспортная инфраструктура и сельское хозяйство (Усть-Мая, Петропавловский наслег), добыча полезных ископаемых (Солнечный, Звездочка, Югоренок),

¹Атлас сельского хозяйства Якутской АССР / Гос. агропром. ком. Якут. АССР, Гос. ком. РСФСР по нар. образованию, Якут. гос. ун-т. [Редколл.: И.А. Матвеев и др.]. Москва: ГУГК, 1989. С. 48.

транспорт, сельское хозяйство и энергетика (Эльдикан), лесозаготовка и лесопереработка (Белькачи), развитие традиционных укладов и видов деятельности коренных малочисленных народов Севера (Кюпский и Эжанский наслега), развитие традиционных укладов и сельское хозяйство (Усть-Миль, Усть-Юдома). Выделены три зоны ускоренного муниципального развития по ареалам расселения: 1) горнодобывающая (Ыныкчан, Солнечный, Звездочка, Югоренки, Усть-Ыныкчан, Бриндакит, Аллах-Юнь); 2) лесопромышленная (Белькачи и Усть-Миль);

3) туристско-этнографическая (Кюпцы, Тумул, Эльдикан, 8-й км, Усть-Мая, Эжанцы, Петропавловск и Троицк)¹.

На основе исторической характеристики размещения населения, представленной в первой части статьи, паспортов социально-экономического развития муниципальных образований, схемы территориального планирования, стратегии социально-экономического развития муниципального района «Усть-Майский улус (район)» Республики Саха (Якутия) можно выделить следующие локальные хозяйственные типы расселения (рис. 1):

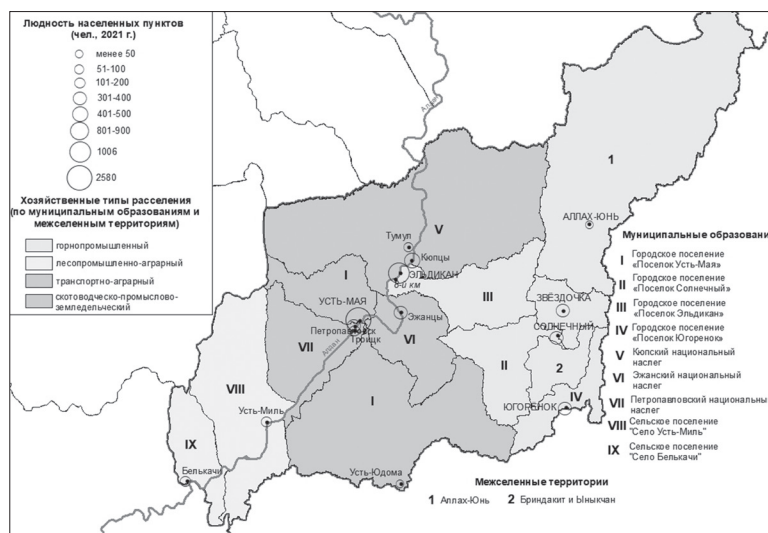

Рис. 1. Локальные хозяйственные типы расселения Усть-Майского улуса (района). Составлено автором, 2022 г.

– горнопромышленный, охватывающий восточную горную часть территории района, городских поселений Солнечный, Звездочка, Югоренки, межселенные территории Аллах-Юнь, Ыныкчан и Бриндакит. В основном в эту группу входят поселки, возникшие в 1960–1980-е гг., в период активного развития золотодобывающей промышленности, благодаря чему в этот период формировалась сеть полноценных жилых поселков, обеспеченных объектами социальной инфраструктуры (школами, больницами, магазинами и т. д.), отличных от поселков вахтовых. Исключение по периоду возникновения составляет пос. Эльдикан, который был создан в 1939 г. как база для экономического освоения района. В Стратегии развития района основным направле-

нием развития пос. Эльдикан указаны транспорт, сельское хозяйство и энергетика, соответственно наблюдается смена функционального типа данного поселения. Основные перспективы развития данного типа связаны с вовлечением в разработку золоторудного месторождения «Ыныкчанское рудное поле» и месторождения полиметаллов «Сардана», а также увеличением объемов добычи за счет освоения нижних (вечномерзлых) горизонтов. Базовыми населенными пунктами для освоения указанных месторождений будут пп. Солнечный и Югоренки;

– лесопромышленно-аграрный тип расположен на крайнем юго-западе района, охватывает территории сельских поселений «село Усть-Миль» и «село Белькачи». Данные села возник-

¹Стратегия социально-экономического развития муниципального района «Усть-Майский улус (район)» Республики Саха (Якутия) до 2032 года. Официальный сайт МР «Усть-Майский улус (район)». URL: <https://clck.ru/dWJhr> (дата обращения: 18.02.2022).

ли в 1930-е гг., здесь ранее функционировали лесозаготовительные участки, специализацией в паспортах социально-экономического развития указывается лесозаготовка, но в настоящее время лесопромышленный комплекс района находится в упадке, что является основной преградой для дальнейшего социально-экономического развития. До 1990 г. в Усть-Майском районе активно велась разработка и переработка древесины, основное производство было размещено в с. Белькачи и с. Усть-Миль. В настоящее время заготовка леса практически приостановлена. Лесосырьевой потенциал Усть-Мильского лесничества, куда входят территории Усть-Мильского и Белькачинского МО, составляет 141 млн м³. Дальнейшее развитие отрасли возможно только при наличии заинтересованного инвестора и при использовании механизмов государственно-частного партнерства, при наличии лесовозных дорог, которые отсутствуют в настоящее время. У данных территорий есть возможности развития традиционных отраслей сельского хозяйства – таких, как коневодство, растениеводство – поскольку имеются значительные запасы сельхозугодий;

– транспортно-аграрный тип включает территорию городского поселения Усть-Мая. Данный поселок, исторически возникший и развивавшийся как база для освоения территории (номинально начиная с XVII, а реально – с конца XIX вв.) является центром района. В данном ареале, включающем и отдаленную Усть-Юдому, существует потенциал к дальнейшему развитию сельского хозяйства и переработки сельскохозяйственной продукции. Усть-Мая выполняет транспортно-логистические функции и имеет возможности развития сельского хозяйства и переработки, а также управленческих и бюджетных услуг на основе более развитой инфраструктуры. В перспективе получают развитие новые функции: транспортные услуги, дорожный сервис и обслуживание дорог, рост туристического потока будет стимулировать развитие как сферы услуг вообще, так и туристических услуг в частности;

– скотоводческо-промыслово-земледельческий тип характерен для территорий национальных наслегов: Кюпского, Петропавловского и Эжанского. Население данных наслегов традиционно занимается охотой, скотоводством, мясным табунным коневодством, выращивает

картофель. Территория Петропавловского наслега характеризуется наличием значительных площадей земель сельскохозяйственного назначения. Это объясняется не только удачным географическим расположением села, но и глубокими корнями развития традиционного земледелия, а также исторически сложившимся укладом жизни. Развитие национальных наслегов будет связано с сохранением традиционного уклада жизни, развитием сельскохозяйственного производства, в том числе переработкой сельхозпродукции, охотничьего промысла. На территории улуса долгосрочные лицензии на право пользования объектами животного мира оформлены следующими охотхозяйствами: ОАО ФАПК «Сахабулт», КРО «Айан», СХПК ОПХ РО «Алдан», ООО «Булчут», СПК ЭРО «Кюбьяйи», ООО «Артемиды», КРО «Аллах-Юнь», КРО «Джугджур», КРО МК(А) НС «Тунгусы», ИП Петров А.С., КРО МА(А) НС «Юктэ (ключ Родник)», КРО «Эжанская», НО РОКЭ «Атласов», ИП Борисова Я.О., КРО «Захаровка», ПК КРО «Майдинская». Согласно Реестру территорий традиционного природопользования (ТТП), находящегося в ведении Министерства по развитию Арктики и делам народов Севера РС(Я), в границах трех наслегов в 2016 г. были созданы ТТП наследного статуса: Эжанский – 11.01.2016, Кюпский – 17.02.2016, Петропавловский – 18.03.2016. В Реестр районных ТТП, созданных решениями представительных органов местного самоуправления, поставленных на учет в государственный кадастр, но полностью не относящихся к местам традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов РФ, был включен весь район решением от 26.12.2016 г. № 10-20/3 РУ (Р)/С. Однако решением депутатов Усть-Майского улусного (районного) совета от 21 декабря 2021 г. №5-22/7 РУ(Р)С была ликвидирована ТТП «Усть-Майский район» на территории муниципального района «Усть-Майский улус (район)». Депутаты Усть-Майского улусного совета в ходе очередной сессии от 14.02.2022 признали утратившим силу решение от 21 декабря 2021 г. о ликвидации ТТП «Усть-Майский район».

V. Заключение. В данной статье система расселения рассмотрена как исторически сложив-

шаяся сеть поселений, отмеченных в географических точках существующего административно-территориального деления, жизнедеятельность постоянного населения которой обеспечивается имеющейся инфраструктурой и социально-экономическими связями. В итоге выявлено, что исторически на современной территории района сложились два ареала расселения: восточная промышленная, представленная в основном городскими поселениями, находящимся в горной части района, и западная равнинная, охватывающая сеть сельский поселений, занятых традиционными видами хозяйства.

Проведенное исследование показывает отражение на локальном уровне общих тенденций в освоении Северо-Востока страны и размещении производительных сил на этих территориях. В случае с Усть-Майским районом в течение советского периода на демографические и расселенческие процессы влияло развитие золото-промышленности и лесозаготовок. Общероссийская тенденция снижения численности населения в 1990-е и последующие годы проявилась в значительном оттоке пришлого населения из Усть-Майского района, в точечном освоении месторождений вахтовым методом в результате закрытия поселений. Определяющую отрицательную роль в динамике населения с начала 1990-х годов до настоящего времени играет миграционный отток населения. Современная численность населения составляет 37% от ее величины в 1990 г. Наблюдается устойчивое сокращение численности населения района: за период между переписями населения 1989–2002 гг. население сократилось в 1,8 раза; за период между двумя последующими переписями (2002–2010 гг.) еще в 1,4 раза. За последнее десятилетие отмечается снижение интенсивности общей убыли населения в основном из-за снижения миграционного потенциала района, поскольку он был преимущественно реализован в предыдущее десятилетие. На уменьшение численности населения влияет высокий уровень смертности населения Усть-Майского улуса по сравнению с другими районами Якутии, превышающий средний показатель по республике на 80% (2010 г.).

На фоне снижения численности пришлого населения наблюдается увеличение доли коренного населения. Относительно низкие темпы уменьшения численности аборигенных этносов

связаны как с меньшей социальной мобильностью селян, так и с преобладанием в сельской местности якутов и эвенков. Преимущественное проживание в сельской местности большинства аборигенных этносов обусловлено историческим ареалом расселения, занятостью в традиционных отраслях хозяйства на всем протяжении XX в., наличием статуса низовых национальных административных единиц и территорий традиционного природопользования.

На изученном примере Усть-Майского улуса очевидна роль этнического фактора в эволюции расселения. Так, были закрыты золотодобывающие поселки, населявшиеся в основном мигрантами извне республики – этническими русскими и украинцами, вследствие чего образовались межселенные пространства на территориях бывших поселков Аллах-Юнь, Бриндакит и Ыныкчан. На этом фоне выделяется устойчивость сельских поселений коренных жителей улуса, сформировавшихся еще в середине XX в., переживших слом колхозно-совхозной системы размещения населения и демонстрирующих способность адаптироваться к новым социально-экономическим условиям.

Список литературы:

Антонов Е.П., Антонова В.Н. Разногласия Якутии, Дальнего Востока и центра по вопросу административно-территориального разграничения в контексте национальной политики // *Ab imperio*. 2019. № 4. С. 97–139.

Атласова С.С. Эвенки Южной Якутии в XX в.: социально-экономический и этнодемографический аспект: 07.00.02 Отечественная история: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Якутск, 1999. 20 с.

Борзенков В.М. Административно-территориальное устройство // Усть-Майский улус: история, культура, фольклор. [Редколл.: В.В. Топорков и др.]. Якутск: Бичик, 2007. С. 14–18.

Васильев В.Н. Предварительный отчет о работах среди алдано-майских и аяно-охотских тунгусов в 1926–1928 годах. Ленинград: Изд-во АН СССР, 1930. 86 с.

Дмитриева З.М. Сельское расселение Северной Якутии: специальность 11.691 Экон. география СССР: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. геогр. наук. Ленинград, 1972. 26 с.

Игнатьева В.Б. Национальный состав населения Якутии: (этно-статистическое исследование). Якутск: Якут. науч. центр СО РАН, 1994. 144 с.

Игнатьева В.Б., Маклашова Е.Г., Томаска А.Г. и др. Этносоциальные процессы в Якутии: современный ракурс и перспективы развития. Якутск: ИГИ-иПМНС СО РАН, 2020. 312 с.

Ионов В.М. Поездка к майским тунгусам: Отчет В.М. Ионов о поездке к майским тунгусам в качестве члена Нелькано-Аянской экспедиции инженера В.Е. Попова летом 1903 г. Казань: Типо-литография императорского ун-та, 1904. 16 с.

История Якутии: в 3 томах [Под общей редакцией А.Н. Алексеева; редакционный совет: А.С. Николаев, А.Н. Жирков, С.В. Местников и др.]. Новосибирск: Наука, 2020. Т. 3. 591 с.

Ковлеков С.И. Сельское хозяйство Якутии: (1946-1970) [Отв. ред. С. В. Атласов]. Якутск: Якут. науч. центр СО РАН, 1992. 199, [1] с.: табл.

Николаев С.И. Эвены и эвенки Юго-Восточной Якутии [Отв. ред. Б.О. Долгих]. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1964. 200, [2] с.

Присяжная Л.С., Присяжный М.Ю. Административно-территориальное деление и хозяйственное развитие экономических районов Якутии в 1965–1986 годах. Якутск: Изд-во ЯГУ, 2008. 127 с.

Присяжный М.Ю. Территориальный анализ промышленного освоения Якутии // Экономика региона. 2011а. №3. С. 241–246.

Присяжный М.Ю. Территориальный организация хозяйства Якутии // Пространственная экономика. 2011б. №2. С. 33–53.

Соколов М. П. Якутия по переписи 1917 года: выпуски 1 и 2 с картой. Иркутск: Изд. Якутского Статистического Управления, 1925. [4], II, LVIII, 101, 99 с. + 1 к.: Деление Округов Якутской Области на улусы: (1917 г.).

Усть-Майский улус: история, культура, фольклор. Серия Улусы Республики Саха (Якутия) [Редколл.: В.В. Топорков и др.]. Якутск: Бичик, 2007. 384 с.

Федорова Е.Н. Население Якутии: прошлое и настоящее: (геодемографическое исследование) [Отв.ред. А.И. Алексеев]. Новосибирск: Наука. Сибирское предприятие РАН, 1998. 202, [4] с.

Федорова Е.Н., Пономарева Г.А. Территориальная организация населения Восточной Якутии // География и природные ресурсы. 2016. №1. С. 119–124.

Хатылаев М.М. Золотодобывающая промышленность Якутии (к 80-летию отрасли) // Наука и образование. 2004. №3(35). С. 37–40.

Хатылаев М.М. Золотопромышленность Якутии. (1923–1937 гг.). Якутск: Кн. изд-во, 1972. 211 с.

Хатылаев М.М. Открытие и начало освоения Джугдзурских золотоносных месторождений // Усть-Майский улус: история, культура, фольклор. [Редколл.: В.В. Топорков и др.]. Якутск: Бичик, 2007. С. 123–128.

References:

Antonov E.P., Antonova V.N. Raznoglasija Jakutii, Dal'nego Vostoka i centra po voprosu administrativno-territorial'nogo razgranichenija v kontekste nacional'noj politiki [Disagreements between Yakutia, the Far East, and the Center regarding Administrative-Territorial Delimitation in the Context of Nationality Policy]. *Ab imperio*. 2019. № 4. Pp. 97-139. (In Russian)

Atlasova A.A. *Jevenki Juzhnoj Jakutii v XX v.: social'no- jekonomicheskij i jetnodemograficheskij aspect* [Evenki of South Yakutia in the twentieth century: socio-economic and ethnodemographic aspect: Candidate of History Sciences specialty 07.00.02 History of Russia]. Yakutsk, 1999. 20 p. (In Russian)

Borzenkov V.M. Administrativno-territorial'noe ustroystvo [Administrative-territorial structure]. *Ust'-Majskij ulus: istorija, kul'tura, fol'klor. Seriya Ulusy Respubliki Sakha (Yakutiya)* [Ust-Maysky ulus: history, culture, folklore. Series Uluses of the Republic of Sakha (Yakutia)]. Yakutsk: Bichik Publ., 2007. Pp. 14-18. (In Russian)

Dmitrieva Z.M. *Sel'skoe rasselenie Severnoj Jakutii* [Rural settlement of Northern Yakutia: Candidate of Geographical Sciences specialty 11.691 Economy. geography of the USSR]. Leningrad, 1972. 26 p. (In Russian)

Fedorova E.N. *Naselenie Jakutii: proshloe i nastojashhee: (geodemograficheskoe issledovanie)* [Population of Yakutia: past and present: (geodemographic research)]. Novosibirsk: Science Publ., Siberian Enterprise Russian Academy of Sciences, 1998. 202 p. (In Russian)

Fedorova E.N., Ponomareva G.A. Territorial'naja organizacija naselenija Vostochnoj Jakutii [Territorial organization of the population of Eastern Yakutia]. *Geografija i prirodnye resursy* [Geography and Natural Resources]. 2016. №1. Pp. 119-124. (In Russian)

Hatylaev M.M. Otkrytie i nachalo osvoenija Dzhugdzhurskih zolotonosnyh mestorozhdenij [The discovery and the beginning of the development of the Dzhugdzhur gold deposits]. *Ust'-Majskij ulus: istorija, kul'tura, fol'klor* [Ust-Maysky ulus: history, culture, folklore]. Yakutsk: Bichik Publ., 2007. Pp. 123-128. (In Russian)

Hatylaev M.M. *Zolotodobyvajushhaja promyshlennost' Jakutii (k 80-letiju otrasli)* [Gold mining industry of Yakutia (to the 80th anniversary of the industry)]. Nauka i obrazovanie [Science and Education]. 2004. №3(35). Pp. 37-40. (In Russian)

Hatylaev M.M. *Zolotopromyshlennost' Jakutii (1923-1937 godi)* [Gold industry of Yakutia. (1923-1937)]. Yakutsk, 1972. 211 p. (In Russian)

Ignat'eva V.B. *Nacional'nyj sostav naselenija Jakutii: (jetno- statisticheskie issledovanie)* [The national composition of the population of Yakutia: (ethno-statistical research)]. Yakutsk: Yakut. Science Publ., 1994. 144 p. (In Russian)

Ignat'eva V.B., Maklashova E.G., Tomaska A.G. i dr. *Jetnosocial'nye processy v Jakutii: sovremennyy rakurs i perspektivy razvitiya (jelektronnyj resurs)* [Ethnosocial processes in Yakutia: a modern perspective and prospects for development (electronic resource)]. Yakutsk: Publ. by Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2020. 312 p. (In Russian)

Ionov V.M. *Poezdka k majskim tungusam: Otchet V. M. Ionova o poezdke k majskim tungusam v kachestve chlena Nel'kano - Ajanskoj jekspedicii inzhenera V.E. Popova letom 1903 goda* [Trip to the May Tunguses: V. M. Ionov's report on a trip to the May Tunguses as a member of the Nelkan - Ayan expedition of engineer V.E. Popov in the summer of 1903]. Kazan: Typo-lithography of the Imperial University Publ., 1904. 16 p. (In Russian)

Istorija Jakutii [The History of Yakutia. Under the general editorship of A.N. Alekseev; editorial board: A.S. Nikolaev, A.N. Zhirkov, S.V. Mestnikov and others.]. Novosibirsk: Science Publ., 2020. Volume 3. 591 p. (In Russian)

Kovlekov S.I. *Sel'skoe hozjajstvo Jakutii: (1946-1970)* [Agriculture of Yakutia: (1946-1970)]. Yakutsk: Yakut. Science Publ., 1992. 199 p. (In Russian)

Nikolaev S.I. *Jeveny i jevenki Jugo-Vostochnoj Jakutii* [Evens and Evenks of South-Eastern Yakutia].

Yakutsk: Yakut. Science Publ., 1964. 200 p. (In Russian)

Prisjajzhnaja L.S., Prisjajzhnyj M.Ju. *Administrativno-territorial'noe delenie i hozjajstvennoe razvitie jekonomicheskikh rajonov Jakutii v 1965-1986 godah* [Administrative-territorial division and economic development of the economic regions of Yakutia in 1965-1986]. Yakutsk: Yakut State University Publ., 2008. 127 p. (In Russian)

Prisjajzhnyj M.Ju. *Territorial'nyj analiz promyshlennogo osvoenija Jakutii* [Regional analysis of the industrial development of Yakutia]. *Jekonomika regiona* [Economy of Regions]. 2011a. №3. Pp. 241-246. (In Russian)

Prisjajzhnyj M.Ju. *Territorial'nyj organizacija hozjajstva Jakutii* [Territorial organization of the economy of Yakutia]. *Prostranstvennaja jekonomika* [Spatial Economics]. 2011b. №2. Pp. 33-53. (In Russian)

Sokolov M. P. *Jakutija po perepisi 1917 goda: vypuski 1 i 2 s kartoj* [Yakutia according to the 1917 census: issues 1 and 2 with a map]. Irkutsk, 1925. 99 p. (In Russian)

Ust'-Majskij ulus: istorija, kul'tura, fol'klor. Seriya Ulsy Respubliki Sakha (Yakutiya) [Ust-Maysky ulus: history, culture, folklore. Series Ulses of the Republic of Sakha (Yakutia)]. Yakutsk: Bichik Publ., 2007. 384 p. (In Russian)

Vasil'ev V.N. *Predvaritel'nyj otchet o rabotah sredi aldano- majskih i ajano-ohotskih tungusov v 1926-1928 godah* [Preliminary report on the works among the Aldan-May and Ayano-Okhotsk Tunguses in 1926-1928]. Leningrad: Science Publ., Leningrad branch, 1930. 86 p. (In Russian)

V.V. Filippova

Local Features of Settlement and Population Dynamics of Ust-Maysky Ulus (District) in the XX-XXI Centuries

Scientific novelty of the study consists in a comprehensive study of changes in the settlement and population of Ust-Maysky ulus (district) over a long historical period. The article continues the author's research on the study of the settlement system in relation to the economic development of Yakutia in retrospectivity. *The aim* of the study is to identify intra-district differences in population dynamics and its relationship with the use of natural resources and the ethnic composition of the population. *The tasks* of the article are studying administrative-territorial structure, the characteristics of population placement, the analysis of population dynamics, and the identification of changes in the national composition of the district were solved. *Research methods*. The research was carried out on archival and published sources using statistical, historical-comparative and cartographic methods.

Results. It was revealed that the main types of economic development of Ust-Maysky district are industrial, agricultural, forestry and transport types of settlement. It was found that the western part of the district was subject to relatively lesser transformations - the territory with a large proportion of the Indigenous peoples engaged in traditional economy, and the eastern part of the district with a larger proportion of the alien population and a developed mining industry was the largest. The author suggests four local economic types of settlement: mining, forestry-agricultural, transport-agricultural and cattle-breeding-commercial-agricultural.

Keywords: Yakutia, Ust-Maysky district, population, settlement, economic development

Температурные изменения, деградация многолетней мерзлоты и новые вызовы в системе жизнеобеспечения Амгинского улуса РС (Я): результаты полевых наблюдений*

Научная новизна. Статья посвящена изучению социальных явлений, обусловленных природными и климатическими трансформациями. Исследование выполнено в рамках формулирования общего представления о том, как влияет изменение климата на население на примере Амгинского улуса Республики Саха (Якутия), расположенного в районе залегания многолетней мерзлоты. Этот административный район еще не становился объектом антропологических изысканий, связанных с тематикой изменения климата, полученные данные могут быть интересны для проведения компаративного анализа состояния сельских сообществ на Северо-Востоке России. Статья является дополненным и исправленным изложением полученных результатов исследований по гранту РНФ «Антропология холода: естественные низкие температуры в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (традиционные практики, вызовы современности и стратегии адаптации)», тезисно представленных автором в публикации 2020 г. [Григорьев, 2020: 11–14].

Цель исследования – представить результаты полевых исследований, направленных на изучение современных социальных угроз, вызванных изменением климата, для крупных сельских поселений (на примере с. Амга), а также определить и продемонстрировать стратегии и практики их преодоления, выработанные местным населением.

Методы исследования. В рамках реализации грантового проекта РНФ в 2019–2020 гг. были проведены работы по сбору и анализу исторических, социально-экономических и статистических материалов сельского поселения Амга Амгинского улуса Республики Саха (Якутия). В ходе исследования были взяты интервью у местных жителей с целью изучения опыта адаптации к актуальным и потенциальным угрозам, связанным с последствиями изменений климата, для местной системы жизнедеятельности, а также проведены полевые наблюдения. При анализе собранного материала были задействованы стандартные исторические, этнографические и статистические методы, позволяющие детально и комплексно осветить изучаемую проблему.

Результаты. Статья является результатом полевых исследований, проведенных в 2019–2020 гг. в с. Амга Амгинского улуса (района) Республики Саха (Якутия). Данный регион подвержен глобальным тенденциям по изменению климата, в последнее время отмечается постепенное повышение средней температуры воздуха и усиливающееся влияние этого фактора на местное население. Эти изменения оказывают особое влияние на сельских жителей, находящихся в наибольшей зависимости от состояния природной среды. В ходе проведенных наблюдений выявлено, что результатами деградации многолетней мерзлоты как следствия изменения климата могут являться ограниченность территории для проживания, деформация жилых построек и ухудшение транспортной системы района. Отмечено, что изменение температур несет в себе как прямые, так и косвенные угрозы, последствия от которых могут проявиться в отдаленной перспективе.

Ключевые слова: Якутия, Амга, антропология холода, сельское население Якутии, многолетняя мерзлота, социальные последствия

I. Введение. Северо-восток Азии, где расположена Республика Саха (Якутия), справедливо считается одним из самых холодных террито-

рий нашей планеты. Обладая суровым климатом, он являлся труднодоступным, сложным в освоении и выживании. К этому нужно доба-

*Исследование выполнено за счет средств гранта РНФ (проект № 19-78-10088 «Антропология холода: естественные низкие температуры в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (традиционные практики, вызовы современности и стратегии адаптации)»)

вить еще один неоднозначный фактор, влияющий на многие аспекты экономической жизни региона, – так называемую «вечную мерзлоту». Эта часть верхнего слоя земной коры, где отсутствует периодическое протаивание и образуются подземные льды, имеет большое значение (как негативное, так и позитивное) для всех общностей, ведущих хозяйство в пределах ее распространения. Тем не менее на данной территории в разное время проживало значительное количество этнических групп, сумевших за долгую историю освоить значительные пространства и создать свои уникальные методы приспособления к местным условиям.

При этом следует отметить, что данный регион также охватывают глобальные тенденции по изменению климата. В последнее время специалистами все чаще отмечается общий тренд на постепенное повышение средней температуры и усиливающееся влияние этого фактора на местное население. Естественно, что эти изменения оказывают особое влияние на сельских жителей, находящихся в наибольшей зависимости от состояния природной среды.

Влияние климатических условий на традиционные формы хозяйства на севере достаточно широко освещено как в отечественной, так и в мировой историографии. Но, в то же время исследования, направленные на изучение влияния резких перемен в окружающей среде, в том числе, например, роли низких температур в повседневной жизни коренного населения Якутии, относительно немногочисленны. В этом отношении следует отметить работы специалиста в области ландшафтной геоэкологии А.Н. Федорова, в том числе написанные в соавторстве с зарубежными исследователями [Crate at al., 2013: 338–350; Fedorov at al., 2014: 114–128]. Также в плане научного познания зимних хозяйственных и социокультурных практик местных сельских сообществ представляют интерес исследования В.С. Никифоровой, Е.Н. Романовой [Никифорова, Романова, 2015: 16–18] и А.А. Сулейманова [Сулейманов, 2018а: 263–274; Сулейманов, 2018б: 35–42; Suleymanov at al., 2018: 1601–1611]. Более ранние научные изыскания, посвященные угрозам, связанным с изменением климата, для социально-экономического положения и качества жизни сельского населения и мерам по их преодолению, проводились другой

группой якутских исследователей в рамках проекта РФФИ «Народы Арктики в условиях глобальных климатических изменений: устойчивость, трансформация, адаптация» [Боякова и др., 2010: 22–25; Боякова и др., 2011: 37–40] в 2009–2011 гг., а также в разные годы В.Б. Игнатьевой и Е.Н. Романовой [Игнатьева, Романова, 2012: 61–75; Игнатьева, 2014: 311–315; Ignateva, 2018: 11–28], Л.И. Винокуровой [Винокурова, 2011: 154–161], С.И. Бояковой [Боякова, 2016: 201–212], А.Н. Саввиной и В.В. Филипповой [Savvinova at al., 2015: 883–888] и др.

Способы адаптации локальных сообществ к экстремальным ситуациям природного происхождения уже давно являются объектом изучения группы японских исследователей под руководством профессора Х. Такакура. За последние несколько лет им было опубликовано несколько работ на эту тему [Takakura, 2012; Takakura, 2015; Takakura, 2016]. Относительно недавно была опубликована коллективная работа, посвященная различным представлениям об изменении климата жителей локальных сообществ в центральной Якутии, проживающих в районах распространения многолетней мерзлоты, в которой изучались стратегии их адаптации к изменениям окружающей среды [Takakura et al., 2021].

II. Материалы и методы. Данная статья является результатом исследовательских работ, проведенных в 2019–2020 гг. в рамках проекта № 19-78-10088 «Антропология холода: естественные низкие температуры в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (традиционные практики, вызовы современности и стратегии адаптации)», поддержанного Российским научным фондом. Местом исследования стало село Амга Амгинского улуса Республики Саха (Якутия) и прилегающие к нему территории. Сам Амгинский улус находится в центральной части Якутии, в среднем течении реки Амги. Граничит на севере с Чурапчинским улусом, на востоке и юго-востоке – с Усть-Майским, на юге и западе – с Алданским районом, на северо-западе – с Хангаласским и Мегино-Кангаласским улусами. Общая площадь района составляет 29,4 тыс. км². Район расположен в аласно-среднетаежной ландшафтной зоне. В физико-географическом отношении находится в пределах двух среднетаежных провинций со сплошным распространением многолетнемерзлых пород. Здесь,

как и во всей центральной части Якутии, распространен экстроконтинентальный климат с очень низкими зимними температурами, небольшим количеством атмосферных осадков, коротким и теплым летом, резкими перепадами суточных температур и такой же сезонной контрастностью года [Амгинский улус, 2001: 20].

На протяжении последних десятилетий в Амгинском улусе отмечается рост среднегодовой температуры воздуха, что вносит существенные изменения в повседневные практики местных жителей. Особенно эти проявления заметны в административном центре района – с. Амга, где термокарстовые процессы создают условия, во многом определяющие современную инфраструктуру данного населенного пункта. Несмотря на то, что местное население в меньшей степени вовлечено в традиционную для якутского села хозяйственную деятельность, происходящее потепление также оказывает значительное воздействие на местные реалии. В нашем случае фокусом исследования стало влияние климатических изменений на жителей села и близлежащих территорий, а также определение их отношения к происходящим процессам. Для этого в 2019–2020 гг. были проведены работы по сбору и анализу исторических, социально-экономических и статистических материалов в библиотеках г. Якутска и с. Амга, организованы глубинные полуструктурированные интервью с информаторами, а также включенное наблюдение по вопросам изуче-

ния опыта адаптации к актуальным и потенциальным угрозам, связанным с последствиями изменений климата для местной системы жизнедеятельности, кроме того, были проведены полевые наблюдения. В ходе данного исследования было осуществлено анкетирование местного населения, результаты которого были представлены в коллективной статье в рамках проекта РНФ «Антропология холода: естественные низкие температуры в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (традиционные практики, вызовы современности и стратегии адаптации)» [Lytkin et al., 2021]. Вместе с ним был проведен вторичный анализ глубинных интервью по устной истории (n=6), организованных А.А. Сулеймановым, а также итогов социологического опроса по теме влияния изменения температурных режимов на сельские локальные сообщества Якутии (n=88, 2018).

В ходе проведенных исследований по истории изучаемого региона автором применялась стандартная историографическая методология, включающая в себя историко-сравнительный, историко-генетический, историко-системный методы, а также методика структурно-функционального и статистического анализа.

III. Результаты. На протяжении всей второй половины XX в. количество жителей Амгинского района неуклонно возрастало. Такая картина наблюдалась вплоть до начала XXI в. когда численность местного населения немного сократилась.

Таблица 1

Динамика численности населения Амгинского улуса (района) во второй половине XX – начале XXI вв.

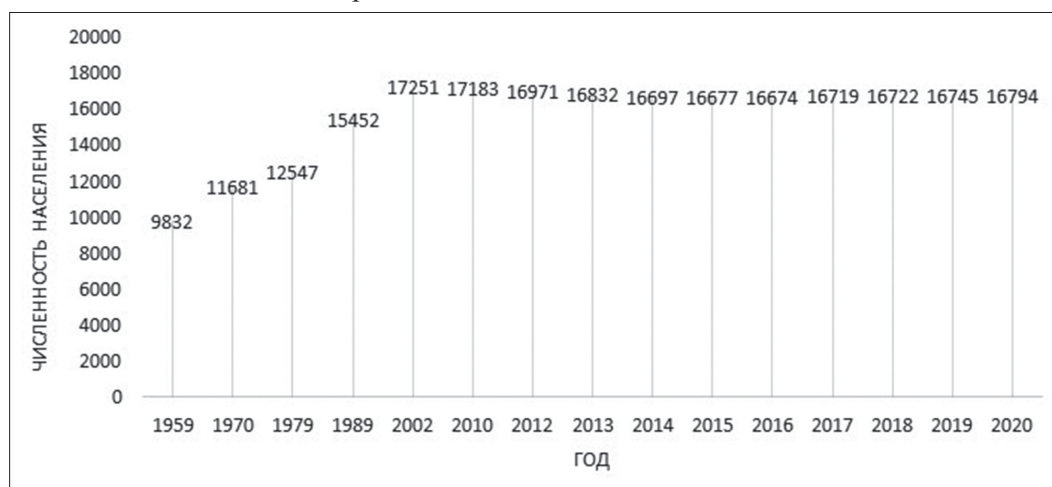
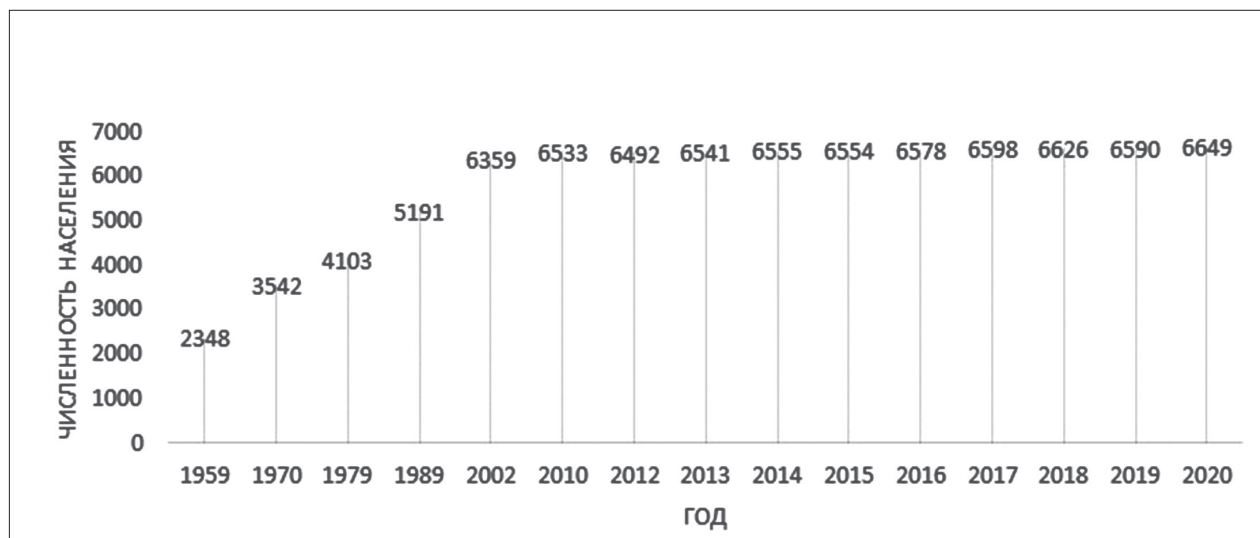

Таблица 2

Динамика численности населения села Амга
во второй половине XX – начале XXI вв.

Тем не менее в настоящее время наблюдается общая стабилизация численности и даже небольшой рост населения, составившее к началу 2020 г. 16794 чел.¹. Аналогичная динамика населения прослеживается и в административном центре улуса – селе Амга с населением 6649 человек (Численность населения..., 2020).

Основанное в 1656 г. село (первоначальное название Слобода) являлось местом для проживания русских крестьян, занимавшихся хлебопашеством. Эта традиция берет свое начало еще в XVII в., когда прибывшие начали возделывать поля и сеять зерновые культуры. Постепенно они ассимилировались с местным якутским населением, которое со временем переняло новый хозяйственный уклад и образ жизни. Чтобы получить пашню, желающие должны были обязательно принять христианство. Многие местные жители проходили крещение в целях получения земли, поэтому одновременно с территориальным освоением происходил процесс христианизации этих земель. Формирование земледельческого населения в Амге окончательно предопределило дальнейшее направление развития данных территорий в будущем. Начиная с XVII в., ряд территорий рядом с по-

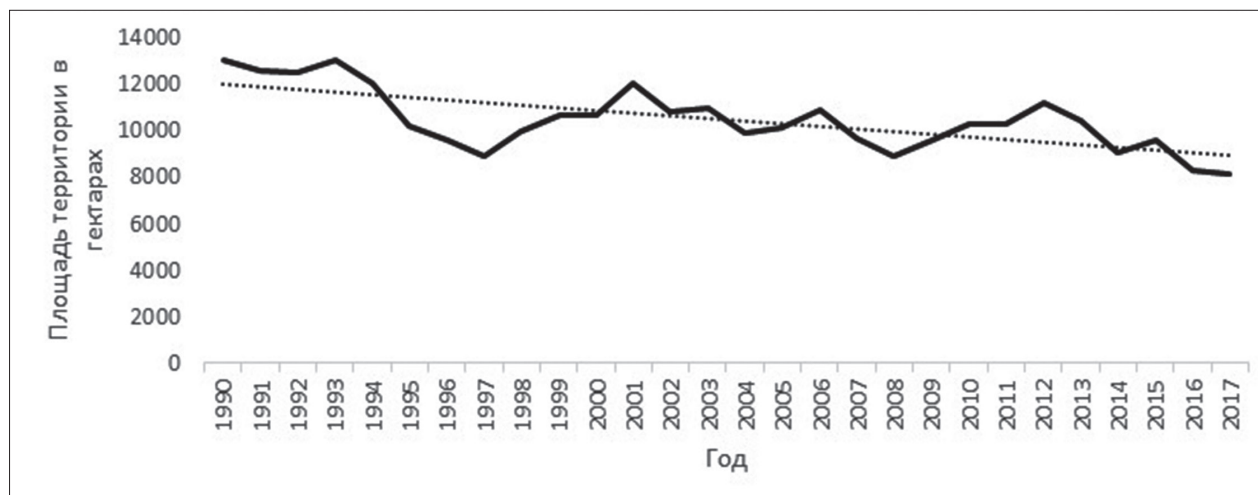
селением был распахан под зерновые культуры, но в силу слабой заселенности занимаемые площади были относительно невелики. Тем не менее земледельческий тип хозяйственного освоения наложил особую специфику на развитие района, предопределив его дальнейшее развитие.

В советский период после нескольких значительных преобразований в социальном и экономическом укладе жизни местного населения (создание коммун, артелей, товариществ в 1920-е гг., коллективизация и создание колхозов в 1930-е гг., укрупнение хозяйств и их объединение в совхозы в 1950-е гг.) произошло экстенсивное расширение площади обрабатываемых земель. Возросшее к тому времени население, а также спускаемые руководством республики экономические разрядки и установки требовали значительного увеличения пригодных для земледелия территорий. Под новые поля стали активно вырубать лес и осушать болота. Как итог большая часть окрестностей села Амга (как и других сел района) были превращены в пашни. Это привело к росту экономических показателей, но в то же время создало предпосылки для будущих проблем.

¹ Здесь и далее: Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2020 г. Официальный интернет-портал Федеральной службы государственной статистики (Росстат). URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/mun_obr2016_348637.rar (дата обращения: 31.03.2021).

Таблица 3

Посевная площадь всех сельскохозяйственных культур
в Амгинском районе (улусе), 1990–2017 гг. (в гектарах)¹

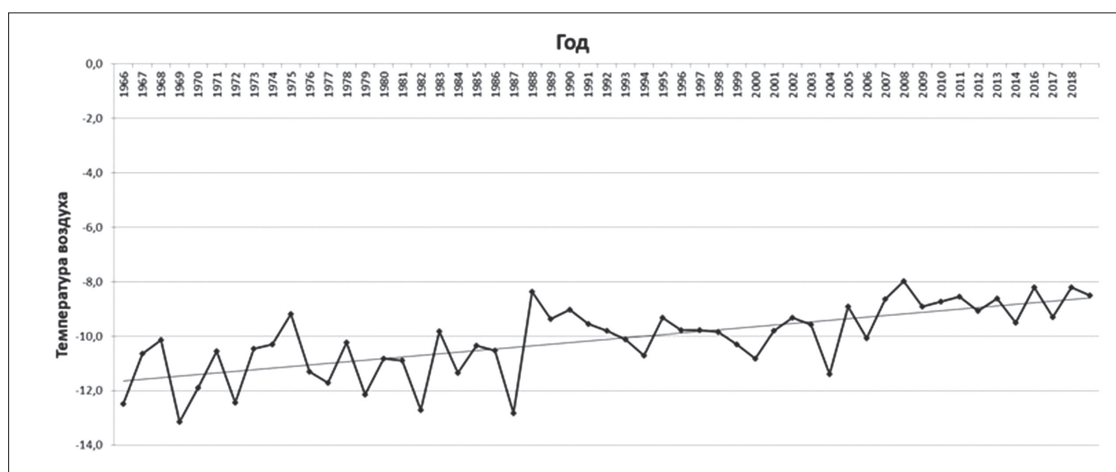
Развал советской системы в начале 1990-х гг. привел к общему кризису в сельском хозяйстве. В этот период площадь возделываемых полей в Амгинском улусе стала постепенно сокращаться и, как следствие, значительные территории оказались снова не востребуемыми. Как можно увидеть на рисунке 3, с начала 1990-х гг. началось уменьшение посевной площади сельскохозяйственных культур и, несмотря на то что периодически данная величина

растет, к настоящему времени она приняла минимальные значения.

В результате большая площадь земель выпала из экономического оборота, перестала возделываться и постепенно деформировалась. Особую роль в этом сыграли такие новые факторы (слабо учитывавшиеся в советское время), как общее потепление климата и деградация мерзлоты. Дело в том, что на протяжении всей второй половины XX и начала XXI вв. в Амгинском

Таблица 4

Динамика среднегодовой температуры воздуха в Амгинском улусе²

¹Статистический ежегодник Республики Саха (Якутия). Якутск: ТО ФСГС по РС (Я), 2010. 712 с.

Статистический ежегодник Республики Саха (Якутия). Якутск: ТО ФСГС по РС (Я), 2018. 649 с.

²Средние месячные и годовые температуры воздуха в Амге. Справочно-информационный портал «Погода и климат». URL: <http://pogodaiklimat.ru/history/24962.htm> (дата обращения: 26.08.2021).

районе прослеживалось постепенное повышение средней температуры воздуха.

Как результат, заброшенные, не покрытые лесом и необрабатываемые поля подвергались все большему тепловому воздействию летом и меньшему промерзанию зимой. Все это способствовало усилению так называемых термокарстовых процессов – неравномерному проседанию почв и подстилающих их горных пород вследствие вытаивания подземного льда или оттаивания мерзлого грунта при повышении среднегодовой температуры воздуха [ТЕРМОКАРСТ, 2017]. Вследствие этого значительные площади бывших сельскохозяйственных полей и их сопредельных местностей под-

верглись ускоренному изменению ландшафта. В начале XXI в. данное явление стало характерным для всей центральной Якутии и повлекло за собой значительные последствия для местной экономики [Вечная мерзлота, 2019: 34–43].

Данное явление хорошо прослеживается на примере территорий, расположенных рядом с селом Амга (рис. 1) и являвшихся бывшими агрокультурными полями, активно разрабатывавшимися в советский период, но оказавшимися заброшенными к началу XXI в. Как показывает снимок, здесь активно происходят термокарстовые процессы, что усложняет их хозяйственное использование.

Рис. 1. Бывшее сельскохозяйственное поле, расположенное на северной окраине села Амга. Снимок сделан с квадрокоптера в сентябре 2019 г.

Анкетирование местных жителей в 2018 г. с вопросом о влиянии факторов холода (в том числе и многолетней мерзлоты) на их самочувствие показывает, что большинство респондентов (80,7%) считают, что зимняя температура в последние годы стала выше. Амгинцы также чувствуют определенную угрозу этого явления для своей хозяйственной деятельности (72,7%). В ходе проведенных в 2019 г. интервью большинство опрошенных отмечали, что испытывали непосредственно на себе отрицательное влияние происходящих в окружающей среде изменений, в том числе затопление и деформацию жилых построек, ухудшение условий содержания домашних животных.

В ходе проведенных в 2019–2020 гг. интервью большинство опрошенных отмечали, что

испытывали непосредственно на себе отрицательное влияние происходящих в окружающей среде изменений, в том числе затопление и деформацию жилых построек, ухудшение условий содержания домашних животных. Особое значение в ходе устных опросов местное население придавало угрозе зимнего потепления для транспортного сообщения в районе.

Еще одним потенциальным источником проблем, вызванных деградацией многолетней мерзлоты, может служить дефицит территории, непосредственно пригодной для проживания и застройки. В ходе проведенных наблюдений автором наблюдалась значительная плотность застройки в селе Амга. Часто можно увидеть, что в стандартных домохозяйствах (жилой дом и несколько хозяйственных построек) местные

жители строят второй дом для проживания еще одной семьи. Кроме того, новые микрорайоны для молодых семей строятся на окраине в непосредственной близости или даже на бывших и заброшенных полях. Как уже отмечалось, на протяжении всего XX в. вокруг поселения велась активная хозяйственная деятельность, а численность его населения постоянно росла. В начале XXI в. многие сельхозугодия вокруг данного населенного пункта были заброшены, но количество жителей по-прежнему возрастало, что в итоге привело к дефициту территорий для проживания непосредственно в самом поселении. Как следствие, площадь населенного пун-

Рис. 2. Заболоченный участок в центре с. Амга. Фото автора, 2019 г.

Это привело к тому, что новые хозяйства вынуждены располагаться в местностях, мало-пригодных для проживания, что в свою очередь увеличивает экономическую и логистическую нагрузку на поселенцев. Следует также отметить, что новые домохозяйства, строящиеся на неблагоприятных участках, заводятся в основном молодыми людьми и семьями с детьми, которые еще не имеют надежной экономической основы для комфортного проживания. Логично предположить, что все это способствует снижению привлекательности проживания в селе и миграции прежде всего молодого населения из района. К тому же повышенная плотность жителей увеличивает нагрузку на социальную инфраструктуру поселения и ограничивает его дальнейшее развитие. При этом следует отметить, что данная проблема не нашла отражения в ответах опрошенных респондентов. Этот растянутый во времени про-

цесс не воспринимается населением как нечто экстремально угрожающее его благополучию. Вероятно, постепенные изменения зачастую могут оставаться не замеченными местными жителями на протяжении долгого периода, тем не менее оказывая влияние на общее социально-экономическое положение поселения. В данном случае, по мнению автора, мы имеем дело с именно с такой ситуацией.

Местные жители предпринимают разнообразные меры в связи с изменениями, происходящими в окружающей среде. Эта деятельность ведется не только самостоятельно отдельными сельчанами, но и коллективно при поддержке местного сообщества и местных органов власти и включают в себя: выравнивание поверхности земли в местах развития термокарста; сооружение насыпей под жилыми зданиями в качестве превентивной меры, чтобы они не покосились; выбор возделываемых культур и сортов,

Рис. 3. Заброшенный участок с признаками термокарстовых процессов в центре с. Амга. Фото автора, 2019 г.

цесс не воспринимается населением как нечто экстремально угрожающее его благополучию. Вероятно, постепенные изменения зачастую могут оставаться не замеченными местными жителями на протяжении долгого периода, тем не менее оказывая влияние на общее социально-экономическое положение поселения. В данном случае, по мнению автора, мы имеем дело с именно с такой ситуацией.

Местные жители предпринимают разнообразные меры в связи с изменениями, происходящими в окружающей среде. Эта деятельность ведется не только самостоятельно отдельными сельчанами, но и коллективно при поддержке местного сообщества и местных органов власти и включают в себя: выравнивание поверхности земли в местах развития термокарста; сооружение насыпей под жилыми зданиями в качестве превентивной меры, чтобы они не покосились; выбор возделываемых культур и сортов,

соответствующих происходящим климатическим изменениям и др. Эти мероприятия призваны компенсировать издержки последствий, связанных с резким изменением климата, повышением среднегодовой температуры и деградации мерзлоты, но в то же время требуют значительных затрат, времени и усилий от сельчан, что ведет к дополнительной нагрузке как на их экономические ресурсы, так и на инфраструктуру села в целом.

IV. Обсуждение. Результаты наблюдений в целом дополняют выводы, сделанные в более ранних исследованиях, посвященных адаптационным стратегиям к изменению климата в Восточной Сибири, в которых было выявлено, что местные жители постоянно приспосабливаются к среде, для которой характерна мерзлота, изменяя свои способы и средства существования, культуру и социальную систему на протяжении долгого времени [Crate et al., 2017], а также на фоне новых климатических трансформаций [Takakura, 2016].

Последние исследования также показывают, что деградация многолетней мерзлоты все сильнее влияет на местные сообщества. Структурная целостность домов и хозяйственных построек находится под угрозой, а площадь земель, пригодных для нового строительства, уменьшается. Пахотные земли и пастбища, сильно нарушенные термокарстовыми процессами, могут быть заброшены в будущем, а доступность населенных пунктов, ферм и охотничьих угодий ухудшается уже сегодня. Кроме того, деградация мерзлотных грунтов постепенно усиливает влияние на социальное благополучие жителей. Постоянное напряжение, направленное на преодоление последствий термокарста, увеличивает финансовую нагрузку на людей, бизнес и местные администрации. Это принуждает население к ряду приспособленческих реакций на происходящие изменения, в том числе внедрение строительных технологий, обычно нехарактерных для сельского жилищного строительства в Якутии, с растущим интересом к решениям, основанным на исследованиях, а также интенсивное использование подходящих земель для нового строительства. При этом социальные отношения и традиционный коллективизм сельских сообществ Якутии также являются важными адаптационными ресурсами [Lytkin et al., 2021].

Следует отметить, что результаты исследований в разных регионах Якутии во многом едины в определении угроз последствий изменения климата, но при этом не всегда совпадают в описании адаптационных стратегий местных сообществ, которые могут варьироваться от района к району. Так, в работе «Вечная мерзлота и культура. Глобальное потепление и Республика Саха (Якутия)» авторы приводят три меры, которые местные сообщества в Чурапчинском и Горном районах принимают для смягчения последствий деградации мерзлоты. Это выравнивание поверхности земли в местах развития термокарста: строительство насыпей под домами, а также обеспечение соответствия «выбора возделываемых культур и сортов... происходящим климатическим изменениям» [Вечная мерзлота, 2019: 40]. В то же время в исследовании, посвященном селам Амга и Юнкюр, фиксируется только предварительное выравнивание участков под строительство домов (хотя ранее это было нехарактерно для данных населенных пунктов). Использование двух других средств, указанных в вышеприведенной публикации, зафиксировано не было [Lytkin et al., 2021].

На основе антропологических исследований сельских сообществ якутов некоторые исследователи также подчеркивали важность ощущения населением последствий изменения климата при рассмотрении стратегий их преодоления [Crate et al., 2013: 338–350], при этом отмечалось, что восприятие этих процессов может не совпадать с научными данными, фокусируясь на наиболее ярко выраженных, либо устойчивых и традиционных проблемах. Иногда между учеными и членами локальных сообществ существует разрыв во взглядах, т.к. зачастую исследователи рассматривают целевой район с точки зрения собственных интересов или вопросов, но, как показывают результаты интервью и социологических опросов, у местных жителей есть много других поводов для беспокойства [Takakura et al., 2021].

V. Заключение. Как показывают исследования современных климатических данных, в Амгинском улусе (районе) наблюдается постепенный рост средних температур воздуха на протяжении долгого периода времени. Одним из наиболее опасных последствий этого является

деградация многолетней мерзлоты. Во время полевых исследований в селе Амга было установлено, что жители местных населенных пунктов уже сталкиваются с целым спектром проблем, вызванных потеплением. Нехватка территории для проживания, деформация жилых построек и ухудшение транспортной системы района – все это негативно сказывается на социальном самочувствии местного населения. Вполне вероятно, что дальнейшее изменение климатических условий в сторону потепления может принести положительные изменения в местной экономике (прежде всего в сельском хозяйстве) и в целом повысить комфортность для проживания, но не следует забывать, что дефицит естественных низких температур может нести в себе как прямые, так и косвенные угрозы, последствия от которых могут проявиться только через длительный отрезок времени.

В настоящее время резкие климатические изменения проявляются как в масштабе всей планеты, так и в локальных условиях отдельных регионов. В данном ключе территория Амгинского улуса Республики Саха (Якутия) представляет собой типичный пример воздействия глобального потепления на традиционные сообщества, ориентированные на ведение сельского хозяйства. Коренное население и сейчас продолжает вести свою повседневную жизнь, сталкиваясь с новыми проблемами, вызываемыми изменениями окружающей среды, в условиях сложного взаимовоздействия природных, социальных, экономических и культурных факторов. Глобальное потепление представляет собой острую проблему, но, как показывают наблюдения, местные жители ищут новые пути по преодолению трудностей, с которыми они напрямую сталкиваются в повседневной жизни.

Список литературы:

- Амгинский улус: История. Культура. Фольклор [Сост. С.П. Онуфриева–Амгинская; гл. ред. Е.М. Махаров]. Якутск: Бичик, 2001. 312 с.
- Боякова С.И. Транспорт Якутии в условиях глобальных климатических изменений: риски, вызовы, возможности адаптации // Академические исследования в Якутии: «территория историка» [Отв. ред. И.И. Юрганова]. Якутск, 2016. С. 201–212.
- Боякова С.И., Винокурова Л.И., Игнатъева В.Б., Филиппова В.В. Социальные последствия и адаптация населения РС (Я) к чрезвычайным ситуациям природного характера (по материалам социологических исследований 2009-2010 гг.) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2011. № 2. С. 37–40.
- Боякова С.И., Винокурова Л.И., Игнатъева В.Б., Филиппова В.В. Якутия в условиях глобальных климатических изменений: уязвимость, риски, социальная адаптация // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2010. № 1. С. 22–25.
- Вечная мерзлота и культура. Глобальное потепление и Республика Саха (Якутия), Российская Федерация: Учебное пособие [Под ред. Х. Такакура, Ё. Иидзима, В.Б. Игнатъевой и др.]. Тохоку (Япония): Центр исследований Северо-Востока Азии Университета Тохоку, 2019. 72 с.
- Винокурова Л.И. Сельская Якутия: восприятие коренным населением изменений в окружающей среде // Арктика и Север. 2011. № 4. С. 154–161.
- Григорьев С.А. Сельское население Центральной Якутии в условиях изменения климата: «дефицит холода», социальное самочувствие и потенциальные риски (на примере Амгинского улуса) // Традиционные национально-культурные и духовные ценности как фундамент инновационного развития России. 2020. № 1. С. 11–14.
- Игнатъева В.Б. Сельские сообщества Якутии в условиях изменения мирового климата // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2013 году. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов [Отв. ред. В.В. Степанов, В.А. Тишков]. 2014. С. 311–315.
- Игнатъева В.Б., Романова Е.Н. Антропология вечной мерзлоты: природный ландшафт и «территория этничности» // Природа и культура. Материалы международной научной конференции: в 2-х частях Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова [Отв. ред. Н.С. Павлова]. Том. 1. 2012. С. 61–75.
- Никифорова В.С., Романова Е.Н. «Зимние» сакральные практики: ночные сказывания олонхо // Лаборатория комплексных геокультурных исследований Арктики [Сост. О.Э. Добжанская]. Якутск: Издат. центр АГИКИ, 2015. С. 16–18.
- Сулейманов А.А. «Ресурсы холода» в системе питания якутов: традиции и современность // Научный диалог. 2018. № 2. С. 263–274.
- Сулейманов А.А. Русское старожильское население сельских районов Якутии: механизмы адаптации хозяйства к условиям зимнего времени // Современная научная мысль. 2018. № 2. С. 35–42.
- ТЕРМОКАРСТ // Большая российская энциклопедия. 2017. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/4189172> (дата обращения: 22.04.2021).

References:

- Amginskij ulus: Istorija. Kul'tura. Fol'klor* [Amginsky ulus: History. Culture. Folklore. Comp. S.P. Onufrieva-Amginskaya]. Yakutsk: Bichik Publ., 2001. 312 p. (In Russian)
- Boyakova S.I. Transport Jakutii v uslovijah global'nyh klimaticheskikh izmenenij: riski, vyzovy, vozmozhnosti adaptacii [Transport of Yakutia in the context of global climatic changes: risks, challenges, opportunities for adaptation]. *Akademicheskie issledovanija v Jakutii: "territorija istorika"*. Otvetstvennyj redaktor I.I. Jurganova [Academic research in Yakutia: "the territory of the historian". Managing editor I.I. Yurganova]. Yakutsk. 2016. Pp. 201–212. (In Russian)
- Boyakova S.I., Vinokurova L.I., Ignatieva V.B., Filippova V.V. Jakutija v uslovijah global'nyh klimaticheskikh izmenenij: ujazvimost', riski, social'naja adaptacija [Yakutia in the context of global climatic changes: vulnerability, risks, social adaptation]. *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik* [North-Eastern Journal of Humanities]. 2010. №1. Pp. 22–25. (In Russian)
- Boyakova S.I., Vinokurova L.I., Ignatieva V.B., Filippova V.V. Social'nye posledstvija i adaptacija naselenija RS(Ja) k chrezvychajnym situacijam prirodnoho haraktera (po materialam sociologicheskikh issledovanij 2009-2010 gg.) [Social consequences and adaptation of the population of the Republic of Sakha (Yakutia) to natural emergencies (based on sociological research in 2009-2010)]. *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik* [North-Eastern Journal of Humanities]. 2011. №2. Pp. 37–40. (In Russian)
- Crate S., Ulrich M., Habeck J.O., Desyatkin A.R., Desyatkin R.V., Fedorov A.N., Hiyama T., Iijima Y., Ksenofontov S., Mészáros C., Takakura H. Zhiznedejatel'nost' vechnoj merzloty: transdisciplinarnyj obzor i analiz termokarst- osnovannye na sistemah zemlepol'zovanija korennyh narodov. [Permafrost livelihoods: a transdisciplinary review and analysis of thermokarst-based systems of indigenous land use]. *Antropocen* [Anthropocene]. 2017. №18. Pp. 89–104. (In English)
- Crate S.A. and Fedorov A.N. Metodologicheskaja model' dlja obmena mestnymi i nauchnymi znanijami ob izmenenii klimata v Severo-Vostochnoj Sibiri. [Methodological Model for Exchanging Local and Scientific Climate Change Knowledge in Northeastern Siberia]. *Arctica* [Arctic]. 2013. № 66 (3). Pp. 338–350. (In English)
- Fedorov A.N., Ivanova, R.N., Park, H., Hiyama, T., Iijima, Y. Poslednie izmenenija temperatury vozduha v mnogoletnemerzlyh landshaftah severo-vostoka Evrazii. [Recent air temperature changes in the permafrost landscapes of northeastern Eurasia]. *Poljarnaja nauka* [Polar Science]. Volume 8 (2). 2014. Pp. 114–128. (In English)
- Grigoriev S.A. Sel'skoe naselenie Central'noj Jakutii v uslovijah izmenenija klimata: "deficit holoda", social'noe samochuvstvie i potencial'nye riski (na primere Amginskogo ulusa) [Rural population of Central Yakutia in the context of climate change: "cold deficiency", social well-being and potential risks (on the example of the Amginsky ulus)]. *Tradicionnye nacional'no-kul'turnye i duhovnye cennosti kak fundament innovacionnogo razvitija Rossii* [Traditional national-cultural and spiritual values as the foundation of innovative development Russia]. Volume 1 (17). 2020. Pp. 11–14. (In Russian)
- Ignateva V.B. Respublika Saha (Jakutija): mestnye prognozy izmenenija klimata i problemy adaptacii korennyh narodov [Sakha Republic (Yakutia): Local Projections of Climate Changes and Adaptation Problems of Indigenous Peoples]. *Global'noe poteplenie i antropogennoe izmerenie v Severnoj Evrazii* [Global Warming and the Human-Nature Dimension in Northern Eurasia]. Springer Nature Singapore Pte Ltd., 2018. Pp. 11–28. (In Russian)
- Ignateva V.B. Romanova E.N. Antropologija vechnoj merzloty: prirodnyj landschaft i "territorija jetnichnosti" [Anthropology of permafrost: natural landscape and "territory of ethnicity"]. *Priroda i kul'tura. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii: v 2-h chastjah* [Nature and culture. Materials of the international scientific conference: in 2 parts]. Yakutsk. Volume 1. 2012. Pp. 61–75. (In Russian)
- Ignateva V.B. Sel'skie soobshhestva Jakutii v uslovijah izmenenija mirovogo klimata [Rural communities of Yakutia in the context of global climate change]. *Jetnopoliticheskaja situacija v Rossii i sopredel'nyh gosudarstvah v 2013 godu. Ezhegodnyj doklad Seti jetnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdenija konfliktov* [Ethnopolitical situation in Russia and neighboring states in 2013. Annual report of the Ethnological Monitoring and Conflict Early Warning Network]. Moscow. 2014. Pp. 311–315. (In Russian)
- Lytkin V., Suleymanov A., Vinokurova L., Grigorev S., Golomareva V., Fedorov S., Kuzmina A., Syromyatnikov I. Vlijanie degradacii merzlotnyh landshaftov na zhiznedejatel'nost' sel'skih obshhin Respubliki Saha (Jakutija) [Influence of Permafrost Landscapes Degradation on Livelihoods of Sakha Republic (Yakutia) Rural Communities]. *Zemlja* [Land] 2021. Volume 10 (2). URL: <https://www.mdpi.com/2073-445X/10/2/101> (date of the application: 06.09.2021) (In English)
- Nikiforova V.S., Romanova E.N. "Zimnie" sakral'nye praktiki: nochnye skazyvanija olonho.

Sostavitel O.E. Dobzhanskaya ["Winter" sacred practices: night tales of olonkho. Comp. O.E. Dobzhanskaya]. Laboratory of complex geocultural research of the Arctic. Yakutsk: Publ. Arctic State Institute of Culture and Arts, 2015. Pp.16–18. (In Russian)

Savvinova A., Filippova V., Svinoboeva A., Fuller T. Vlijanie izmenenija klimata na sibirskih jevenkov: issledovanie tradicionnogo zemlepol'zovanija i adaptacii na juge Jakutii [Climate change impacts on Siberia's Evenki: a study of traditional land use and adaptation in southern Yakutia]. 15-ja mezhdunarodnaja mnogoprofil'naja nauchnaja geokonferencija [15th international multidisciplinary scientific geoconference] SGEM 2015. Volume 1. Pp. 883–888. (In English)

Sulejmanov A.A. "Resursy holoda" v sisteme pitaniya jakutov: tradicii i sovremennost' ["Cold resources" in the Yakut food system: traditions and modernity]. *Nauchnyj dialog*. [Scientific dialogue]. 2018. № 2. Pp. 263–274. (In Russian)

Sulejmanov A.A. Russkoe starozhil'cheskoe naselenie sel'skih rajonov Jakutii: mehanizmy adaptacii hozjajstva k uslovijam zimnego vremeni [Russian old-time population of rural areas of Yakutia: mechanisms of adaptation of the economy to winter conditions] *Sovremennaja nauchnaja mysl'* [Modern scientific idea]. 2018. №2. Pp. 35–42. (In Russian)

Sulejmanov A.A. "Resursy holoda" v jekonomichejskoj i sociokul'turnoj praktike sel'skih soobshhestv Jakutii. Vtoraja polovina XIX – nachalo XX vv. ["The Resources of Cold" in Economic and Socio-Cultural Practices of Rural Communities of Yakutia. The second half of XIX – Early XX centuries]. *Bylye gody: Rossijskij istoricheskij zhurnal*. 2018. Volume 50 (4). Pp. 1601–1611. (In Russian)

Takakura H. (ed.) *Zhizn' v Sibiri, strane sil'nyh holoda: oleni, led i korennye narody*. [Living in Siberia, a land of extreme cold: Reindeer, ice and indigenous peoples]. Tokyo: Shinsensha. 2012. 272 p. (in Japanese)

Takakura H. *Arkticheskie skotovody Saha: jetnografija jevoljucii i mikroadaptacii v Sibiri* [Arctic Pastoralist Sakha: Ethnography of Evolution and Microadaptation in Siberia]. Melbourne: Trans Pacific Press. 2015. 254 p. (In English)

Takakura H. Predely skotovodcheskoj adaptacii k rajonom vechnoj merzloty, vyzvannye izmenenijem klimata, u naroda saha v srednem bassejne reki Lena [Limits of pastoral adaptation to permafrost regions caused by climate change among the Sakha People in the middle basin of Lena River]. *Poljarnaja nauka* [Polar Science]. Volume 10(3). 2016. Pp. 395–403. (In English)

Takakura H., Fujioka Y., Ignatyeva V., Tanaka T., Vinokurova N., Grigorev S., Boyakova S. Razlichija v vospriyatii mestnym naseleniem klimaticheskikh i jekologicheskikh izmenenij sredi zhitelej nebol'shih soobshhestv v Vostochnoj Sibiri [Differences in local perceptions about climate and environmental changes among residents in a small community in Eastern Siberia]. *Poljarnaja nauka* [Polar Science]. Volume 27. March 2021. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1873965220300645> (date of the application: 31.08. 2021). (In English)

TERMOKARST [TERMOKARST]. Great Russian Encyclopedia. 2017. URL: <https://bigenc.ru/geography/text/4189172> (date of the application: 22.04.2021) (In Russian)

Vechnaja merzlota i kul'tura. Global'noe poteplenie i Respublika Saha (Jakutija). Rossijskaja Federacija: Uchebnoe posobie [Permafrost and Culture: Global Warming and the Sakha Republic (Yakutia) of the Russian Federation]. Center for Northeast Asian Studies, Tohoku University, 2019. 72 p. (In Russian)

Vinokurova L.I. Sel'skaja Jakutija: vospriyatie korennyh naseleniem izmenenij v okruzhajushhej srede [Rural Yakutia: Perception of Environmental Changes by the Indigenous Population]. *Arktika i Sever* [Arctic and North]. 2011. № 4. Pp. 154–161. (In Russian)

S.A. Grigoriev

Temperature Changes, Permafrost Degradation and Social Challenges in the Life Support System of the Amginsky Ulus of the Republic of Sakha (Yakutia): Field Studies Results

Scientific novelty. This study aims to identify selected social phenomena caused by natural transformations within the framework of a general understanding of the impact of climate change on human society in permafrost regions. It also aims to show the interaction between local people and the environment as they adapt to rapid climate change. The article is an updated and corrected presentation of the research results obtained under the grant of the Russian National Science Foundation "Cryoanthropology: natural low temperatures in the life support system of rural communities of

Yakutia (traditional practices, challenges of modernity and adaptation strategies)". *The aim* of the study is to present the results of field research aimed at studying modern social threats caused by climate change for large rural settlements (on the example of the village of Amga), as well as to identify and demonstrate the strategies and practices developed by the local population to overcome them. *Research methods.* In the course of the study interviews were conducted with local residents in order to study the experience of adaptation to current and potential threats related to the effects of climate change on the local life system, as well as field observations were conducted. Standard historical, ethnographic and statistical methods were used in the analysis of the collected material, allowing for a detailed and comprehensive coverage of the problem under study.

Results. The article is the result of field research conducted in 2019-2020 in the village of Amga of the Amginsky ulus (district) of the Republic of Sakha (Yakutia). This region is subject to global trends in climate change recently there has been a gradual increase in the average air temperature and the increasing influence of this factor on the local population. These changes have a particular impact on rural residents, which is most dependent on the state of the natural environment. It was revealed that the degradation of permafrost may result in a limited area for living, deformation of residential buildings and deterioration of the transport system of the district. It is noted that temperature change carries both direct and indirect threats, the consequences of which may manifest themselves in the long term. The reported study was funded by the Russian Science Foundation. Project No. 19-78-10088 "Cryoanthropology: natural low temperatures in the life support system of rural communities of Yakutia (traditional practices, modern challenges and adaptation strategies)".

Keywords: Yakutia, Amga, cryoanthropology, rural population of Yakutia, permafrost, social consequences.

Г.Н. Курилов

DOI: 10.25693/SVGV.2022.38.1.005

УДК 811.554

Термины родства в языке лесных и тундренных юкагиров в сравнительно-сопоставительном аспекте

Научная новизна. Исследование лексики родства лесных и тундренных юкагиров в сравнительно-сопоставительном и этимологическом аспектах было проведено впервые. Для системы семейно-родственных отношений в языке современных тундренных юкагиров характерно функционирование тунгусских слов. Эти заимствованные термины (*амаа* 'отец', *эньиэ* 'мать', *акаа* 'старший брат', *экыэ* 'старшая сестра') автор заменил реконструированными древними терминами родства тундренных юкагиров. Новизной статьи является восстановление системы терминов родства лесных и тундренных юкагиров на основе различий в их лексическом составе.

Цель и задачи. Проведение сравнительно-сопоставительного анализа системы родства лесных и тундренных юкагиров составляло цель исследования. При этом в задачи входили поиск и реконструкция древних терминов родства тундренных юкагиров, замена ими тунгусских терминов, соотнесение выявленных лексем с соответствующими терминами в языке лесных юкагиров.

Методы исследования: сравнительно-сопоставительное и этимологическое исследование лексики родства; структурно-морфологический, словообразовательный разбор сходных лексем в тундренном и лесном диалектах юкагирского языка. Определялся состав лексем, выявлялся корневой элемент и деривационные форманты с уточнением их семантики. Этимологизируемое слово соотносилось с лексемами, уточнялись деривационные элементы и семантико-грамматические значения. Значение этимонов определяло происхождение слов.

Результаты. Установили, что совпадений в системах родства в языках лесных и тундренных юкагиров меньше, чем несовпадений. Термины родства исследуемых этнических групп юкагиров уже имели существенные различия до появления в лексическом составе языка тундренных юкагиров тунгусских слов. Это дало основание полагать, что одулы (лесные юкагиры) и вадулы (тундренные юкагиры) отделились друг от друга довольно давно, образовав самостоятельные родственные языки.

Ключевые слова: лексикология, этимология, тундренный диалект, колымский диалект, язык тундренных юкагиров, язык лесных юкагиров, система терминов родства, заимствования, сравнительно-сопоставительный аспект, реконструкция

1. Введение. Данная статья посвящена сравнительно-сопоставительному и этимологическому изучению лексики родства лесных и тундренных юкагиров. Первым ученым, собравшим и описавшим термины родства юкагиров, был В.И. Иохельсон. Сведения о семейно-родственных отношениях были опубликованы в монографиях «Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе» [Иохельсон, 2005a] и «Юкагиры и юкагиризированные тунгусы» [Иохельсон, 2005b]. Автор данной статьи написал ряд материалов, в которых подвергались структурно-морфологическому, семантическому и сравнительно-сопоставительному анализу термины семейно-родственных отношений: «О терминах родства и свойства тундренных юкагиров» [Курилов, 1969: 92–96], «Термины родства, отражающие древнюю культуру тундренных юкагиров» [Курилов, 2019: 218–222], «Отражение в языке юкагиров одной из древних культурных традиций» [Курилов, 2020b: 227].

Актуальность работы обусловлена тем, что для дальнейших исследований языка тундренных юкагиров необходимо изучить термины родства тунгусского происхождения в терминологической системе родства и свойства данного языка.

Мы попытаемся восстановить соответствующие древние исконные термины родства тундренных юкагиров, которые были вытеснены тунгусскими, и тогда станет возможным проведение настоящего сравнительно-сопоставительного рассмотрения юкагирских терминов родства. Этим определяется теоретическая и практическая ценность данной работы, так как мы считаем, что дополнительно будут подтверждены статусы тундренного и лесного диалектов как самостоятельных близкородственных юкагирских языков. Таким образом, это исследование дополнит выводы, которые в свое время были сделаны в рукописи неизданной монографии «Прочен ли постулат о диалектах юкагирского языка?»¹. Кроме того, восстановление исконно юкагирских терминов родства, по нашему мнению, нужно для духовного единения уроженцев Нижнеколымского улуса, являющихся или желающих стать юкагирами как представи-

телями немногочисленного вадульского (юкагирского) народа Якутии – прародины древних юкагиров.

Научные и практические результаты исследования состоят в том, что на основе сравнительно-сопоставительного анализа юкагирских терминов родства выявлены сходство и различия в лексике локальных групп юкагиров. Это позволит использовать выводы по исконной юкагирской лексике, наряду с другими, для решения вопроса о статусах тундренного и лесного диалектов как самостоятельных близкородственных языков.

Известно, что родственные отношения не ограничиваются только терминами родства, так как, кроме терминов родства, имеются термины свойства. Этими терминами называют мужа старшей сестры, жену старшего брата, мужа младшей сестры отца, мужа младшей сестры матери, также сюда входят обозначения дедушки и бабушки. Эти слова мы не будем здесь рассматривать, а проанализируем только термины родства. Укажем, что автор рассматривал термин свойства *пулийэ* ‘зять, муж старшей сестры’ в статье «Семантика корневого элемента *пу-* в тундренном диалекте юкагирского языка» [Курилов, 2021: 86–95]. Итак, объектом исследования в данной статье являются древние термины родства лесных и тундренных юкагиров.

В работе В.И. Иохельсона «Материалы по языку и фольклору юкагиров Колымского округа» [Иохельсон, 2005a: 268] мы находим следующие термины родства лесных (верхнеколымских) юкагиров: *эчиэ* ‘отец’, *чомочиэ* ‘дед’, ‘старший брат отца’, *иидиэтэк* ‘дядя’, ‘младший брат отца’, *эпиэ* ‘бабушка’, ‘старшая сестра отца’, *эмдъудиэ* ‘тетя’, ‘младшая сестра отца’, *чаммэй* ‘старшая сестра матери’, *ходъаа* ‘дядя’, ‘старший брат матери’, *ходъадиэ* ‘дядя’, ‘младший брат матери’, *хаахаа* ‘дед’, ‘муж старшей сестры отца’, ‘муж старшей сестры матери’, *чаачаа* ‘старший брат’, *паабаа*, *абудъаа* ‘старшая сестра’, *эмдъэ* ‘младшая сестра’, ‘младший брат’.

Стоит отметить, что в языке тундренных юкагиров современные термины родства несколько отличаются от древних юкагирских слов тем, что в их состав вошли термины родства тунгусского происхождения. Насколько

¹Курилов Г.Н. Прочен ли постулат о диалектах юкагирского языка? Якутск, 2012. 144 с.

нам известно, термины родства древних юкагиров в системе семейно-родственных отношений лесных юкагиров остались без изменения, за исключением некоторых ошибок, которые мы исправили. Неточностей немного, и поскольку язык лесных юкагиров мы знаем не настолько хорошо, будем ссылаться на сообщения знатока языка лесных юкагиров П.Е. Прокопьевой, занимающейся в своей исследовательской работе такой проблемой юкагиrowедения, как лексический состав языка лесных юкагиров.

Здесь особо укажем, что в вышеуказанной рукописи монографии «Прочен ли постулат о диалектах юкагирского языка?» автор работы подтвердил правильность предположения Е.А. Крейновича о возможном признании тундренного и колымского диалектов юкагирского языка двумя самостоятельными близкородственными языками. Это предположение находится в сноске статьи «Юкагирский язык», опубликованной в пятом томе капитального труда «Языки народов СССР» [Крейнович, 1968]. Отметим, что язык тундренных юкагиров в той монографии обозначали как вадульский язык (*вадул* – самоназвание тундренных, нижнеколымских юкагиров), а язык лесных юкагиров – одульский язык (*одул* – самоназвание лесных, верхнеколымских юкагиров). Ранее их называли носителями тундренного и колымского диалектов юкагирского языка.

Гипотезу Е.А. Крейновича в рукописи «Прочен ли постулат о диалектах юкагирского языка?» мы подтвердили выводами, полученными на основе анализа имени существительного (падежной системы и пр.), а также данными по местоимению, глаголу и наречию в лесном и тундренном диалектах юкагирского языка, собранными сотрудниками сектора палеоазиатской филологии ИГиИПМНС СО РАН, ныне вошедшего в отдел северной филологии.

II. Материалы и методы. Методология сравнительно-сопоставительного и этимологического исследования терминов родства тундренных и лесных юкагиров заключалась в структурно-морфологическом, словообразовательном анализе лексем со сходным значением.

Изучение терминов родства лесных и тундренных юкагиров опиралось на материалы из «Юкагирско-русского словаря» [Курилов, 2001], «Юкагирско-русского и русско-юкагирского

словаря» [Николаева, Шалугин, 2002], этимологические исследования и сведения автора.

III. Результаты. Термины родства тунгусского происхождения в системе родства юкагирского языка: *амаа* ‘отец’, *эньиэ* ‘мать’, *акаа* ‘старший брат’, *экыэ* ‘старшая сестра’ в настоящее время в языке тундренных юкагиров называют эвенскими. На самом деле это тунгусские слова. Подтверждение этого заключения имеется в комментарии капитального труда «Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе» [Иохельсон, 2005а: 210]. Данный комментарий составляет целый абзац о существовании легенды о прибытии тунгусов Бетильского рода. Абзац заканчивается тем, что прибывшие тунгусы приняли в основном юкагирский язык, язык *алайиш*.

Отметим, что юкагирское племя *алайиш* является коренным племенем, населявшим территорию нынешних Нижнеколымского и Аллаиховского улусов. Самоназвание *алайиш* этимологизируется, по одному из вариантов, как люди, не обижающие других (*ал*=~*эл* ‘не’, =*айиш* ‘обижать’) [Курилов, 2001: 31], [Курилов, 2015: 104–106]. Это слово содержится в гидрониме Алазея. Так реку, которая по-юкагирски называлась *Чамадэну* ‘Большая река’, назвали русские первопроходцы по прибытии на нее, поскольку они узнали, что на ее берегах живут *алайиш*, отсюда в своих сведениях указали реку Алазея. Рядом с Алазеей находится гора Албай, этот топоним этимологизируем как ‘алайская женщина’ (*ал*=, =*бай-най* ‘женщина’). Данная лексема сохранилась и в названии местности района – Аллаиховский. У жителей этой местности был князец Аллай, известный как князь-предводитель, который повел юкагиров на Колыму к Нижнеколымску – крепости русских казаков, поселению, загороженному листовницами. (В этой крепости пребывал С.И. Дежнев, известный путешественник и первооткрыватель, раненный в одном из столкновений с юкагирами.) По историческим воспоминаниям и архивным данным, среди тех *алайиш* были не только юкагиры, но и чукчи и эвены. Люди *алайиш*, вооруженные луками и стрелами, создали отряд князя Аллая. В последнем противостоянии с русскими, имеющими огнестрельное оружие, князь Аллай был ранен, после чего был увезен за реку Алазею, и этим событием, как из-

вестно, закончились столкновения [Колесов, 1991].

Укажем, что раньше бетильскими тунгусами юкагиры называли эвенков, а сейчас о потомках бетильцев говорят как об эвенах. Необходимо отметить, что определенная группа нижнеколымских юкагиров себя называет эвенами – *ил-кэн*, это самоназвание понимается как ‘настоящий’. Мы считаем, что на самом деле они являются потомками бетильцев, и это тоже надо иметь в виду. Поэтому, по существу рассматриваемые термины родства тунгусского происхождения являются словами бетильского рода тунгусов, которые прибыли, возможно, с запада. Мы предполагаем, что термины родства языка бетильского рода в системе тундренного диалекта юкагирского языка скорее всего образовались в связи с появлением детей, рожденных от смешанных браков юкагиров с бетильскими женщинами.

Итак, вместо тунгусских слов *амаа* ‘отец’, *эньиэ* ‘мать’, *акаа* ‘старший брат’, *экыэ* ‘старшая сестра’ мы должны восстановить исконно юкагирские древние термины родства, сохранившиеся в разных повествованиях, сказаниях, сказках, устных рассказах.

Сопоставление терминов родства лесных и тундренных юкагиров показало, что лесные юкагиры, насколько известно, сохранили те слова, которые записывал В.И. Иохельсон в 1898 г. во время первого пребывания среди юкагиров. Здесь отметим, что в исследованиях конца XIX – начала XX вв. язык тундренных юкагиров назывался тундренным диалектом, а язык лесных юкагиров назывался колымским диалектом. Поэтому по существу мы проводим сравнительно-сопоставительный анализ терминов родства бывших колымского и тундренного диалектов юкагирского языка.

В терминах родства современных тундренных юкагиров бетильские тунгусские *амаа* ‘отец’, *эньиэ* ‘мать’, *акаа* ‘старший брат’, *экыа* ‘старшая сестра’ заменяем исконно вадульскими терминами родства тундренных юкагиров: *эчиэ* ‘отец’ (Т, Л), *ишваа* ‘мать’ (Т), *чанмэдьаа* ‘старший брат’ (Т), *павваа* ‘старшая сестра’ (Л).

В таком случае при сравнении тундренного диалекта с лесным диалектом юкагирского языка реконструируется термин *эчиэ* ‘отец’ – слово, имеющееся в составе сложного слова *чомочиэ*

(Л)~*чумуочиэ* (Т), которым обозначается старший брат отца, дедушка, где *чомо* = ‘большой’, *=эчиэ* ‘отец’, т.е. буквальное значение – ‘большой отец’.

Этимологический анализ лексемы лесного диалекта юкагирского языка *эчиэ* ‘отец’ показал, что слово можно определять субстантивированным причастием, глаголом с основой *аа* = (3 л. *мэр аам*; *аал*) ‘делать, производить’ [Иохельсон, 2005а: 448] (основа *аа* = + аффикс *=чиэ* < основа *э* = + *=чиэ*). Сопоставление слов *эчиэ* ‘отец’ и *аачэ* ‘олень’ [Иохельсон, 2005а: 448] показало, что суффикс *=чэ* в *аачэ* ‘олень’ выражает название предмета, являясь деформированным звуко сочетанием от *=чиэ*. Лексема *аачэ* состоит из основы *аа* = ‘делать, производить’ и словообразовательного форманта *=чэ* с предметным значением. Поэтому *эчиэ* ‘отец’ буквально переводится как ‘тот, кто делает, производит что-либо’, ‘добытчик’ (*эчиэ* < *аа* = *чэ*) [Курилов, 2020: 227–228].

Укажем, что термин *өчидиэ* ‘младший брат отца’ состоит из *эчиэ* = *өчи* = ‘отец’ и уменьшительно-ласкательного суффикса *=диэ*, буквально ‘маленький отец’. Так, разница между словами *ишдиэтэк* (Л)~*өчидиэ* (Т) этого лексического ряда очевидна, совпадение фиксируется в названиях терминов родства отца и старшего брата отца – *эчиэ*, *чомочиэ* (Л)~*чумуочиэ* (Т).

Следовательно, в системе родственных отношений братья отца тоже называются отцами – старшими и младшими: *эчиэ* ‘отец’, *чомочиэ* (Л)~*чумуочиэ* (Т) ‘старший брат отца’ – ‘большой отец’, *ишдиэтэк* (Л)~*өчидиэ* (Т) ‘младший брат отца’ – ‘маленький отец’.

В терминах родства по отцовской линии в языке лесных юкагиров ‘старшая сестра отца’ – *эпиэ* (Л), а ‘младшая сестра отца’ – *эмдьюодиэ* (Л). В последнем видно слово *эмдье*, которым обозначаются младший брат и сестра у тундренных и лесных юкагиров. В языке тундренных юкагиров ‘старшая сестра отца’ – *эпиэ* (Т), младшая сестра отца – *эмдьюо*~*өйдьюо* (Т).

Таким образом, исконно вадульская лексика родства и буквальное значение этих терминов будет выглядеть следующим образом: по отцовской линии – *эчиэ* ‘отец’, *чумуочиэ* ‘дед’, ‘старший брат отца’, буквально: ‘большой отец’, *өчидиэ* ‘дядя’, ‘младший брат отца’, буквально: ‘отец маленький’. *Эпиэ* ‘бабушка’,

‘старшая сестра отца’, эвдьюо~өйдьюо ‘младшая сестра отца’.

Рассмотрение терминов по материнской линии у лесных юкагиров показало, что ‘мать’ обозначается эмэй, ‘старшая сестра матери’ – чаммэй, в данном слове легко выделяется чам=~чама= ‘большой’, =эмэй ‘мать’, буквально ‘большая мать’. В языке тундренных юкагиров анализ лексического ряда слов, обозначающих родственников по материнской линии, выявил слово ииуаа ‘мать’, этимон ииуи= ‘сосать’. Укажем, что тундренные юкагиры раньше называли мать словом ииуаа, образованным от глагола ииуиуи= ‘сосать грудь’, буквальное значение ииуаа – ‘тот человек, у которого сосут молоко’. Термин чамийаа ‘бабушка’, ‘старшая сестра матери’ состоит из чам=~чама ‘большая’ и ийаа=~иуаа<иуаа ‘мать’, буквально означает ‘большая мать’.

Следующий термин лесных юкагиров – нымдиэтэк ‘младшая сестра матери’ вводит нас в затруднение при семантическом анализе. Так, у тундренных юкагиров термин ‘тетя’, ‘младшая сестра матери’ обозначается йаадиэ, состоит из йаа=<ийаа~иуаа<иуаа ‘мать’ и =диэ (уменьшительно-ласкательный суффикс), буквально: ‘маленькая мать’.

В этой группе слов по материнской линии имеются термины ходьяа ‘старший брат матери’ и ходьядиэ ‘младший брат’, совпадающие в лексическом отношении с соответствующими терминами в языке тундренных юкагиров, т.к. у тундренных юкагиров ‘старший брат матери’ обозначался – хавдьяа, иногда хойдьяа, а ‘младший брат матери’ – хавдыдиэ, понимаемый как ‘маленький хавдьяа’. Как видим, некоторое сходство имеется.

В системе семейно-родственных отношений лесных юкагиров ‘старший брат’ обозначался чаачаа, ‘старшая сестра’ – паабаа. Тогда как у тундренных юкагиров ‘старший брат’ обозначался, предположительно, словом чанмэдьаа, от слова чанмэ= ‘старший’ и =дьаа – увеличительного суффикса, а старшая сестра, по сведениям, называлась пауаа. Этимология указанного слова в данное время не проявляется.

В этом сравнительном ряду выделяем слово ‘дедушка’ – отец отца, которое у лесных юкагиров обозначается как хаахаа, а у тундренных юкагиров – хайчиэ. Эти термины, как видим,

различаются, при этом определяется совпадение в первом слоге хаа=~хай=. Отметим, слово ‘бабушка’, ‘мать отца’ у лесных юкагиров – этиэ, у тундренных юкагиров – абучиэ.

IV. Обсуждение. Итак, рассмотрение терминов родства в языках лесных и тундренных юкагиров показывает, что в них несовпадающих элементов намного больше, чем совпадающих. Это дополнительно подтверждает выдвинутое в рукописи монографии «Прочен ли постулат о диалектах юкагирского языка?» решение о том, что в настоящее время так называемые диалекты юкагирского языка на самом деле являются двумя самостоятельными близкородственными языками. Их родство друг с другом намного отдаленнее, чем, например, родство эвенкийского и эвенского языков.

Эти особенности выражаются в самоназваниях тундренных и лесных юкагиров: близкие этнонимы вадул (Т) ~ одул (Л) указывают на акающий тундренный говор и окающий лесной говор. Предполагаем, что в языке лесных юкагиров когда-то был w, после исчезновения которого некогда общий этноним преобразовался в одул.

Если говорить об общих совпадениях между этими языками, то они обнаруживаются в лексике, например, совпадением в таких словах, как ‘огонь’: лачил (Т) – лочил (Л) – в языке лесных юкагиров окающий вариант, ‘дерево’ саал (Т) – шаал (Л) – шокающий вариант у лесных юкагиров. Наблюдаем некоторое совпадение в слове ‘море’: чауул (Т) – чобул (Л), показывающее окающий вариант в языке лесных юкагиров – вместо отсутствующего звука w произносится б. В качестве примера несовпадений можно привести слово ‘гора’: анаа (Т) – пиэ (Л) и др.

В обозначении числительных тоже наблюдаются совпадения и несовпадения. Например, у тундренных юкагиров счет от одного до десяти: маархуонь ‘один’, кийуонь ‘два’, йалуонь ‘три’, йалаклань ‘четыре’, имдалдьань ‘пять’, маалайлань ‘шесть’, пускийань ‘семь’, маалайлаклань ‘восемь’, вальбарумкуруонь ‘девять’, кунильань ‘десять’ (Т). У лесных юкагиров от одного до десяти: иркиэй ‘один’, атахлоой ‘два’, йаалоой ‘три’, илэклоой ‘четыре’, ньаџанбоой ‘пять’, малџалоой ‘шесть’, пуркийоой ‘семь’, малџилэклоой ‘восемь’, куниркильдьюой ‘девять’, кунильоой ‘десять’ (Л).

Лексическое сходство обнаруживается в лексемах 'три' *йалуонь* (Т) – *йаалоой* (Л), 'четыре' *йалаклань* (Т) – *илэклоой* (Л), 'шесть' *маалайлань* (Т) – *малбалоой* (Л), *пудскийань* 'семь' (Т) – *пуркийоой* (Л), 'десять' *кунильоой* (Л) – *кунильань* (Т).

Расхождения в большом количестве отмечаются в глаголах, например, *модо* = (3 л. *модой*; *модол*) 'жить', 'сидеть' (Л), *сабанэ* = (3 л. *мэ сабанэй*; *сабанэл*) 'жить', 'сидеть' (Т) и др. Отметим, что в местоимениях различий меньше, например, совпадают личные местоимения – *мэт* 'я' (Т), (Л), *тэт* 'ты' (Т), (Л), *тудэл* 'он' (Т), (Л), *мит* 'мы' (Т), (Л), *тит* 'вы' (Т), (Л), *тит-тэл* 'они' (Т), (Л). Сходства отмечаются в послелогах – *будэ* 'наверху' (Л), *пурэ* 'на', 'наверху' (Т) и др. Дальнейшие сопоставления ограничиваются недостаточной изученностью нами лесного юкагирского языка.

V. Заключение. Сосредоточение основного внимания на совпадающих в общем виде по чередованию и семантическому значению терминах родства лесных и тундренных юкагиров показывает следующее:

эчиэ (Л) и *өчиэ* (Т) 'отец' – совпадают, *чомочиэ* (Л) и *чумуочиэ* (Т) 'старший брат отца', буквально: 'большой отец' – совпадают, *иидиэтэк* 'младший брат отца' (Л) не совпадает с термином *өчиэдиэ* (Т), буквально: 'отец маленький',

эпиэ (Л) и *эпиэ* (Т) 'старшая сестра отца' – совпадают,

эмдьюодиэ (Л) и *эмдьюо* (Т) 'младшая сестра отца' – имеют некоторое совпадение,

эмэй (Л) и *ишваа* (Т) 'мать' – не совпадают, *чаммэй* (Л) и *чамийаа* (Т) 'большая мать' – имеют некоторое совпадение,

ньимдиэтэк (Л) и *йаадиэ* (Т) 'младшая сестра матери', буквально: 'маленькая мать' – не совпадают,

ходьа (Л) и *хавдьяа-хойдьяа* (Т) 'старший брат отца' – совпадают,

ходьядиэ (Л) и *хавдьядиэ-хойдьяадиэ* (Т) 'младший брат отца' – совпадают,

чаачаа (Л) и *чанмэдьаа* (Т) 'старший брат' – не совпадают,

паабаа (Л) и *паваа* (Т) – 'старшая сестра' – не совпадают.

В результате сопоставления выявляется, что совпадений между системами родства в языках

лесных и тундренных юкагиров определяется в меньшем числе, обнаруживается больше несопадений.

Таким образом, можно сделать вывод, что термины родства в языках лесных и тундренных юкагиров в своей древней форме, до появления в лексическом составе тунгусских слов, уже имели между собой существенные различия. И это говорит о том, что данные группы юкагиров отделились друг от друга довольно давно, образовав самостоятельные родственные языки, а не диалекты одного языка.

Итак, мы считаем, что разделение некогда единого целого народа юкагиров на одулов и вадулов произошло довольно давно, и проявление этого разделения обнаруживается в древних терминах родства.

Список сокращений:

(Т) – тундренный диалект юкагирского языка
(Л) – лесной диалект юкагирского языка

Список литературы:

Иохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005а. 272 с.

Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы // Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Т. 5. Новосибирск: Наука, 2005. 680 с.

Колесов М.И. История Колымского края. Ч. 1. Якутск, 1991.

Крейнович Е.А. Юкагирский язык // Языки народов СССР. Т. V. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1968. С. 435–454.

Курилов Г. Н. Этимологическое значение юкагирских этнонимов вадул и алайи // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 10 (52): в 2-х ч. Ч. 1. С. 104–106.

Курилов Г.Н. О терминах родства и свойства тундренных юкагиров // Советская этнография. 1969. № 2. С. 92–96.

Курилов Г.Н. Отражение в языке юкагиров одной из древних культурных традиций // Народы и культуры Северной Азии в контексте научного наследия Г.М. Василевич: сборник научных статей [Отв. ред. Л.И. Миссонова]. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2020. С. 227–228.

Курилов Г.Н. Семантика корневого элемента *пу-* в тундренном диалекте юкагирского языка // Северо-

Восточный гуманитарный вестник. 2021. №1(34). С. 86-95.

Курилов Г.Н. Термины родства, отражающие древнюю культуру тундренных юкагиров // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2019. № 2. С. 218–222.

Словари:

Курилов Г.Н. Юкагирско-русский словарь. Новосибирск: Наука, 2001. 608 с.

Николаева И.А., Шалугин В.Г. Словарь юкагирско-русский и русско-юкагирский (Верхнеколымский диалект). СПб., 2002. 224 с.

References:

Iokhelson V.I. Jukagiry i jukagirizirovannye tungusy [Yukagirs and Yukagirized Tunguses]. *Pamjatniki jetnicheskoj kul'tury korennyh malochislennyh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Monuments of the ethnic culture of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East]. Volume 5. Novosibirsk: Science Publ., 2005. 680 p. (In Russian)

Iokhelson V.I. *Materialy po izucheniju jukagirskogo jazyka i fol'klora, sobrannye v Kolymskom okruge* [Materials for studying Yukagir language and folklore]. Yakutsk, 2005. 272 p. (In Russian)

Kolesov M.I. *Istorija Kolymского kraja* [History of the Kolyma Region]. Yakutsk, 1991. Pp. 1. (In Russian)

Krejnovich E.A. Jukagirskij jazyk [The Yukagir language]. *Jazyki narodov SSSR* [Languages of the peoples of the USSR]. Volume V. Leningrad: Science Publ. (Leningrad branch), 1968. Pp. 435-454. (In Russian)

Kurilov G.N. Jetimologicheskoe znachenie jukagirskih jetnonimov wadul i alajii [Etymological meaning of the Yukagir ethnonyms wadul and alajii].

Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki [Philology. Theory and Practice]. Tambov: Diploma Publ., 2015. №10 (52): in 2 parts. Part 1. Pp. 104-106. (In Russian)

Kurilov G.N. *Jukagirsko-russkij slovar'* [Yukagir-Russian dictionary]. Novosibirsk: Science Publ., 2001. 608 p. (In Russian)

Kurilov G.N. O terminah rodstva i svojstva tundrennyh jukagirov [On the terms of kinship and properties of tundra Yukagirs]. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1969. №2. Pp. 92–96. (In Russian)

Kurilov G.N. Otrazhenie v jazyke jukagirov odnoj iz drevnih kul'turnyh tradicij [Reflection in the Yukagir language of one of the ancient cultural traditions]. *Narody i kul'tury Severnoj Azii v kontekste nauchnogo nasledija G.M. Vasilevich: sbornik nauchnyh statej. Otvetstvennij redaktor L.I. Missonova* [Peoples and cultures of North Asia in the context of the scientific heritage of G.M. Vasilevich: collection of scientific articles. Responsible editor L.I. Missonova]. Yakutsk: Publ. by Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2020. 407 p. Pp. 227. (In Russian)

Kurilov G.N. Semantika kornevogo jelementa pu- v tundrennom dialekte jukagirskogo jazyka [Semantics of the root element *pu-* in the tundra dialect of the Yukagir language]. *North-Eastern Journal of Humanities*. 2021. №1 (34). Pp. 86-95. (In Russian)

Kurilov G.N. Terminy rodstva, otrazhajushhie drevnjuju kul'turu tundrennyh jukagirov [Kinship terms reflecting the ancient culture of the tundra Yukagirs]. *Philology. Theory and Practice*. Tambov: Diploma, 2019. No. 2. Pp. 218–222. (In Russian)

Nikolaeva I.A., Shalugin V.G. *Slovar' jukagirsko-russkij i russko-jukagirskij (Verhnekolymskij dialekt)* [Yukagir-Russian and Russian-Yukagir dictionary]. St Petersburg: Drofa Publ., 2002. 224 p. (In Russian)

G.N. Kurilov

Kinship Terms in the Language of the Forest and Tundra Yukagirs in a Comparative Aspect

Scientific novelty. The study of the Forest and Tundra Yukagirs's lexis of kinship in a comparative and etymological research was carried out for the first time. The system of the modern Tundra Yukagirs's family and kinship relations is characterized by the functioning of Tungus words. These borrowed terms (*amaa* 'father', *enie* 'mother', *akaa* 'elder brother', *ekya* 'older sister') were replaced by the reconstructed the Tundra Yukagirs's ancient kinship terms. This was the main aim of this work - to carry out a comparative analysis according to the restored version of the Forest and Tundra Yukagirs's kinship system and to determine the meaning of this ancient lexis when considering the origin of the Yukagir languages. *The aim and tasks.* The aim of the study was to carry out a comparative analysis of the Forest and

Tundra Yukagirs's kinship system. At the same time, the tasks included the search and reconstruction of the Tundra Yukagirs's ancient terms of kinship their replacement of the Tungus terms, correlating the revealed lexemes with the corresponding terms in the language of the Forest Yukagirs. *Research methods*: comparative and etymological research of the kinship lexis; structural-morphological, derivational analysis of similar lexemes in the Tundra and Forest dialects of the Yukagir language. The composition of lexemes was determined, the root element and derivational formants were identified with the refinement of their semantics. The etymologized word was correlated with lexemes, derivational elements and semantic-grammatical meanings were specified. The meaning of etymons determined the origin of words. *Results*. It was found that there are fewer coincidences in kinship systems in the Forest and Tundra Yukagirs's Languages than there are discrepancies. The kinship terms of the studied Yukagirs ethnic groups had already had significant differences before the appearance of Tungus words in the Tundra Yukagirs's lexical composition. This gave reason to believe that the Oduls (Forest Yukagirs) and Waduls (Tundra Yukagirs) separated quite a long time ago and formed independent related languages.

Keywords: lexicology, etymology, Tundra Yukagir dialect, Kolyma Yukagir dialect, Tundra Yukagir language, Forest Yukagir language, kinship terms system, borrowings, comparative aspect, reconstruction

Л.М. Готовцева

DOI: 10.25693/SVG.2022.38.1.006

УДК 811.512.157

Структурные особенности синонимических рядов якутских фразеологизмов

Научная новизна. Проблема системных отношений во фразеологическом составе языка, проявляющихся в формировании последовательных синонимических рядов, является до сих пор одной из не разрешенных ни в теории, ни в практике синонимии проблем. В статье рассматриваются особенности построения фразеологических синонимических рядов якутского языка с ориентацией на лексическую, а не на фразеологическую смысловую доминанту, что до сих пор не было объектом специального исследования.

Целью данной работы является выявление особенностей построения фразеологического синонимического ряда в якутском языке.

В *задачи* исследования входят: отбор фразеологических синонимов из лексикографических и фразеографических источников; определение состава фразеологического синонимического ряда; рассмотрение критериев выделения фразеологического синонимического ряда и его доминанты, дифференциация фразеологического материала внутри синонимического ряда.

Методы исследования: при дифференциации значений фразеологических синонимов, синонимических фразеологизмов внутри синонимического ряда использованы компонентный анализ, метод оппозиций, валентностный анализ, также использованы приемы систематики, количественный подсчет с интерпретацией полученных данных.

Результаты. Выявлено, что в синонимический ряд входят фразеологические единицы, совпадающие в лексико-грамматическом, категориальном отношении. Границы синонимического ряда всегда открыты и подвижны. Синонимический ряд фразеологизмов в основном состоит из двух членов. Большое количество синонимических рядов включает в себя три синонима. Доминантой синонимического ряда является слово или сочетание слов, наиболее широкое по семантическому объему, с наиболее общим значением и стилистически нейтральное. Внутри синонимического ряда анализируемые единицы квалифицируются семантически и стилистически и

делятся на подгруппы. Деление на подгруппы внутри синонимического ряда производится по дифференциальному признаку и по этому признаку подгруппы противопоставляются друг другу. Выявленные фразеологические синонимические ряды отражают сложные системные отношения между фразеологическими единицами.

Ключевые слова: якутский язык, фразеологический синоним, фразеологический синонимический ряд, доминанта, дифференциация

I. Введение. Настоящее исследование представляет собой продолжение серии статей автора, в которых освещались теоретические вопросы понимания природы фразеологической синонимии, типологии фразеологических синонимов якутского языка [Готовцева, 2020: 101–110]; изучена проблема разграничения фразеологических вариантов и фразеологических синонимов; систематизированы фразеологические синонимы по лексико-грамматическим категориям [Готовцева, 2014: 96–102].

В данной статье мы рассмотрим особенно-сти построения синонимических рядов как одного из наиболее ярких проявлений системности в фразеологическом составе якутском языка. Отметим, что теоретические и прикладные вопросы ее изучения берут свое начало в отечественной лингвистической традиции в целом. Так, синонимический ряд является объектом внимания исследователей со времен появления словарей синонимов [Клюева, 1961; Евгеньева, 1971; Александрова, 1986; Абрамов, 1994]. В этих словарях по-разному отражаются фразеологизмы. Словарь под редакцией А.П. Евгеньевой практически не включает в себя фразеологизмов, словарь З.Е. Александровой содержит многие синонимические ряды и немало идиом. Первым лексикографическим опытом систематизации синонимов – ‘фразеологизмов с близким значением, обозначающих одно и то же понятие’ [СФСРЯ, 1987: 4] – является «Словарь фразеологических синонимов русского языка», составленный В.П. Жуковым, М.И. Сидоренко, В.Т. Шкляровым. Материал словаря систематизирован по «доминантному» фразеологизму. Следует отметить, что ориентация на чисто фразеологическую семантику затрудняет поиск нужной информации по какому-либо фразеологизму. Четкая дифференциация фразеологического материала внутри одного синонимического ряда предлагается в «Словаре фразеологических синонимов русского языка» А.К. Бириха, В.М. Мокиенко, Л.И. Степановой. Авторы сло-

варя в качестве критериев выделения доминанты во фразеологическом синонимическом ряду предлагают слово или словосочетание. Достоинством словаря считаем тот факт, что большая часть описываемого материала квалифицируется семантически (с помощью достаточно полных дефиниций) и стилистически (с помощью дифференцированной системы помет). Принципы формирования синонимических рядов в рамках лексико-фразеологического поля «Зрительная деятельность» с учетом семантических и структурных особенностей ФЕ рассматриваются в статье М.В. Волнаковой [Волнакова, 2011: 11–18]. Н.А. Гусевой на основе авторской универсальной модели макро- и микроструктуры поля уточняются критерии фразеологической синонимии, исследуется понятие доминанты во фразеологическом синонимическом ряду [Гусева, 2013: 74–77].

Теоретической и методологической базой послужили исследования вышеназванных ученых по фразеологической синонимии (В.П. Жукова, М.И. Сидоренко, В.Т. Шклярова, 1987; А.К. Бириха, В.М. Мокиенко, Л.И. Степановой, 1997; а также А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского, 2014).

II. Материалы и методы. Материал исследования извлечен из лексикографических и фразеографических источников якутского языка: «БТСЯЯ» (2004–2017), «ЯРФС» (2002). При делении доминанты синонимического ряда и дифференциации их членов внутри синонимического ряда и подгрупп использован компонентный анализ, метод оппозиций, валентностный анализ; также использованы приемы систематики, количественный подсчет с интерпретацией полученных данных.

III. Результаты. Синонимический ряд во фразеологии строится на базе семантической близости (или тождественности) двух или нескольких единиц. Как правило, в синонимический ряд входят ФЕ, совпадающие в лексико-грамматическом, категориальном отношении.

В состав СР не входят семантически соотносительные фразеологизмы, которые в свою очередь могут образовать самостоятельные ряды. Так, ФЕ *уоһа (уоһугар) уоһахтаах* <хараба хааннаах> – *уоһах (уоһахтаах) уостаах* с общим значением ‘молоденький, еще неопытный в жизни, желторотый’ (букв. с желтком на губах) образуют один синонимический ряд, а соотносительный по смыслу фразеологизм *уоһугар уоһаба куура илик* ‘молоко на губах не обсохло’ (букв. губы его с молозивом) будет самостоятельной единицей. *Солуута суох, уоһа уоһахтаах да, өссө байыаннай сулуоспаба бараары гынар*. Л.Толстойтан тылб. – Несерьезен, еще неопытен, но хочет на военную службу. *Уоһугар уоһаба куура илик эрэри өйдөөбүмсүйээхтиир*. Хотугу Сулус. – Хотя у него молоко на губах не обсохло, но умничаёт. Фразеологизмы дают оценочную характеристику лицу. В первом предложении фразеологизм выступает в качестве определения. Наблюдается расхождение в категориальном отношении, фразеологизмы синонимического ряда соотносятся с именами прилагательными, а последний – *уоһугар уоһаба куура илик* образовано по модели предложения, поэтому его трудно соотносить с какой-либо частью речи.

Членами СР могут быть многозначные фразеологизмы, которые, расщепляясь в своих значениях, могут входить в разные синонимические ряды.

Что касается границ синонимического ряда, то они «всегда открыты и размыты» [Каксин, 2016: 357]. В процессе развития языка одни члены или их значения (если многозначный фразеологизм – Л.Г.) могут выйти из состава СР, другие, наоборот, войти в него. Так, второе значение ФЕ *ыт уос буолла* ‘лишиться чего-л.’, указанного в ЯРФС со ссылкой на СЯЯ Э.К. Пекарского, в БТСЯЯ не зафиксировано, можно полагать, что оно вышло из употребления и таким образом не может быть членом СР *харананы харбаабыт, ыйдананы ытыспыт* – *ытыһа куура сылдыар* с общим значением ‘лишиться чего-л., быть обделенным чем-л.’.

Наблюдения над синонимическими рядами фразеологизмов в якутском языке показывают, что синонимический ряд фразеологизмов обычно состоит из двух членов: *сүрэбин хайыт* – *сүрүн көтүт* с общим значением ‘сильно напу-

гать кого-л.’; *ырыалаах олонхо* – *тойук дьыала* с общим значением ‘то, что не скоро может быть сделано, рассказано и т.п.’; *иһэ ылыабынан (ыларынан)* – *иһэ уйуобунан (уйарынан)* (букв. насколько выдержит живот) с общим значением ‘до отвала, до пресыщения (наедаться)’. Большое количество синонимических рядов включает в себя три синонима: *икки сирэй буолар* (букв. становится двумя лицами) – *илин-кэлин сирэй буолар* – *антах-бэттэх сирэй буолар* (букв. становится лицом и туда, и сюда) со значением ‘лицемерить, быть двуличным’; *сангатыттан маппыт* – *тылыттан матта* – *ууну омурдар* (букв. набрать в рот воды) с общим значением ‘лишиться дара речи’. Синонимических рядов, состоящих из четырех единиц, немного: *сирдээн да тимирбитэ, халлааннаан да көппүтэ биллибэт* – *сирдээн тимирдэ, халлааннаан көттө* – *таастыы тимирдэ* (букв. как камень пошел ко дну) – *сыттыын сүттэ (мэлийдэ)* (букв. он пропал (исчез) вместе с запахом) с общим значением ‘как сквозь землю провалиться, исчезать, как в воду кануть’; *илиитин (ытыһын) сотунна* (букв. он вытер свою руку (ладонь)) – *хаары ытыста* (букв. он набрал снег горстью) – *ыт атабын (буутун) тутта* (букв. он схватил заднюю ногу собаки) – *ыт уос буолла* (букв. стал собачей губой) с общим значением ‘остаться ни с чем’. Некоторые синонимические ряды включают в себя пять и более синонимов: *кумаардаан да көрбөт* (букв. он даже не отгоняет комаров) – *кумаар да сиэбитигэр (ытырбытыгар) холообот* (букв. [он это] не уподобляет даже укусу комара) – *тарбанан да көрбөт* (букв. даже и не чешется) – *этин да тартарбат* (букв. даже тело его не дергается) – *минин (ингин) да тартарбат* (букв. даже щека его не дергается) с общим значением ‘совершенно не беспокоиться, не обращать внимания на кого-что-л.’. Членом этого синонимического ряда может быть и фразеологизм *ибир да гыммат* в своем втором значении ‘совершенно не обращать внимания на что-л.; не проявлять беспокойства о чем-л.’. С первым значением ‘не показывать (не подавать) даже вида’ этот фразеологизм может войти в другой синонимический ряд.

А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский указывают, что «те концептуальные области, которые наиболее важны для жизни человека или по тем или иным причинам привлекают его внимание,

обнаруживают большое количество синонимов» [Баранов, 2014: 106]. Таковы, например, в якутском языке сферы смерти, эмоции человека. Самым обширным является синонимический ряд ФЕ, обозначающих понятие смерти. Данный синонимический ряд насчитывает около 40 единиц.

Перейдем к вопросу о выделении доминанты в СР. Значение большинства членов синонимического ряда осложнено добавочными стилистическими, эмоциональными оттенками, нюансами, поэтому большую трудность представляет выделение доминанты синонимического ряда. Имеются СР, состоящие из равнозначных синонимов, где полностью совпадают их сигнификативно-денотативный и коннотативный компоненты значения, как, например, в ФЕ *баттаҕа манхайыар диэри* 'до седых волос (необразумиться)' – *бытыгын быһа үктүөр диэри* 'до глубокой старости'. В синонимических рядах такого рода сложно выделить доминанту.

По мнению Г.И. Волкотруб, «среди членов фразеологического синонимического ряда трудно или невозможно выделить доминанту, наиболее полно передающую значение ряда и наименее маркированную в смысловом и коннотативно-стилистическом плане. При неадекватности смыслового содержания всех членов синонимического ряда, как правило, ни один из них не может быть квалифицирован как семантически наиболее простой, т.е. выступать основой для идентификации остальных единиц» [Волкотруб, 1991: 6].

В «Словаре фразеологических синонимов русского языка», составленном В.П. Жуковым, М.И. Сидоренко, В.Т. Шкляровым, материал словаря систематизирован по «доминантному» фразеологизму. Ориентация на чисто фразеологическую семантику затрудняет поиск нужной информации по какому-либо фразеологизму. Один из составителей данного словаря В.Т. Шкляров в роли доминанты предлагает использовать отдельные слова и свободные словосочетания, которые называет заглавными, например, обманывать: зубы заговаривать – втирать очки – водить за нос [Шкляров, 1961: 229–230]. «Словарь фразеологических синонимов русского языка» А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степановой ориентирован на лексическую, а не на фразеологическую смысловую доминан-

ту. «С теоретической точки зрения такой подход оправдывается фактом соизмеримости фразеологизма со словом (что отмечено Шарлем Балли), с практической интуитивной привязкой фразеологических синонимов к понятиям, выраженным именно лексемами, в процессе поиска того или иного фразеологического синонима» [СФСРЯ, 1997: 5]. А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский в роли доминанты видят такой член синонимического ряда, который имеет наиболее широкое лексическое значение и стилистически наиболее нейтрален. Для фразеологизмов доминантой чаще оказывается одиночное слово. Они также допускают редкие случаи, когда доминанта синонимического ряда может быть представлена фразеологизмом. Например, для ряда *рухнуть с дуба, съехать с катушек, башню сорвало (у кого-л.), винтиков не хватает, не дружить с головой, больной на всю голову, повредиться в уме* в качестве доминанты приводят фразеологизм *сойти с ума* [Баранов, 2014: 107]. М.В. Волнакова рассматривает особенности формирования фразеологических синонимических рядов с лексическим идентификатором в качестве доминанты ряда [Волнакова, 2011: 11–18]. Таким образом, превалирует точка зрения, согласно которой доминантой в синонимическом ряду может выступать слово.

В Словарях синонимов русского языка [Клюева, 1961; Евгеньева, 1971; Александрова, 1986; Абрамов, 1994] наблюдается неупорядоченность и стихийность в расположении фразеологизмов в синонимическом ряду. Приятное исключение составляет СФСРЯ, где авторы стремились дифференцировать синонимические ряды путем их внутренней группировки. Так, в синонимическом ряду, кроме семантической доминанты, внутри подгрупп фразеологизмов предлагается и более детализированная градация – стилистическая. Она дается с помощью помет, привязывающих тот или иной фразеологизм к сфере употребления, степени его актуальности в современном русском языке и экспрессивно-эмоциональной тональности [СФСРЯ, 1997: 10].

Рассмотрим дифференциацию фразеологизмов внутри синонимического ряда в якутском языке. При выделении доминанты СР и дифференциации их членов мы будем придерживаться теоретических положений вышеуказанных

лингвистов и в качестве доминанты синонимического ряда выделяем слово, наиболее широкое по семантическому объему, с наиболее общим значением и стилистически нейтральное. Наш материал показал, что в некоторых случаях в роли доминанты может выступать сочетание слов. Внутри синонимического ряда анализируемые единицы квалифицируются семантически и стилистически и делятся на подгруппы. Деление на подгруппы внутри СР производится по дифференциальному признаку и по этому признаку подгруппы противопоставляются друг другу.

СР с доминантой 'опытный человек' представлен тремя подгруппами. Первая подгруппа с общим значением 'побывавший в различных переделках, много испытавший человек' состоит из трех единиц: *урунгу-харангы көрбүт киһи* разг. 'человек, прошедший <сквозь> огонь и воду <и медные трубы>' и *энгин-энгини көрбүт киһи* разг. 'видевший всякое, насмотревшийся всего человек' – *оччону көрөн (көрсөн) баччаба кэлбит* 'бывалый, много повидавший, испытавший, выдавший виды'. В функционально-стилистическом плане первые два члена СР употребляются в разговорной речи, третий член не маркирован и является межстилевым.

К этой подгруппе близок по семантике фразеологизм *мунхатын хараба кэнээбит киһи* 'выдавший виды человек'. В структуре значения этого фразеологизма присутствует еще оттенок 'не обращающий внимания на мелочи'.

Вторая подгруппа СР с дифференциальной семьей 'много испытавший, много переживший человек' состоит из трех синонимов: *мунна-уоһа кэрдиллибит киһи* 'претерпевший жизненные невзгоды; бывалый' – *мунна тыллыбыт киһи* 'прошедший огонь и воду человек; выдавший виды и испытавший много горя человек' (букв. человек с поротыми ноздрями) – *эрэи энгэринэн тэлбит киһи* 'человек, прошедший сквозь огонь и воду и медные трубы'. Члены этой подгруппы совпадают семантически и стилистически.

Третья подгруппа СР с дифференциальной семьей 'многоопытный человек, которого трудно обмануть, провести' представлена двумя членами: *кырдыаһас бөрө* 'выдавший виды, бывалый; тертый калач' (букв. старый волк) и *эриллибит эристиин* 'тертый калач'.

Все члены СР дают оценочную характеристику человеку. Эти подгруппы синонимических рядов семантически сближены, соотносительны друг с другом.

Рассмотрим синонимический ряд с доминантой 'глупец, дурак': первая подгруппа представлена равнозначными синонимами: *мас акаары* 'набитый дурак; глуп как пробка' – *маска баппат балай акаары* с дифференциальной семьей 'очень глупый, бестолковый человек'; вторая подгруппа: *аар акаары* 'круглый дурак' – *аар далай ааргы* 'тупица, болван' с дифференциальной семьей 'совершенно, безнадежно глупый, тупой человек'; третья подгруппа с дифференциальной семьей 'слабоумный человек' включает синонимы: *хон мэйи* – ирон. пустая голова (хон – звукоподраж. слово) – *хонхо бас* (букв. пустая голова).

Отметим, что ФЕ *хон мэйи* имеет дополнительную коннотацию *ироничность*; четвертая подгруппа с семьей 'тупой, непонятливый человек' представлена синонимами: *улар мэйи* 'бестолковый, непонятливый, безмозглый; дурак', *куба олоорон диал.* 'тупой, непонятливый, тупица'. Второй фразеологизм характеризуется стилистической окраской, употребляется в диалектной речи.

Пятая подгруппа с семьей 'крайне глупый человек, идиот' состоит из равнозначных единиц: *илини-арбааны билбэт (быһаарбат)* – набитый дурак; балбес (букв. восток-запад не знает) и *иннин-кэннин билбэт* – болван, недоумок, невежда (букв. не знающий передней и задней стороны). Они стилистически совпадают, являются межстилевыми единицами.

Далее следуют одинарные фразеологизмы. Значение 'полоумный, сумасшедший' передается ФЕ *өй аһаардаах*; о недостаточно сообразительном человеке говорят: *убаһас мэйиһлээх* разг. 'неумный, глуповатый' (букв. с жидким мозгом); плохо, медленно соображающем человеке – *көмүрүө мэйи* 'тупица' (букв. мозг (головной) из ноздреватых костей). Все ФС этого синонимического ряда дают оценочную характеристику лицу.

Фразеологизмы, входящие в синонимический ряд с доминантой – словом 'запоминать что-л.', мы разделили на три подгруппы. Так, первая подгруппа с общим значением 'принимать в соображение, запоминать с какой-л. це-

лью' состоит из одноструктурных фразеологических синонимов: *өйгөр хатаа* 'крепко запомнить *что-л.*, запечатлеть в памяти; намотать на ус' (букв. запереть в памяти) и *мэйшигээр хатаа разг.* 'хорошенько запоминать *что-л.*; мотать себе на ус' (букв. запираю в своем мозгу). Вторым членом СР отличается по стилистической отнесенности, употребляется в разговорной речи.

Вторая подгруппа со значением 'помнить, не позволять себе забыть *что-л.*' представлена одноструктурными фразеологическими синонимами: *өйгөр тут* 'запомнить, держать в памяти' (букв. держать в уме) и *өйгөр ингинээр разг.* 'запоминать, запечатлеть в памяти' (букв. зацепить за ум). Вторым членом СР имеет сниженный оттенок, употребляется в разговорной речи.

Третья подгруппа со значением 'крепко запомнить, учесть на будущее и сделать для себя серьезные выводы' состоит из двух фразеологических синонимов: *өйгөр түнээр* 'крепко запомнить; уложить в голове' (букв. опускать в голове) и *долобойгор тохтот* 'слушать внимательно'; зарубить себе на носу (букв. остановить в голове). Оба фразеологизма являются межстилевыми, в словарях даются без помет, хотя, с нашей точки зрения, ФЕ *долобойгор тохтот* характеризуется несколько сниженной коннотацией.

Рассмотрим СР с интегральной семейной 'безделье'. Он состоит из двух подгрупп. Первую подгруппу с дифференциальной семейной 'предаваться безделью, абсолютно ничего не делать' составляют ФЕ: *быар куустан омор* – бить баклуши (букв. сидеть, обнимая себе печень) и *баскын кырбана омор* – разг. бездельничать, бить баклуши (букв. сидеть, колотя свою голову). В стилистическом плане вторым членом СР имеет помету разговорное. К этой подгруппе близка одинарная единица разговорного стиля: *түөскэр силли (силлэнэ) сымт* – плевать в потолок, бездельничать (букв. он лежит, поплевав себе на грудь) со значением 'совсем ничего не делать' с дополнительным оттенком 'освободившись от забот'.

Вторую подгруппу 'слоняться без дела, растрачивать время на *что-л.* заведомо бесполезное' представляют ФЕ разговорного стиля *тура дьаарбай* – лодыря гонять и *күн ыаһабын ыттар* – провести время в пустяковых занятиях, провести время в развлечениях. Вторым фразеологизмом стилистически немаркирован, нейтрален.

СР с доминантой 'бить, избить *кого-л.*' состоит из шести подгрупп. Первая подгруппа с общим значением 'подвергать *кого-л.* телесным наказаниям (порке, сечению, розгами и т.п.)' состоит из двух межстилевых и одной разговорной единиц: *изнин хастаа (тарт, саралаа)* – спустить шкуру с *кого-л.*, побить, выдрать; *ойоһоһун аах* – пересчитать ребра *кому-л.* и *көрүүтүн көр* – разг. намять бока *кому-л.*; нанести побои *кому-л.*, сильно избить *кого-л.*

Во вторую подгруппу с дифференциальной семейной 'наказывать *кого-л.* жестокими побоями, бить *кого-л.* с ожесточением' объединяются стилистически однородные фразеологизмы: *кулугур кулгаахтаа, тараах изиннээ* – жестоко, беспощадно обращаться с *кем-л.* (букв. его сделать с отвислыми ушами и полосатой спиной) и *тоһун биэр* – жестоко побить, поколотить *кого-л.*

Третья подгруппа с общим значением 'наносить удары по лицу *кому-л.*' включает равнозначные синонимы: *сирэийн ыл* 'набить морду *кому-л.*' (букв. лицо его взять) – *сирэийн эттээ* 'надавать по морде; избить *кого-л.*'

В синонимический ряд с общим значением 'подбить глаз *кому-л.*' объединяются фразеологизмы четвертой подгруппы: *харабын ыл* 'выбить глаз' (букв. глаз его взять) и *харабын бас* 'поставить синяк под глаз (букв. глаз его взять)'.

Пятая подгруппа 'начинать драться, наносить *кому-л.* удары' представлена равнозначными синонимами: *илигинэн киир* 'давать волю кулакам'; *илигинэн сууттаа (дьүүлээ)* 'давать волю кулакам'.

В синонимический ряд с дифференциальной семейной 'проучить, наказать *кого-л.*' объединяются фразеологизмы шестой подгруппы: *саарытын ас* 'давать горький урок *кому-л.*; наказывать *кого-л.*' (букв. вонзать толстую кожу); *оноруутун онор* проучить, наказать *кого-л.*; *оночолообун онор разг.* 'наказать за какие-л. провинности, проучить сурово *кого-л.*'. Четвертым членом этого ряда *сунньун көннөр* (букв. спинной мозг его выпрямить) обладает дополнительным оттенком, который в семантическом плане выделяет его от других 'проучить, наказать *кого-л.*, чтобы сделать его послушным'.

СР с доминантой 'испугаться' мы разделили на три подгруппы. Первая подгруппа 'кто-л. испытывает сильный страх' состоит из двух рав-

нозначных синонимов: *сүрэбэ айабар табыста* ‘душа ушла в пятки у кого-л.’ (букв. сердце его подскочило ко рту) и *кута куртабар түстэ* (букв. душа его ушла в желудок). Они стилистически однородны, нейтральны.

Во вторую подгруппу с интегральной семой ‘неприятные ощущения от сильного страха, ужаса’ объединяются микрогруппы с дифференциальными семами: а) ‘кто-л. дрожит от испуга’: *унуоба халыр босхо барда* ‘поджилки трясутся у кого-л.’ (букв. кости его затряслись) – *унуоба хамсаата* ‘испытывать страх, боязнь’; б) ‘ощущение озноба от сильного страха’: *этэ саласта* ‘мурашки побежали по спине’ – *этэ атыйар* ‘мороз по коже подирает у кого-л., мурашки бегают по спине’ – *этин сааһа аһыллар* ‘мороз по коже дерёт у кого-л., мурашки бегают по спине’; в) ‘чувство ужаса, сильного страха’: *куйахата күүрдэ* ‘волосы встали дыбом у кого-л.’ – *баттаба турда* ‘волосы становятся дыбом у кого-л.’ (букв. волосы его встали).

Третья подгруппа с общим значением ‘смертельно испугаться’ включает две единицы: *сүрэбэ хайдыбыт* ‘испугаться до смерти’; *өлө куттаммыт* ‘испытать смертельный страх, ужас’. В функционально-стилистическом плане члены микрогрупп и третьей подгруппы нейтральны.

IV. Обсуждение. Проблема четкой иерархизации фразеологического материала внутри одного синонимического ряда является одной из самых сложных и до сих пор не разрешенных ни в теории, ни в практике синонимии проблем.

При составлении фразеологического словаря синонимов якутского языка составителям следует избегать стихийности в отражении фразеологического материала и обратить внимание на иерархическую систему расположения фразеологизмов внутри словарной статьи. Основным ориентиром при такой дифференциации считаем фразеологическую семантику. Дифференциация синонимических рядов путем их внутренней систематизации должна производиться от более общего значения к более частному.

Далее внутри подгрупп фразеологизмов предлагается более детализированная стилистическая градация с указанием на сферу употребления фразеологизма, степени его актуальности в современном якутском языке и эмоционально-экспрессивной окраски.

V. Заключение. Итак, основным критерием объединения синонимических фразеологизмов считаем семантическую близость (или тождественность) двух или нескольких единиц. Синонимы, образующие синонимический ряд, принадлежат к одной и той же части речи. Что касается состава синонимического ряда, то он чаще всего состоит из двух членов. Некоторые синонимические ряды включают в себя три и более члена. Членами СР могут быть многочисленные фразеологизмы, которые, расщепляясь в своих значениях, могут входить в разные синонимические ряды.

В качестве доминанты фразеологического синонимического ряда выделяется слово (или словосочетание), обладающее двумя основными характеристиками: 1) общеупотребительность и 2) стилистическая нейтральность. Внутри синонимического ряда анализируемые единицы квалифицируются семантически и стилистически и делятся на подгруппы. Деление на подгруппы внутри СР производится по дифференциальному признаку и по этому признаку подгруппы противопоставляются друг другу.

Фразеологические синонимы внутри своей подгруппы являются равнозначными, по отношению к членам других подгрупп и к одиночным они выступают уже как идеографические синонимы. Таким образом, образуется довольно сложная сеть отношений, семантически совпадающих, близких, соотносительных.

Результаты исследования могут быть использованы в лексикографическом представлении фразеологизмов во фразеологических словарях специального типа.

Сокращения:

букв. – буквально; *диал.* – диалектное слово; *злорад.* – злорадство; *ирон.* – ироничное слово; *кем-л.* – кем-либо; *кэпс.* – кэпсэтиигэ – в разговорной речи; *кого-л.* – кого-либо; *кому-л.* – кому-либо; *разг.* – разговорное слово, выражение; СР – синонимический ряд; ФЕ – фразеологическая единица; *эвф.* – эвфемизм.

Список литературы:

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Основы фразеологии (краткий курс): учебное пособие. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2014. 312 с.

Волкотруб Г. И. Фразеологические антонимико-синонимические парадигмы современного русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1991. 20 с.

Волнакова М.В. Особенности формирования синонимических рядов в рамках лексико-фразеологического поля // Вестник РУДН. Серия «Лингвистика». М.: Изд-во РУДН, 2011. №1. С. 11–18.

Готовцева Л.М. Некоторые вопросы фразеологической синонимии якутского языка // Вестник СВФУ. 2014. Т.11. № 3. С. 96–102.

Готовцева Л.М. Природа синонимии фразеологических единиц якутского языка // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2020. № 2 (31). С.101–110.

Гусева Н.А. Особенности формирования синонимических рядов в рамках лексико-фразеологического поля в рамках лексико-фразеологического поля «Трудовая деятельность человека» (на материале английского, немецкого и русского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (30): в 2-х ч. Ч. I. С. 74–77.

Каксин А.Д. О критериях выделения синонимического ряда и его доминанты в хакасском языке // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 6 (61). С. 356–358.

Шкляров В.Т. Фразеологические синонимы в современном русском языке // Краткие сообщения о научно-исследовательской работе за 1959. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1961. С.167–169.

Словари:

БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка [Под общ. ред. П.А. Слепцова]. В 15 т. Новосибирск: Наука, 2004–2018.

Краткий словарь синонимов русского языка [Сост. В.Н. Ключева]. М.: Учпедгиз, 1961. 344 с.

Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений [Сост. Н. Абрамов]. М.: Русские словари. 1994. 672 с.

Словарь синонимов русского языка [Под ред. З.Е. Александровой]. М.: Русский язык, 1986. 600 с.

Словарь синонимов русского языка [Под ред. А.П. Евгеньевой]. Л.: Наука, 1971. 680 с.

СФСРЯ – Словарь фразеологических синонимов русского языка [Под ред. В.П. Жукова]. М.: Русский язык, 1987. 448 с.

СФСРЯ – Словарь фразеологических синонимов русского языка [Под ред. В.М. Мокиенко]. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 352 с.

ЯРФС – Якутско-русский фразеологический словарь [Сост. А.Г. Нелун]. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2002. Т I. 286 с., Т II. 420 с.

References

Baranov A. N., Dobrovol'skij D.O. *Osnovy frazeologii (kratkij kurs): uchebnoe posobie* [Fundamentals of phraseology (short course): study guide]. 2nd Edition. Moscow: Flinta Publ., 2014. 312 p. (In Russian)

Bol'shoj tolkovyj slovar' jakutskogo jazyka. Pod obshchej redakciei P.A. Slepцова [Big explanatory dictionary of the Yakut language. Under the general editorship of P.A. Sleptsova]. Novosibirsk: Science Publ., 2004 - 2018. In 15 volumes. (In Russian)

Gotovceva L.M. Nekotorye voprosy frazeologicheskoi sinonimii jakutskogo jazyka [Some questions of phraseological synonymy of the Yakut language]. *Vestnik SVFU* [Bulletin of the North-Eastern Federal University]. 2014. Volume 11. № 3. Pp. 96 – 102. (In Russian)

Gotovceva L.M. Priroda sinonimii frazeologicheskikh edinic jakutskogo jazyka [The nature of the synonymy of phraseological units of the Yakut language]. *Severo-Vostochnyj gumanitarnyj Vestnik* [North-Eastern Journal of Humanities]. 2020. № 2 (31). Pp.101 – 110. (In Russian)

Guseva N.A. Osobennosti formirovaniya sinonimicheskikh rjadov v ramkah leksiko-frazeologicheskogo polja v ramkah leksiko-frazeologicheskogo polja “Trudovaja dejatel'nost' cheloveka” (na materiale anglijskogo, nemeckogo i russkogo jazykov) [Features of the formation of synonymic rows within the framework of the lexical-phraseological field “Human labor activity” (based on the material of English, German and Russian languages)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and Practice]. Tambov: “Gramota” Publ., 2013. № 12 (30): in 2 parts. Part I. Pp. 74 – 77. (In Russian)

Jakutsko-russkij frazeologicheskij slovar'. Sostavitel A.G. Nelunov [Yakut-Russian Phraseological Dictionary [Compiler A.G. Nelunov]. Novosibirsk: Publ. of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2002. Volume I. 286 p., Volume II. 420 p. (In Russian)

Kaksin A.D. O kriterijah vydelenija sinonimicheskogo rjada i ego dominanty v hakasskom jazyke [On the criteria for identifying a synonymic row and its dominant in the Khakass language]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija* [The World of Science, Culture, Education]. 2016. № 6 (61). Pp. 356 – 358. (In Russian)

Kratkij slova' sinonimov russkogo jazyka. Sostavitel V.N. Kljueva [Brief dictionary of synonyms of the Russian language. Compiled by V.N. Klyueva]. Moscow: State Educational Pedagogical Publ. Education and Science, 1961. 344 p. (In Russian)

Shkljarov V.T. Frazеologicheskie sinonimy v sovremennom russkom jazyke [Phraseological synonyms in modern Russian]. Kratkie soobshhenija o nauchno-issledovatel'skoj rabote za 1959 [Brief reports on research work for 1959]. Irkutsk: Publ. by Irkutsk State University, 1961. Pp.167 – 169. (In Russian)

Slovar' frazeologicheskikh sinonimov russkogo jazyka. Pod redakciei V.M. Mokienko [Dictionary of phraseological synonyms of the Russian language. Edited by V.M. Mokienko]. Rostov na Donu: "Feniks" Publ., 1997. 352 p. (In Russian)

Slovar' frazeologicheskikh sinonimov russkogo jazyka. Pod redakciei V.P.Zhukova [Dictionary of phraseological synonyms of the Russian language. Edited by V.P.Zhukov]. Moscow: "Russian Language" Publ., 1987. 448 p. (In Russian)

Slovar' russkikh sinonimov i shodnyh po smyslu vyrazhenij. Sostavitel N. Abramov [Dictionary of Russian synonyms and expressions similar in meaning. Compiled by N. Abramov]. Moscow: "Russian Dictionaries" Publ., 1994. 672 p. (In Russian)

Slovar' sinonimov russkogo jazyka. Pod redakciei A.P. Evgen'evoj [Dictionary of synonyms of the Russian language. Edited by A.P. Evgenieva]. Leningrad: Science Publ., 1971. 680 p. (In Russian)

Slovar' sinonimov russkogo jazyka. Pod redakciei Z.E. Aleksandrovoj [Dictionary of synonyms of the Russian language. Edited by Z.E. Aleksandrovoj]. Moscow: "Russian Language" Publ., 1986. 600 p. (In Russian)

Volkotrub G.I. *Frazeologicheskie antonimiko-sinonimicheskie paradigmy sovremennogo russkogo jazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk* [Phraseological antonymic-synonymous paradigms of the modern Russian language]. Kiev, 1991. 20 p. (In Russian)

Volnakova M.V. Osobennosti formirovaniya sinonimicheskikh rjadov v ramkah leksiko-frazeologicheskogo polja [Features of the formation of synonymic series within the framework of the lexical and phraseological field]. *Vestnik RUDN. Serija "Lingvistika"* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series "Linguistics"]. Moscow: Publ. by Peoples' Friendship University of Russia, 2011. №1. Pp. 11 – 18. (In Russian)

L.M. Gotovtseva

Structural Features of Synonymous Rows of the Yakut Phraseological Units

Scientific novelty. The most striking manifestation of consistency in the phraseological composition of the language can be considered the formation of successive synonymous rows. The article discusses the features of the construction of phraseological synonymous rows of the Yakut language with a focus on lexical and not on phraseological semantic dominant, which has not yet been the object of a special study. *The aim* of this article is to identify the features of the construction of a phraseological synonymous series in the Yakut language. *The tasks* of the study include: selection of phraseological synonyms from lexicographic and phraseographic sources; determination of the composition of the phraseological synonymic series; consideration of the criteria for identifying a phraseological synonymous series and its dominant, differentiation of phraseological material within a synonymous series. *Research methods:* when differentiating the meanings of phraseological synonyms, synonymous phraseological units within the synonymic series, component analysis, the method of oppositions, valency analysis were used, systematic techniques, quantitative calculation with interpretation of the data obtained were also used. *Results.* It was revealed that the synonymic rows include phraseological units that coincide in lexical, grammatical and categorical terms. The boundaries of the synonymic series are always open and mobile. The synonymic rows of phraseological units mainly consist of two members. A large number of synonymic series includes three synonyms. The dominant of a synonymic series is a word or a combination of words that has the widest semantic volume, the most general meaning, and is stylistically neutral. Within the synonymic series the analyzed units are qualified semantically, stylistically and they are divided into subgroups. The division into subgroups within the synonymic series is carried out according to a differential feature and on this basis the subgroups are opposed to each other. The identified phraseological synonymous series reflect complex systemic relationships between phraseological units.

Keywords: Yakut language, phraseological synonym, phraseological synonymic series, dominant, differentiation.

Сравнительный анализ семантической структуры и словообразовательных гнезд якутских полисемантов *төбө* и *бас* ‘голова’

Научная новизна. В статье в русле современного семантического исследовательского направления предпринята попытка анализа семантической структуры полисемантов *төбө* и *бас* ‘голова’, а также описания деривационного потенциала каждого производного значения в рамках конкретных словообразовательных гнезд *төбө* и *бас*.

Цель статьи – дать сравнительное описание семантической иерархии и показать словообразовательный потенциал многозначных соматизмов *төбө* и *бас*.

Методы исследования. При проведении исследования применялись описательно-аналитический метод, элементы метода систематизации и классификации, словарных дефиниций и сравнительно-сопоставительного метода.

Результаты. Анализ производных значений данных лексем показывает, что развитие семантической иерархии каждой из них происходит по-разному, и лишь половина их производных значений совпадает. В этих значениях, как это и должно быть, проявляется семантическая близость сравниваемых синонимов. В тех же значениях, которые развились у каждой лексемы самостоятельно, возможно, лежат более глубокие, скрытые семантические сдвиги в значениях этих слов. В статье на основе данных «Большого толкового словаря якутского языка» построены и словообразовательные гнезда с вершинами *төбө* и *бас*. Сравнение их словообразовательных возможностей показывает, что они также значительно различаются: дериваты, образованные от *бас*, намного богаче, шире – и в семантическом разнообразии, и в частеречной принадлежности, и в многообразии аффиксального словообразования.

Ключевые слова: полисемия, семантическая структура, лексические синонимы, абсолютные синонимы, производное значение, словообразовательное гнездо, вершинное слово, дериваты

I. Введение. Цель данной работы – дать сравнительное описание семантической иерархии и показать словообразовательный потенциал многозначных соматизмов *төбө* и *бас*. Для этого проведен сравнительный анализ семантических структур этих единиц с тем, чтобы выявить тенденции развития в их значениях общих (универсальных) или отличных (индивидуальных) линий. Также, по данным семантической организации, анализируется деривационный потенциал каждого установленного значения лексем в рамках их словообразовательных гнезд.

Интерес к смысловой структуре языковых единиц, к различным семантическим проблемам, в том числе и к проблемам лексической синонимии на современном этапе развития лингвистики не только сохраняется, но и возрастает.

В последние десятилетия признание получают новые подходы к исследованию семантики, в которых акцент делается на изучение языковых единиц. В русле такого подхода написана данная статья, где объектом исследования является лексикографическое представление семантической иерархии синонимической парадигмы *төбө/бас* ‘голова’ в якутском языке. В якутском языкознании изучение отношений семантики и деривации в словообразовательных гнездах только начато [Копырина, Васильева, 2015: 97–100]. Положение о том, что семантика вершинного слова имеет определяющее влияние на формирование семантических отношений слов в структуре гнезда [Тихонов, 1978: 8] и что вершинное слово как производящая основа всего гнезда является источником мотивации произ-

водных слов [Бутакова, 2010: 87], подвигло нас к проведению сравнительного анализа *төбө* и *бас* в позиции вершин их словообразовательных гнезд с целью найти линии их семантических соприкосновений или расхождений.

Предлагаемый в статье деривационный анализ полисемантов позволяет не только проследить многоплановые отношения внутри их гнезд (полисемия исходного слова – полисемия его производных) [Трифорова, 2016: 173–177], но и провести сравнительную схему синонимичных слов с установлением линий их семантических соприкосновений и расхождений.

В якутском языкознании лексические синонимы как языковое явление стали привлекать внимание лингвистов еще с середины прошлого столетия. Первые описания синонимов были сделаны в пределах школьной и вузовской программ в учебных пособиях и ограничивались общими сведениями о понятии синонима, классификацией по типам и беглым рассмотрением отдельных проблем синонимии [Харитонов, 1947: 38–40; Антонов, 1967: 33–40; Афанасьев, 1977: 29–39]. Появились небольшие по объему школьные словари синонимов справочного типа, составленные учителями-методистами [Аллахский, 1957; Аллахский, Луковцев, 1982]. В 1996 году была опубликована монография [Васильева, 1996], где лексические синонимы получили системное описание: на основе их семантических, стилистических и дистрибутивных признаков дается общая лексико-семантическая характеристика, синонимы исследуются в отношении их происхождения, описываются их особенности в пределах лексико-грамматических категорий, дается классификация по типам.

Кроме указанных работ, есть ряд публикаций, в которых рассматривается синонимия тех или иных единиц языка. Проблема синонимии фразеологических единиц затрагивается в монографии А.Г. Нелунова [Нелунов, 1981: 64–68]; фразеологическим синонимам посвящены статьи Л.М. Готовцевой [Готовцева, 2014: 96–102; 2020: 101–110]. Синонимике падежных конструкций посвящена диссертация И.П. Винокурова [Винокуров, 1971].

II. Материалы и методы. Материалом исследования послужили общетюркские имена *төбө* и *бас*, их семантическая структура, состав-

ленная на основе словарных статей «Большого толкового словаря якутского языка» [ТСЯЯ, 2005; БТСЯЯ, 2013], а также производные от их значений дериваты – члены словообразовательных гнезд с вершиной *төбө* и *бас*. При исследовании использован описательно-аналитический метод, метод систематизации и классификации, метод словарных дефиниций, сравнительно-сопоставительный метод.

III. Результаты. Лексемы *төбө* и *бас* зафиксированы в «Большом толковом словаре якутского языка» как полисеманты, насчитывающие восемь и семь значений соответственно. Первое и основное номинативное значение обоих лексем определяется как основная часть тела человека (или животного), в которой содержится мозг и некоторые органы чувств: «голова (*человека или животного*)» [ТСЯЯ, 2005: 229; БТСЯЯ, 2013: 516]. Смысловое содержание первичных значений этих лексем полностью совпадает, что видно по данным в словаре определениям: значение *төбө* определяется через значение слова *бас*, а значение *бас* – через значение слова *төбө*, т. е. они взаимозаменяемы при определении их значений, что является основным критерием их синонимичности [Васильева, 1996: 12]. Причем в семантическом плане они полностью идентичны, незначительные различия выявляются лишь в стилистической окрашенности: лексема *бас* в настоящее время уже имеет некоторый «налет» устаревания. Лексема *төбө* употребляется без стилистических ограничений, следовательно, именно она является доминантной в паре *төбө* / *бас*. Таким образом, в своих основных значениях данные существительные воспринимаются почти как абсолютные синонимы в лексико-семантической системе якутского языка, соответственно, так же они функционируют и в речи. Даже во многих фразеологических оборотах *төбө* и *бас* могут быть взаимозаменяемыми без какого-либо нарушения их устойчивого единства и значения, например: *баскар (төбөбөр) ытыар* ‘своей мягкотелостью, попустительством дать повод кому-л. сесть себе на голову’; *баскын (төбөбүн) өндөт* ‘поднимать голову, начинать действовать, активно проявлять себя’; *баскын (төбөбүн) сыс (сыстар)* ‘ломать голову над чем-л.’; *баскын (төбөбүн) холбоон* ‘в согласии, вместе, дружно (делать что-л.)’ [ТСЯЯ, 2005: 231–232; БТСЯЯ,

2013: 517]; *төбө* (*бас*) *абыраба* ‘вино, оставленное для похмелья’ [ТСЯЯ, 2005: 241; БТСЯЯ, 2013: 517] и т. д.

Лексема *бас* является общетюркской, во всех тюркских языках имеет основное значение «голова» [СИГТЯ, 2001: 194]. *Төбө* также является исконно тюркским, в различных тюркских языках значение варьируется в пределах разных частей головы: «затылок, темя, висок, голова» [Там же: 201].

Семантические структуры лексем *төбө* и *бас* в «Большом толковом словаре якутского языка» представлены следующим образом¹:

ТӨБӨ 1. Голова (*человека или животного*); 2. Зауженный, заостренный конец верхушки *чего-л.*; 3. Верхняя часть растения (*напр., злаков хлеба, цветов*) с колосьями, цветками, семенами, головка; 4. Изголовье; 5. Единица счета скота, голова; 6. *перен.* Название, заголовок *какого-л.* текста (*статьи*), глава (*книги*); 7. *перен.* Верховье (*реки*); 8. *перен.* Ум, сознание человека [БТСЯЯ, 2013: 516–517].

БАС II 1. Голова (*человека или животного*); 2. Верхняя или передняя часть *чего-л.*; 3. Утолщенная, расширенная часть или конец *чего-л.* //

Передняя часть (*носок*) обуви; 4. Удаленная часть или конец *чего-л.* 5. *перен.* Место, где *что-л.* берет начало (*напр. река, ручей*); верховье, исток, устье реки; 6. *перен.* Руководитель, глава *чего-л.* 7. *перен.* Раздел книги, произведения, глава [ТСЯЯ, 2005: 229–230].

Сравнивая семантические структуры синонимов *төбө* и *бас*, находим некоторые несоответствия в их производных значениях (табл. 1).

Разбор семантической иерархии лексем *төбө* и *бас* показывает, что образование всех производных значений не является случайным, напротив, они тем или иным образом связаны с основным значением, т.е. их появление обосновано, они все взаимосвязаны по смыслу. Так, образование таких значений, как «верхняя (или передняя) часть, верхушка» – *тиит төбөтө / баһа* ‘верхушка лиственницы’; «верхняя часть, соцветие растения» – *бурдук төбөтө* ‘колосья хлеба’; «верховье, исток реки» – *үрүйэ төбөтө / баһа* ‘исток ручейка’; «изголовье» – *орон төбөтө / баһа* ‘изголовье кровати’ можно связать с верхним положением головы на теле человека. С формой головы связано значение «утолщенная, расширенная часть *чего-л.*» –

Таблица 1

Семантическая структура лексем *төбө* и *бас*

Значение ²	Төбө	Бас
1. голова	+	+
2. верхняя (или передняя) часть, верхушка	+	+
3. верхняя часть, соцветие растения	+	–
4. изголовье	+	– (+)
5. единица счёта скота	+	–
6. глава (<i>книги, статьи</i>)	+	+
7. верховье, исток реки	+	+
8. ум	+	–
9. утолщенная, расширенная часть <i>чего-л.</i>	– (+)	+
10. удаленная часть, конец <i>чего-л.</i>	–	+
11. руководитель, глава	–	+

¹Приводим словарные статьи в сокращенном виде.

²В первом столбце даются все значения обоих сравниваемых слов: вначале размещены значения *төбө* (по БТСЯЯ), а затем те значения *бас*, которые отсутствуют в семантической структуре *төбө*. Во втором и третьем столбцах плюсами в скобках (+) отмечены те значения, которые не чужды второму синониму.

хаатынка *баһа* / *төбөтө* 'носок валенка'. А то, что голова является частью тела, в которой находятся мозг и органы чувств, отвечающие за интеллектуальную жизнь человека, предопределяет появление значения «ум, мыслительная способность» – *төбөлөөх да уол* 'ну и умный же парень', *төбөбөр араас санаалар элэннэстилэр* 'в голове промелькнули разные мысли' (в лексеме *бас* это значение отсутствует). По аналогии с тем, что голова является главной, неотъемлемой частью человеческого тела, образовано значение «руководитель, глава» – *Уйбаан Уйбаанабыс – нэһилиэк баһа* 'Иван Иванович – глава наслега', а вслед за этим – значение «глава (книги, статьи)» – *айымны үс бастаах / төбөлөөх* 'произведение имеет три главы'. Ну а производное значение «единица счета скота» говорит о том, что испокон веков количественный счет животных всегда велся по головам (одна голова – одна особь), а не по каким-либо другим частям тела, например, по хвосту, ногам, копытам и т. д. Немного не вписывается в смысловой стержень семантики *бас* производное значение «удаленная часть, конец чего-л.». Этому можно дать следующее объяснение: есть объекты, которые где-то начинаются и кончаются («палка о двух концах»), при этом не имеет значения, где у них начало, а где конец, важно только то, что концы есть. Например: *күөл икки баһа* 'два конца озера', *алаас илин баһыттан* 'с восточного конца аласа'.

Все перечисленные производные от *төбө* и *бас* связаны между собой смысловым единством, которое определяется их основным значением «голова». Такие значения, как «верхняя часть, верхушка», «верховье, исток реки», «ум, мыслительная способность», «глава (книги, статьи)» тесно связаны с основным значением и очень часто встречаются во многих славянских, германских языках [Аркадьев, 2002: 67]. А развитие таких значений, как «единица счета скота», «верхняя часть, верхушка», «руководитель, глава», «верховье, исток реки» представлены практически во всех группах тюркских языков [СИГТЯ, 2001: 194]. Все эти значения, лексикографически развившиеся во многих языках, позволяют нам склониться к мнению об их универсальности «...и с высокой долей вероятности предполагать, что хотя бы некоторые из

них будут совмещаться со значением 'голова' в каждом языке» [Аркадьев, 2002: 68].

Что касается несовпадений в семантическом развитии производных значений от основ синонимичных слов *төбө* и *бас*, то они не так уж кардинально расходятся. Четыре значения этих лексем идентичны, в двух случаях значения четко не выражены, но их присутствие подразумевается: по данным БТСЯЯ, значение «изголовье» отдельно не выделено в семантической структуре системы *бас*, хотя вполне можно допустить сочетание *орон баһа* 'изголовье кровати'. Также имплицитно значение «утолщенная, расширенная часть» в сочетании *хаатынка төбөтө*, хотя оно отдельно не выделяется в семантической иерархии лексемы *төбө*. Но есть в обоих словах и такие значения, когда сравниваемые лексемы никак не соотносятся. Это такие значения, как «верхняя часть, соцветие растения», «единица счета скота» и «ум, мыслительная способность» лексемы *төбө* и «удаленная часть или конец», «руководитель, глава» лексемы *бас*, которые сформировались только под соответствующими единицами и ни в коем случае не заменяют друг друга в надлежащих контекстах. Эта та часть лексико-семантической структуры каждой из лексем, где значения развиваются самостоятельно, хотя для обеих основным, исходным значением является «голова». По тем или иным причинам основой появления нового производного значения может быть какой-либо признак предмета, отдельно сегментирующийся от всей семантической общности. В результате даже у таких абсолютных синонимов формируются расхожие, не соприкасающиеся значения. Такие отличные друг от друга семантические линии этих лексем, несомненно, обеспечивают их прочное закрепление и полноценное функционирование в якутском литературном языке.

Далее приведем сравнительную характеристику деривационного потенциала лексических единиц *төбө* и *бас*. Для этого определим словообразовательные гнезда (далее СГ), где вершиной, т. е. исходным словом выступают полисеманты *төбө* и *бас*. Дериваты, входящие в эти СГ, являются однокоренными с исходными словами, а значит имеют и «смысловую общность» как с вершиной гнезда, так и между собой (см. об этом: [Новичкова, 2005: 15]. Действительно,

Таблица 2

Словообразовательное гнездо с вершиной төбө

	I ступень	II ступень
Төбө (1, 2, 3, 6)	Төбөлөө (гл.)	Төбөлөн (гл.), төбөлөс (гл.), төбөлөтөлөө (ф.гл.)
Төбө (8)	Төбөлөөх (прил.)	
Төбө (?)	Төбөт (сущ.)	Төбөтүр (гл.)
Төбө (1)	Төбөчөөн (сущ.)	

формирование СГ, его строение, смысловые отношения однокренных слов-derivатов прямо пропорционально соотносятся со всеми значениями вершинного слова, поэтому сравнительный анализ синонимичных в основном значении слов *төбө* и *бас* в позиции вершин СГ представляет определенный интерес (см. табл. 2, 3¹).

Как видно из таблиц, словообразовательные структуры гнезд сравниваемых единиц заметно различаются. Так, СГ с вершиной *төбө* имеет двухступенчатую структуру, в каждой по четыре деривата. На первой ступени образованы:

Гл. ТӨБӨЛӨӨ со значениями 1. Наделять какой-л. головой кого-л., приделывать к чему-л.

Таблица 3

Словообразовательное гнездо с вершиной бас

	I ступень	II ступень	III ступень	IV ступень
Бас (1,2,5,6)	Бастаа I (гл.) Бастаа II (гл.)	Бастан (гл.) Бастаан (нареч.) Бастааһын (сущ.) Бастыы (последлог) Бастакы (числ., прил.)	Бастатан (мод.) Бастаанны (прил.)	Бастаангыттан (нареч.) Бастакытынан (мод.)
Бас (1)	Бастаах (сущ.)	Баһа суохтар (сущ.)		
Бас (2)	Бастын (прил.)	Бастыннык (нареч.)		
Бас (1)	Бастына (сущ.)	Бастынгалы (нареч.)		
Бас (1)	Баһыгар (последлог)			
Бас (6)	Баһый (гл.)	Баһыйтар (побуд.за-лог)	Баһыйтарыы (имя действ.)	
Бас (2)	Баһык (сущ.)			
Бас (6)	Баһылаа (гл.)	Баһылааһын (имя действ.) Баһылааччы (сущ.) Баһылан (страдат.за-лог) Баһылат (побуд.за-лог)		
Бас (6)	Баһылык (сущ.)	Баһылыктаа (гл.)	Баһылыктааһын (сущ.)	

¹В первом столбце приводится исходное слово с указанием в скобках тех значений, которые задействованы в образовании дериватов, размещенных по четырем ступеням словообразования.

голову; 2. Заострять конец *чего-л.*; 3. *перен.* Оглавить, назвать (*напр., текст*); 4. *перен.* Направлять *что-л. куда-л.*, положить *кого-л.* головой в *каком-л.* направлении; 5. *перен.* Ощипывать верхние побеги растения.

Прил. ТӨБӨЛӨӨХ 1. Умный, головастый; 2. Знатный, состоятельный.

Сущ. ТӨБӨТ 1. Шалун, озорник, проказник, сорванец; 2. *неодобр.* Хулиган, хулиганье.

Уменьш.-ласкат. сущ. ТӨБӨЧӨӨН.

Вторая ступень состоит из глагольных дериватов:

ТӨБӨЛӨН 1. Образовать бутоны, давать верхушечные плоды; 2. *перен.* Быть обращенным головой в *какую-л.* сторону.

ТӨБӨЛӨС лежать голова к голове, упираться макушками.

ТӨБӨТҮР шалить, резвиться (*о ребенке*).

ТӨБӨЛӨТӨЛӨӨ множ.-многокр. вид.

Намного богаче и разнообразнее деривативными образованиями СГ с вершиной *бас*: всего 34 деривата, расположенных на четырех ступенях словообразования. При этом на двух первых их значительно больше и они в основном относятся к знаменательным частям речи. На первой ступени образуются:

Гл. БАСТАА I 1. Идти впереди *кого-чего-л.*, на *каком-л.* расстоянии перед *кем-чем-л.*; 2. Начинать делать *что-л.* первым; 3. Добиться больших успехов, *чем кто-л.*, выйти в передовики; 4. Главенствовать над *кем-чем-л.*, взять руководство *кем-чем-л.*

Гл. БАСТАА II 1. Обезглавить, отрубить голову (рыбе); 2. Аккуратно складывать рыболовную сеть (*последовательно надевая на специальную палочку верхнюю бечевку сети между поплавами*) или невод (*встряхивая его крылья и последовательно укладывая друг на друга*).

Сущ. БАСТААХ человек, имеющий влияние на людей.

Прил. БАСТЫН 1. Лучший, самый лучший, превосходный; 2. Передовой, находящийся впереди всех (*напр., по уровню развития, достижения в чем-л.*).

Сущ. БАСТЫНА 1. Национальный женский головной наряд в виде ленты вокруг головы, украшенной бисером; 2. Передняя перекладина (вязок), связывающая полозья (*саней, нарты*) // Перекладина, головка спинки кровати.

Гл. БАҢЫЙ преобладать в количественном отношении, превосходить силой, влиянием и др.

Сущ. БАҢЫК 1. Изголовье нары в якутской юрте; 2. Перегородка между нарами в якутской юрте.

Гл. БАҢЫЛАА 1. Направлять *кого-л.*, руководить *кем-л.*; 2. Владеть *кем-л.*, быть хозяином *чего-л.*; 3. Научиться делать *что-л.*, овладевать, пользоваться *чем-л.*; 4. Иметь ведущее положение, превзойти, превосходить в *чем-л.* других; 5. Осваивать *что-л.*

Сущ. БАҢЫЛЫК 1. Человек, наделенный властью над *какой-л.* группой людей, руководитель, глава; 2. Хозяин, владелец *чего-л.*

Послелог БАҢЫГАР выражает количественно-распределительное отношение при распределении, делении *кого-л.* по отдельности.

Вторая ступень содержит:

Гл. БАСТАН лежать головой в *какую-л.* сторону.

Нареч. БАСТААН сначала, в первую очередь.

Сущ. БАСТААҢЫН достижение *каких-л.* успехов, лидирующего положения, завоевание *чего-л.* признания.

Числ. БАСТАКЫ первый.

Прил. БАСТАКЫ 1. Находящийся впереди других, передовой, головной; 2. Первоначальный, самый ранний; 3. Лучший среди прочих в *каком-л.* отношении, отличный; 4. Основной, жизненно важный (*напр., о понятии*).

Сущ. БАҢА СУОХТАР до революции: самые бедные слои населения, не имеющие голоса, своего мнения в решении общественных вопросов.

Нареч. БАСТЫННЫК лучше всех, отлично.

Нареч. БАСТЫНАЛЫЫ вокруг головы (*напр., завязывать платок*).

Сущ. БАҢЫЛААҢЫН 1. Руководство, направление деятельности, действия *кого-чего-л.* // Подчинение *кого-чего-л.* своему непосредственному руководству, началу; 2. Овладение, умение пользоваться *чем-л.*, усвоение *чего-л.*; 3. Полное освоение *чего-л.*, обладание *чем-л.*

Сущ. БАҢЫЛААЧЧЫ руководитель *чего-л.*, лицо, распоряжающееся *чем-л.*

Гл. БАҢЫЛЫКТАА 1. Обладать властью, руководить *кем-чем-л.*; 2. Владеть *чем-л.*, стать хозяином *чего-л.*

Послелог БАСТЫЫ употребляется в исходном падеже при указании на полноту действия,

совершаемого вблизи *кого-чего-л.* или начиная с *кого-чего-л.*

Гл. БАСТАТ, БАҢЫТАР, БАҢЫЛАН, БАҢЫЛАТ – залоговые формы.

На третьей ступени образованы:

Прил. БАСТААННЫ первый, первичный, начальный.

Сущ. БАСТАКЫТА находящийся впереди *кого-чего-л.*

Нареч. БАСТАКЫТТАН сначала, изначально.

Имя действ. БАҢЫТАРЫЫ

Сущ. БАҢЫЛЫКТААҢЫН обладание властью, подчинение своей воле.

Мод. БАСТАТАН указывает на порядок следования мыслей, выделяя *какую-л.* из них.

На четвертой – всего две единицы:

Нареч. БАСТААННЫТТАН с самого начала *чего-л.*, *какого-л.* действия, с начала.

Мод. БАСТАКЫТЫНАН во-первых.

Данные деривационные образования у обоих сравниваемых слов зафиксированы в БТСЯЯ.

Формирование всех ступеней деривации в СГ происходит по строгой закономерности агглютинативного строя якутского языка, подчинено его аффиксальному способу словообразования и, как следствие, построенным на этой незыблемой почве взаимоотношениям между частями речи [Грамматика, 1982: 32–35].

Все члены СГ связаны с вершинным словом смысловыми отношениями, оно определяет их значение. Неясным остается образование существительного *төбөт*: 1. Шалун, озорник, проказник, сорванец; 2. Хулиган, хулиганье – и производного от него глагола *төбөтүр* шалить, резвиться (*о ребенке*) [БТСЯЯ, 2013: 523] Полагая, смысловую подоплёку их значений можно найти во фразеологизмах *оройунаан (төбөтүнэн) көрбүт* [БТСЯЯ, 2007: 322–323] *төбөтүнэн харахтаах* со значением «необузданный, озорной, носящийся сломя голову, неудержимый баловень, отчаянный шалун (*о детях*)» [БТСЯЯ, 2013: 520].

Лексемы *төбө* и *бас* в позиции вершин СГ имеют различную деривативную структуру, причем каждое их значение обладает разным словообразовательным потенциалом. Так, в СГ с вершиной *төбө* несколько значений: «4. Изголовье; 5. Единица счета скота; 7. Верховье, исток реки» – не получили дальнейшего деривационного развития. А в СГ с вершиной *бас* ока-

зались непродуктивными следующие значения: «3. Утолщенная, расширенная часть *чего-л.*; 4. Удаленная часть, конец; 7. Глава (*книги, статьи*)». Это можно объяснить тем, что все указанные значения имеют ограниченную лексическую сочетаемость.

Словообразовательный потенциал тех значений, которые участвуют в образовании дериватов, также неоднороден. Высокопродуктивными оказались глагольные дериваты, образованные от вершинных слов *төбө* и *бас* с помощью аффикса *-лаа*. Так, глагол *төбөлөө* имеет пять значений, в том числе три переносных, глагол *бастаа I* – четыре значения, его омоним *бастаа II* – два значения. Несложно определить мотивирующие значения, легшие в основу производных значений, поскольку в них легко усматриваются семантические связи с их производящими значениями. Например, значения глагола *төбөлөө* прямо восходят к первому, второму, шестому и третьему значениям *төбө*. А в значениях глагола *бастаа I* сохраняются семантические отношения со вторым, пятым, шестым значениями *бас*. Интересно отметить, что развитие значений глаголов *төбөлөө* и *бастаа*, образованных от синонимов *төбө* и *бас* посредством одного и того же аффикса *-лаа*, имеет совершенно различные тенденции. Значения *төбөлөө* связаны с верхним положением головы, а значения *бастаа I* и образованные от него лексемы второй, третьей ступеней связаны с тем, что голова является самой главной, определяющей частью человека. Поэтому между этими значениями нет ни одного значения, которые бы вступали в синонимические отношения. Более того, значение глагола *төбөлөө* «надевать *какой-л.* головой *кого-л.*, приделывать *к чему-л.* голову», исходящее от *төбө* (1), является антонимом к значению *бастаа II* от *бас* (1) «обезглавить, отрубить голову (*рыбе*)». Из всего объема дериватов, образованных в пределах структуры сравниваемых СГ, синонимичными становятся лишь производные II ступени – глаголы *төбөлөн* «быть обращенным головой в *какую-л.* сторону» и *бастан* «лежать головой в *какую-л.* сторону».

Также совершенно разные значения имеют *төбөлөөх* и *бастаах*, образованные аффиксом *-лаах*: ТӨБӨЛӨӨХ 1. Умный, головастый; 2. Знатный, состоятельный; БАСТААХ человек,

имеющий влияние на людей. Здесь усматриваются следующие семантические разногласия: в лексеме *бас* не отделилось значение «ум, мыслительная способность», что, казалось бы, вполне свойственно голове какместилищу интеллектуальных способностей человека, а в лексеме *төбө* не нашли развития значения, связанные с восприятием головы как главной, перво-степенной части тела.

IV. Обсуждение. Сравнительный анализ семантических структур лексических синонимов, предлагаемый в данной статье, показывает, что семантическая иерархия, дальнейшее развитие смысловых разветвлений каждой лексемы является своеобразным, векторы их семантических расхождений могут не совпадать, удалиться друг от друга до такой степени, что порой даже не допускают предполагаемых схождений. Отсюда следует, что многозначные лексемы синонимичны не во всех значениях, а только в одном – основном или в некоторых производных значениях. Что касается словообразовательного потенциала сравниваемых единиц, то приводимый в статье материал также показывает, что лексемы в своих словообразовательных характеристиках значительно различаются как по морфологическим признакам, так и по количеству образуемых дериватов.

V. Заключение. Проведенный сравнительный анализ семантической структуры, а также словообразовательной потенции полисемантов *төбө* и *бас*, являющихся абсолютными синонимами в основном номинативном значении «голова», позволил прийти к изложенным ниже выводам.

Развитие семантической структуры, смыслового содержания каждой сравниваемой единицы имеет индивидуальный характер, хотя в некоторых производных значениях, таких как «верхняя (или передняя) часть, верхушка», «глава (книги, статьи)», «верховье, исток реки», проявляются зоны их соприкосновения. Такие значения обычно относят к универсальным, поскольку они присущи лексеме «голова» во многих языках мира. Но есть в семантике сравниваемых лексем и расхождения. Это такие значения, которые развились в семантической структуре только *төбө* – «верхняя часть, соцветие растения», «единица счета скота» и «ум, мыслительная способность» и, соответственно, в

структуре только *бас* – «удаленная часть, конец чего-л.», «руководитель, глава».

Якутские лексемы *төбө* и *бас* с основным значением «голова» обладают различным словообразовательным потенциалом, хотя и воспринимаются носителями языка как абсолютные синонимы. СГ с вершиной *бас* имеет наибольший объем дериватов, объединенных глубинными смысловыми отношениями, обладает сложной четырехступенчатой структурой. Все это говорит о том, что каждое слово как единица языка имеет свою, несравнимую ни с каким другим словом семантическую характеристику, словообразовательный потенциал.

Сокращения:

возвр. залог – возвратный залог; гл. – глагол; имя действ. – имя действия; исх. падеж – исходный падеж; множ.-многокр. вид – множественно-многократный вид; мод. – модальное; нареч. – наречие; отриц. ф. – отрицательная форма; перен. – переносное; побуд. залог – побудительный залог; прил. – прилагательное; рыболов. – рыболовство; страдат. залог – страдательный залог; сущ. – существительное; уменьш.-ласкат. – уменьшительно-ласкательное; употр. – употребляется; числ. – числительное

Список литературы:

- Антонов Н.К. Лексика современного якутского языка. Якутск: Кн. изд-во, 1967. 107 с.
- Аркадьев П. М. Полисемия названий головы в славянских и германских языках в типологическом и историческом аспектах // Московский лингвистический журнал. 2002. Т. 6. № 1. С. 53–81.
- Афанасьев П.С. Лексикология якутского языка. Якутск: Кн. изд-во, 1977. 76 с.
- Бутакова Л.О. Морфемика и словообразование: Учебное пособие (для студентов, магистрантов, аспирантов филологических специальностей). Омск: Вариант-Омск, 2010. 173 с.
- Васильева Н.Н. Лексические синонимы в языке саха. Якутск: ИГИ АН РС(Я), 1996. 116 с.
- Винокуров И.П. Синонимика падежных конструкций в якутском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 1971. 20 с.
- Готовцева Л.М. Некоторые вопросы фразеологической синонимии якутского языка // Вестник СВФУ. Якутск: 2014. Т. 11. № 3. С. 96–102.
- Готовцева Л.М. Природа синонимии фразеологических единиц якутского языка // Северо-Восточный

гуманитарный вестник. Якутск: 2020. № 2. С.101-110.

Грамматика современного якутского литературного языка: фонетика и морфология. Т. I. М.: Наука, 1982. 496 с.

Копырина Е.П., Васильева Н.Н. Словообразовательное гнездо с вершиной-полисемантом в якутском языке (на примере глагола таарый 'прикасаться, притрагиваться' // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015 № 8-3(50). С. 97-100.

Нелунов А.Г. Глагольная фразеология якутского языка. Якутск: Кн.изд-во, 1981, 128 с.

Новичкова С.А. Семантическое пространство словообразовательного гнезда: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005, 19 с.

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001. 822 с.

Трифонов Н.С. Опыт построения словообразовательного гнезда многозначного слова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч.1. С. 173-177.

Харитонов Л.Н. Современный якутский язык: фонетика, морфология. Якутск: Госиздат, 1947. 306 с.

Словари:

Аллахский Н.А. Словарь синонимов, омонимов и антонимов якутского языка. Якутск, 1957.

Аллахский Н.А., Луковцев Х.Х. Краткий словарь синонимов якутского языка: Пособие для учителей. Якутск, 1982. 144 с.

БТСЯЯ 2007 – Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. [Под ред. П.А. Слепцова]. Новосибирск: Наука, 2007. Т. 4: (Буква К). 672 с. (На якут. и рус. яз.).

БТСЯЯ 2013 – Большой толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах улахан тылдьыта: в 15 т. [Под ред. П.А. Слепцова]. Новосибирск: Наука, 2013. Т. 10: (Буква Т: т – төһүүлээ). 575 с.

Тихонов А.Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. М.: Просвещение, 1978. 727 с.

ТСЯЯ 2005 – Толковый словарь якутского языка = Саха тылын быһаарыылаах тылдьыта: в 15 т. [Под ред. П.А. Слепцова]. Новосибирск: Наука, 2005. Т. 2: (Буква Б). 912 с.

References:

Afanas'ev P.S. *Leksikologiya yakutskogo yazyka* [Lexicology of the Yakut language]. Yakutsk: Book. Publ., 1977. 76 p. (In Russian)

Allakhsky N.A. *Slovar' sinonimov, omonimov i antonimov yakutskogo yazyka* [Dictionary of synonyms, homonyms and antonyms of the Yakut language]. Yakutsk, 1957. (In Russian)

Allakhsky N.A., Lukovtsev H.Kh. *Kratkij slovar' sinonimov yakutskogo yazyka: Posobie dlya uchitelej* [A Brief Dictionary of Synonyms of the Yakut Language: A Guide for Teachers]. Yakutsk, 1982. 144 p. (In Russian)

Antonov N.K. *Leksika sovremennogo yakutskogo yazyka* [Lexicon of the modern Yakut language]. Yakutsk: Book. Publ., 1967. 107 p. (In Russian)

Arkad'ev P.M. Polisemiya nazvaniy golovy v slavyanskikh i germanskikh yazykakh v tipologicheskom i istoricheskom aspektakh [Polysemy of head names in Slavic and Germanic languages in typological and historical aspects]. *Moskovskij lingvisticheskij zhurnal* [Moscow Journal of Linguistics]. 2002. Volume 6. №1. Pp. 53–81. (In Russian).

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka: v 15 tomah. Pod redakciej P.A. Slepcova [Great explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vols. Edited by P.A. Slepcov]. Volume 4: Letter K. Novosibirsk: Science Publ., 2007. 672 p. (In Yakut and Russian)

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka: v 15 tomah. Pod redakciej P.A. Slepcova. [Great explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 vols. Edited by P.A. Sleptsov]. Volume 10: Letter T: т – төһүүлээ. Novosibirsk: Science Publ., 2013. 575 p. (In Yakut and Russian)

Butakova L.O. *Morfemika i slovoobrazovanie: Uchebnoe posobie (dlya studentov, magistrantov, aspirantov filologicheskikh special'nostej)* [Butakova L.O. Morphemics and word formation: A textbook (for students, undergraduates, postgraduates of philological specialties)]. Omsk: Variant-Omsk, 2010. 173 p. (In Russian)

Gotovceva L.M. Nekotorye voprosy frazeologicheskoy sinonimii yakutskogo yazyka [Some questions of phraseological synonymy of the Yakut language]. *Vestnik Severo-Vostochnogo Federal'nogo universiteta* [NEFU Bulletin.]. Yakutsk: 2014. Volume 11. № 3. Pp. 96-102. (In Russian)

Gotovceva L.M. Priroda sinonimii frazeologicheskikh edinic yakutskogo yazyka [The nature of synonymy of phraseological units of the Yakut language]. *Vostochnyj humanitarnyj Vestnik* [North-Eastern Journal of Humanities]. Yakutsk, 2020. № 2. Pp.101-110. (In Russian)

Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka: Fonetika i morfologiya [Grammar of the modern Yakut literary language: Phonetics and morphology]. Volume I. Moscow: Science Publ., 1982. 496 p. (In Russian)

Kharitonov L.N. *Sovremennyy yakutskij yazyk: fonetika, morfologiya* [Modern Yakut language: phonetics,

morphology]. Yakutsk: State Publ., 1047. 306 p. (In Russian)

Kopyrina E.P., Vasilieva N.N. Slovoobrazovatel'noye gnezdo s vershinoy-polisemantom v yakutskom yazyke (na primere glagola taaryy 'prikasat'sya, pritraktivat'sya' [A word-formation nest with a polysemantic apex in the Yakut language (on the example of the verb taaryy 'touch']. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and Practice]. 2015. №8-3 (50). Pp. 97-100. (In Russian)

Nelunov A.G. *Glagol'naya frazeologiya yakutskogo yazyka* [Verbal phraseology of the Yakut language]. Yakutsk: Publ., 1981. 128 p. (In Russian)

Novichkova S. A. *Semanticheskoe prostranstvo slovoobrazovatel'nogo gnezda* [Semantic space of word-formation nest. Abstract of the diss. ... of the candidate of philological sciences]. St. Petersburg, 2005. 19 p. (In Russian)

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. *Leksika* [Comparative-historical grammar of the Turkic languages. Vocabulary]. Moscow: Science Publ., 2001. 2 ed., suppl. 822 p. (In Russian)

Tikhonov A.N. *Shkol'nyy slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka*. [School word-formation dictionary of the Russian language]. Moscow: Education Publ., 1978. 727 p. (In Russian)

Trifonova N.S. Opyt postroeniya slovoobrazovatel'nogo gnezda mnogoznachnogo slova [The experience of building a word-formation nest of a polysemous word]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and Practice]. Tambov: "Diploma" Publ., 2016. № 12(66): in 4 parts. Part 1. Pp. 173-177. (In Russian)

Vasilieva N.N. *Leksicheskie sinonimy v yazyke Sakha* [Lexical synonyms in the Sakha language]. Yakutsk: Publ. by Institute for Humanitarian Research, Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia), 1996. 116 p. (In Russian)

Vinokurov I.P. *Sinonimika padezhnykh konstrukcij v yakutskom yazyke* [Synonymy of case constructions in the Yakut language. Abstract of the diss. ... of the candidate of philological sciences]. Yakutsk, 1971. 20 p. (In Russian)

N.N. Vasileva

Comparative Analysis of the Semantic Structure and Word-Formation Nests of Yakut Polysemantics *tobθ* and *bas* 'Head'

Scientific novelty. The paper analyzes semantic structure of the polysemants *tobθ* 'head' and *bas* 'head' from the perspective of the modern semantic studies. It also describes the derivational potential of each derivative within particular derivational nests *tobθ* and *bas*. *The aim* of the article is to compare semantic hierarchy and show the derivational potential of polysemants *tobθ* and *bas* those are absolute synonyms in Yakut with their major meaning 'head'. *Research methods.* In this study we used the descriptive-analytical method, elements of systematization and classification, the method of dictionary definitions and the comparative method. *Results.* The analysis of derivatives of the lexemes shows that their semantic hierarchies develop differently with only a half of the derived meanings agreeing. These meanings demonstrate as they should semantic proximity of the compared synonyms. The meanings developed in each lexeme independently may be based on deeper hidden semantic shifts. The paper also provides the structure of the word-formation *tobθ* and *bas* based on the data from the "Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language". Comparison of their derivational potentials has also demonstrated significant differences derivatives of *bas* show more variability in semantics parts of speech and morphological derivation.

Keywords: polysemy, semantic structure, lexical synonyms, absolute synonyms, derived meaning, derivational nest, base word, derivatives.

Диалектная семантика фитонима *кэбэ кулгааба* ‘кукушкины ушки’ в якутском языке

Научная новизна. В статье впервые анализируются лексико-семантические особенности диалектного фитонима *кэбэ кулгааба* ‘кукушкины ушки’. Актуальность темы исследования определяется необходимостью уточнения дефиниций диалектных слов в условиях архаизации и постепенной утраты диалектных наименований растений в современном якутском языке.

Целью работы является установление лексико-семантических характеристик фитонима *кэбэ кулгааба* ‘кукушкины ушки’, диалектных признаков и принципов номинации. Были решены следующие задачи: выявление и описание различных значений исследуемого фитонима; определение данного фитонима как составного термина и его связи с принципами и мотивами номинации; установление лексических значений диалектных, общекытских синонимов, омонимов данного фитонима в говорах якутского языка.

Методы исследования. В статье использованы следующие методы: сравнительно-сопоставительный, структурный, описательный, лексико-семантического анализа. В качестве материала рассмотрены диалектологические, литературно-художественные, публицистические источники.

Результаты. Установлено, что наименование *кэбэ кулгааба* относится к категории сложных существительных, где оба компонента полностью утратили свою лексико-грамматическую самостоятельность, интерпретация которых возможна на материале диалектной лексики. Главным мотивационным критерием, лежащим в основе наименования *кэбэ кулгааба* в значении ‘прострел (с сине-фиолетовыми цветками); подснежник’ стали ассоциативные связи, сопряженные с временем прилета, активного кукования кукушки и появлением первых подснежников. В результате проведенного исследования была выявлена и описана ранее не отмеченная в словарях и материалах узлокальное диалектное слово *лоокуут* ‘ветреница лесная’, которое не имеет активного применения в якутском языке. Фитоним *кэбэ кулгааба* ‘кукушкины ушки’ в диалектном значении ‘прострел, подснежник’ вместо лит. *ньургунун* включен в диалектный корпус слов как неотъемлемая часть лексики якутского языка.

Ключевые слова: якутский язык, диалектная лексика, флористическая лексика, семантика, фитоним, подснежник, кукушкины ушки.

I. Введение. Наименования растений (деревьев, кустарников, трав и т.д.) как лингвистический объект в якутоведении были достаточно хорошо изучены в разных аспектах: пратюркские формы корневых основ наименований в сравнении с тюркскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими наименованиями [Кузьмина, 2016], способы номинации фитонимов, обозначающих наименования ягодных растений в якутском языке [Малышева, Данилов 2020], принципы номинаций и компонентный состав названий фармакофитонимов Якутии [Божедонова, Лугинова, Чирикова, 2021], структурно-семантические особенности лекарственных растений с компонентом *от* ‘травы’ [Малышева, Захаров,

2019], происхождение якутских названий растений, гиперо-гипонимический анализ лексемы *мас* ‘дерево’ [Аммосова, 2018; 2020] и др.

Несмотря на кажущееся разнообразие исследований, все-таки остаются лакуны, которые касаются не только якутско-русского перевода наименований растений, но и систематизации способов образования, сравнительно-сопоставительного анализа с другими языками, соотношения литературно-нормативных и диалектных наименований высших растений и т. д.

Наше исследование отчасти касается и гастрономической лексики. Так, известный этнограф, автор комплексного исследования традиционной пищи якутов А.А. Саввин определил

растения, которые используются для приготовления молочнокислых растительных супов, — кийһилэ и сүөгэй ас. Их квасили со щавелем исключительно на молочнокислых продуктах: паханье, изредка на умдаане и сыворотке, получаемой при изготовлении творога — издьэгэй уута: «К ним относятся только те из них, листья и стебли которых растворяются под воздействием молочно-щавелевой кислоты, образующейся в холлобосе с паханьем, это щавель обыкновенный, щавель курчавый, лук гусиный, лук-чеснок, солонцовая трава, живокость, мышинный горошек, быар от, эмэһэлик, *кэбэ кулгааба* и др.» [Саввин, 2005: 165]. Далее по тексту уточняется, что *кэбэ кулгааба* имеет синоним *үрүмэ от* ‘нардосмия’ [Саввин, 2005: 184]. Как описывает А.А. Саввин, данное растение «встречается по Татте на возвышенных местах аласных и речных лугов. Собирают вместе со щавелем. После цветения сбор прекращается. Довольно толстые мясистые листья и стебли квасят вместе с щавелем или используют для приготовления ас» [Саввин, 2005: 181]. *Үрүмэ от* в Определителе тоже обозначен как ‘нардосмия’ [Определитель..., 1974: 480]. Растительная пища, в том числе и наименования этих растений ранее были рассмотрены в статье О.В. Ионовой [Ионова, 1961], но *кэбэ кулгааба* в этой работе отсутствует, вероятно, из-за того, что употребление данного растения в пищу распространено не повсеместно, следовательно и его название является узколокальным.

Тут уместно подвести к существующей проблеме — вопросам, которые касаются якутских и русских наименований растений, обозначенных в качестве научной проблемы кандидатом биологических наук П.А. Гоголевой: «... существуют растения, у которых есть только якутские наименования, а русского перевода нет, поэтому мы, нынешнее поколение, точно не знаем, какое растение имеет то или иное название. Например: *бөллөҥө уга, дьыэрэн тумса, эмэһилик, мэгээр-син, кэбэ кулгааба, хаан төбө, харачаас, хаххан борбуйа, чыычаах уйата, от уола, хаппар (саһыл тумса)* и др.» [Гоголева, 2017: 83].

С учетом всех предыдущих изысканий цель нашей работы заключается в установлении лексико-семантических характеристик наименования растения *кэбэ кулгааба* ‘кукушкины ушки’ и в определении его диалектных особенностей.

Основные задачи исследования: выявление и описание различных значений исследуемого наименования фитонима; определение данного фитонима как составного термина и его связи с принципами номинации; установление лексических значений диалектных, общекутских синонимов, омонимов данного фитонима в говорах якутского языка.

II. Материал и методы исследования. В качестве материала исследования были привлечены лексикографические источники по якутскому языку, а также языковой материал, собранный автором в ходе полевых исследований в Сунтарском, Намском улусах (районах) Республики Саха (Якутия). В соответствии с поставленными задачами в статье использованы следующие методы исследования: сравнительно-сопоставительный, структурный, описательный, лексико-семантический анализ. При сборе лексического материала фиксировались не только факты, находящиеся в активном словарном запасе говорящих, но и слова, относящиеся к пассивному словарю, которыми носители говора пользуются лишь в личных беседах.

III. Результаты. В ходе исследования были выявлены различные диалектные значения наименования *кэбэ кулгааба* ‘кукушкины ушки’, которые мы рассмотрели на материале диалектологических, авторских и литературно-нормативных словарей.

Подснежник. В литературно-нормативном статусе подснежник в якутском языке имеет название *ньуругуһун* ‘первый весенний цветок, подснежник, прострел’ [БТСЯЯ, 2010: 145]. В первых авторских словарях мы видим такое же значение: *ньуругуһун, уругуһун*, ян. ‘прострел, подснежник’ [Кулаковский, 1946: 125]. В диалектологических словарях: *уругуһун*, верх., инд. ‘прострел, подснежник’, *урун сибэтии*, уд. ‘подснежник; букв. белый цветок’, *бастакы уругуһун*, инд. ‘прострел, появляющийся ранней весной’, *саһархай ньуругуһун*, инд. ‘прострел, появляющийся поздно’ [ДСЯС, 1995: 287, 289, 290]. К слову, как отметила Е.И. Коркина, индигирскому говору (относится к северо-восточной зоне говоров якутского языка) свойственно выпадение согласных в начале слова: «*Ороһу уругуһун улахан эмэ суох.* = Поздний подснежник не столь целебен» [Коркина, 1992: 135]. В верховянском говоре также прослеживается выпадение

ние гласных: *ургуһун* ‘прострел’ [Афанасьев, 1965: 101]. Как представляется, раньше *ургуһун* была равноупотребительной лексемой с *ньургуһун*, если использовалась в якутском эпосе олонхо в качестве сравнения:

*Ардьамааны көөттө: = Увидев Арджамаана:
Ургуһун от курдук = Как подснежник-трава
Унаарыйа уган баран, = Очнувшись от бес-
сознания,*

Ухуктан эрэр эбит = Начал просыпаться [БМБ, 1938: 383].

Лексема *ургуһун* отчасти перекликается с бур. *ургы* ‘подснежник’ [БМРС, 1951: 484], монг. *яргуй* ‘подснежник’ [Кручкин, 2013: 418].

В ботанической литературе как подснежник обозначены: *харалдьыт үүнээйилэрэ* ‘подснежники’, *ньургуһун* ‘прострел’, *арабас ньургуһун* ‘прострел желтеющий’ [Макаров, 1974: 38, 41], *сааскы ньургуһун* ‘прострел желтеющий’, букв. ‘весенний подснежник’ [Макаров, 2002: 121], *ньургуһун* ‘прострел желтеющий’ [РЯСБТ, 1993: 149], *тырыттабас ньургуһун* ‘прострел многонадрезанный’, *арабастыйар ньургуһун* ‘прострел желтеющий’, *Турчанинов ньургуһуна* ‘прострел Турчанинова’, *айаан ньургуһуна* ‘прострел аянский’, *Даурия ньургуһуна* ‘прострел даурский’ [Определитель..., 1974: 256, 258].

В диалектной лексике *ньургуһун* имеет несколько другое значение: *ньургуһун*: 1. верх.-кол. *астра*; 2. нюрб. *бириэй от* ‘пырей’ [ДСЯЯ, 1976: 379]. Рассмотрим различные примеры.

Ветреница лесная. Возможно, производной от *ньургуһун* является *сылгы ньургуһуна* ‘ветреница лесная’, букв. лошадиный подснежник [БТСЯЯ, 2010: 145], которая имеет такие виды рода *Anemone* L.: *ачаахтаах сылгы ньургуһуна* ‘ветреница вильчатая’, *Ричардсон сылгы ньургуһуна* ‘ветреница Ричардсона’, *ойуур сылгы ньургуһуна* ‘ветреница лесная’, *тарабай сылгы ньургуһуна* ‘ветреница лысая’, *уһун бытыктаах сылгы ньургуһуна* ‘ветреница длинноволосистая’, *Сибиир сылгы ньургуһуна* ‘ветреница сибирская’ [Определитель..., 1974: 254–255].

В якутском языке издавна отдельно выделяли *сылгы ньургуһуна* ‘цветок с белыми лепестками, похожий на прострел’ [Кулаковский, 1946: 126]. В диалектной лексике данный цветок также сохраняет свои синонимы: *Бу үүнээйини со-*

рох улууска, сүннүүнэн, Булуугэ куба кулгааба диэн ааттыыллар. = Это растение в некоторых улусах, преимущественно в Вилюйском, называют ушки лебедя [Токумова, 2019: 90].

В полевых материалах автора (за 2020–2021 гг.) было выявлено новое значение данного фитонима. В намском говоре якутского языка, который относится к центральной группе говоров, под названием *лоокуут* имеют в виду *сылгы ньургуһуна* ‘ветреница лесная’. По информации учительницы якутского языка и литературы Хатын-Арынской СОШ Намского улуса М.Д. Новгородовой: «*Ньургуһуннуу быһыылаах, маҕан дьүһүннээх сайын бэс ыйыгар үүнэр сибэккени, мин билэрбинэн, лоокуут диэн этэллэр. Бу туһунан мин чопчу, чуолкай кимтэн истибиһин өйдөөбөппүн. Кини, билэрбинэн, ньургуһун биһин уһун диэн ааттыыллар. Бу диэки, киин улууска, Нам энэр, лоокуут диэн ааттыыллар. = Как мне известно, в наших краях белый цветок, похожий на подснежник, который появляется в начале июня, называют лоокуут. Я сейчас уже не помню откуда, у кого я слышала об этом. По-моему, он относится к подснежникам. Это скорее всего только у нас, в Намском улусе, называют лоокуут*»¹. В общеякутской лексике *лоокуут* – ‘разновидность кулика, большой улит’ [БТСЯЯ, 2009: 119]. Данное диалектное слово ранее не было отмечено в диалектологических материалах. Возможно, источником номинации являются внешние ассоциации с романтическими героями *Ньургуһун* и *Лоокуут* повести Н.К. Седалищева-Дьүөгэ Ааныстырап «*Ньур-гуһун уонна Лоокуут*» (1937), на основе которой позднее были написаны одноименные драма и либретто для оперы [Дьүөгэ Ааныстырап, 2013: 160]: *ньургуһун* ‘подснежник’ и *лоокуут* ‘ветреница лесная’ появляются весной практически в одно время, и ареал их распространения весьма обширен, равно как и прилет *лоокуут* примерно совпадает с этим временем. Но вопрос мотива номинации данного фитонима пока можем отнести к перспективным задачам, которые необходимо подтвердить дополнительными материалами и источниками.

Кукушкины ушки. *Ньургуһун* ‘прострел’ в Якутии распространен преимущественно с цветками желтого и сине-фиолетового цвета.

¹ПМА 2021–2022 гг.

По определителю высших растений, к желтым подснежникам относится *арабастьяр ньургуһун* ‘прострел желтеющий’, а к сине-фиолетовым – *тырыттаҕас ньургуһун* ‘прострел многонадрезанный’, *Турчанинов ньургуһуна* ‘прострел Турчанинова’, *айаан ньургуһуна* ‘прострел аянский’, *Даурия ньургуһуна* ‘прострел даурский’. Ареал распространения сине-фиолетовых подснежников – Алданский, Олекминский районы, Верхо-Ленская зона Якутии, бассейн реки Индигирки, Центральная Якутия. Ареал произрастания желтых подснежников – Центральная Якутия, бассейн реки Яны [Определитель..., 1974: 256–258].

Семантическое поле *кэбэ кулгааҕа* расширяется включением диалектных значений. В вилюйском, ленском, верхневиллюйском говорах якутского языка *ньургуһун* ‘прострел’ сохранился под наименованием *кэбэ кулгааҕа* [ДСЯЯ, 1976: 385]. Интересно, что диалектное наименование *кэбэ кулгааҕа* не вызвало сомнений и было переведено как ‘подснежник’ [КЯРРЯС, 2015: 85]. В эвенкийском языке есть похожее название подснежника: *кукты айунин*, Е, В-Л ‘подснежник (букв. кукушкина шапка)’ [Мыреева, 2004: 310].

Грушанка: *кэбэ кулгааҕа*, татт. ‘грушанка красная’ [ДСЯЯ, 1976: 378]; *собо тыла*: 1. вил. *кэбэ кулгааҕа*; 2. *собо тыла*, верх.-вил. ‘грушанка’ [ДСЯЯ, 1976: 380]; *собо тыла* ‘карасий язык; березка, грушица, подкопытник, румянка, подъячник’ [Пекарский, 1959 II: 2937]; *талах ото*, диал. – *кэбэ кулгааҕа* ‘грушанка’ [БТСЯЯ, 2013: 168]; *кыһыл собо тыла* ‘грушанка красная’ [Определитель..., 1974: 386]. Очевидно, что *грушанка*, которая не является подснежником, в якутских говорах имеет несколько названий: *кэбэ кулгааҕа*, *собо тыла*, *талах ото*. Также интересно, что в верхоянском говоре *грушанка красная* имеет диалектное наименование *эһэ отоно* [Афанасьев, 1965: 116], букв. ‘медвежья ягода’. В свою очередь, *эһэ отоно* в колымском говоре означает *киһи сизбэт отоно* ‘несъедобная ягода’ [ДСЯС, 1995: 253]. Но важно то, что в БТСЯЯ *кэбэ кулгааҕа* ‘грушанка’ имеет помету как литературно-нормативное слово, а *кэбэ кулгааҕа* ‘подснежник’ – диалектное [БТСЯЯ, 2007: 451].

Чемерица: *кэбэ кулгааҕа* ‘чемерица’ [Пекарский, 1959 I: 1004]. Общеякутский фитоним *өлөтөк* ‘чемерица’, *көннөрү өлөтөк* ‘чемерица

Лобеля’ [Определитель..., 1974: 156], указанный как синоним к *кэбэ кулгааҕа* [Пекарский, 1959 II: 1937], нигде, кроме словаря Э.К. Пекарского, на данный момент не встречается.

Терминологический аспект. Возможно, анализ данной лексемы в качестве флористического термина поможет прояснить семантику *кэбэ кулгааҕа*.

Данный термин представляет собой яркий пример образования составного термина при помощи аффикса принадлежности. Данный аффикс может выступать «как конструктивная основа изафетных сочетаний, которые очень активно используются в словообразовании: этим способом образуются сложные и составные имена типа *атах танҕаһа* ‘обувь’ (букв. ‘одежда ноги’), *баҕа батаһа* – вид ириса (букв. ‘пика лягушки’), *кэбэ кулгааҕа* – название цветка (букв. ‘ухо кукушки’), *ой дуораана* ‘эхо’ (букв. ‘отголосок леса’) и т. д. Приведенные сочетания сформированы при помощи аффикса притяжательности 3-го лица» [Данилова, 2004: 43].

Кэбэ кулгааҕа как термин, обозначающий растение, образован способом метафорического терминологического образования. Можно было бы сделать вывод, что здесь один из примеров переноса значения по внешнему сходству, когда какой-либо сходный внешний признак становится достаточным для обозначения. Как утверждает якутский терминолог Е.И. Оконешников, «создаются термины, внутренняя форма которых осознается носителями языка. Возможно, здесь проявляются ассоциативные связи, которые имеют специфически национальное выражение» [Оконешников, 2015: 149]. По отношению к *кэбэ кулгааҕа* это утверждение может быть применительно для выявления принципа (причин) номинации.

Составных флористических терминов в якутском языке имеется достаточно много. По Д.И. Чирковой [Чиркова, 2013: 180–181], они относятся к «сложным существительным с переосмысленным компонентом» (*сылгы ньургуһуна*, *киис отоно* ‘шикша сибирская’, букв. соболиная ягода [БТСЯЯ, 2007: 82]) или к «сложным именам существительным, оба компонента которых полностью утратили свою лексико-грамматическую самостоятельность» (*кэбэ кулгааҕа*, *кулун туйаҕа* ‘калужница болотная’, букв. копыто жеребенка [БТСЯЯ, 2007: 466], *киис тингилэбэ* ‘княженика’, букв.

пятка соболя [БТСЯЯ, 2007: 83], *ыт тыла* ‘крупная колючая сорная трава, осот’, букв. собачий (песий) язык [БТСЯЯ, 2014: 350]) или «компонентами, объясняемыми материалами диалектов» (*обус хараба*, инд. ‘одуванчик’, букв. бычий глаз [ДСЯС, 1995: 289, 291], *ангыр тарбаба*, сунт. ‘герань луговая’, букв. выпя лапка [ДСЯЯ, 1976: 375, 377], *муруку кутуруга*, сунт. ‘тысячелистник обыкновенный’, букв. хвост бурундука [ДСЯЯ, 1976: 377, 379]). Даже поверхностный обзор показывает, что присущих тому или иному растению признаков достаточно много, так как проявление микроструктурных закономерностей (форма, цвет, рост и т.п.) органично обусловлено макроструктурной организацией окружающего мира, т.е. в нашем случае – с особенностями северного климата, наступлением теплого времени года, и все это интегрируется в номинации растения.

Как отмечает С.Ю. Дубровина, «большинство названий растений орнитологической лексико-семантической подгруппы «кукушка» принадлежит травам семейства орхидных или близких орхидным семейств, например, семейству касатиковых. (...) Внешние особенности растений, время цветения, употребление мифологизированы и ставятся в зависимость от оперения и условий жизни птицы. Самым распространенным и мифологически значимым является термин “кукушкины слезки”» [Дубровина, 1991: 16–17].

В якутском языке названий растений с компонентами *кэбэ* «кукушка» и *кулгаах* «ухо; уши» не так много: *кэбэ от*, верх.-кол. ‘княжик сибирский; княжик охотский (из семейства лютиковых)’, букв. кукушка трава [ДСЯЯ, 1976: 385], *кэбэ отоно*, верх. ‘вид ивовых’, букв. кукушкина ягода [ДСЯЯ, 1976: 142], *кулгаах лабыкта*, бул. ‘белый плоский ягель’, букв. ягель, похожий на ушко [ДСЯС, 1995: 90], *куобах кулгаах* ‘лаготис’, букв. заячьи уши [Определитель..., 1974: 431], *кута кулгааба* ‘болотноцветник’, букв. уши болота [Определитель..., 1974: 406].

В русском языке компонент «кукушка» присутствует во многих диалектных названиях растений, которые по своему морфологическому строению имеют различие и не имеют явного сходства с внешним обликом кукушки: *кукушечьи слезы* ‘ятрышник пурпуровый’, *кукушкины слезы* ‘льнянка обыкновенная’, *кукушьи слезки*

‘клевер средний’, *кукушьи слезы* ‘ирис сибирский’, *кукушкины слезы* ‘лапчатка гусиная’, *кукушкины слезы* ‘вороний глаз четырехлистный’ [Колосова, 2009: 257, 260].

«Кукушечьи» фитонимы присутствуют и в других языках: баш. *кекукбаш* (букв. ‘голова кукушки’) – ‘медуница’ [Ягафарова, 2010: 119], коми, *кёкшабді* ‘кукушкин лен (название мха)’ [Ракин, 2004: 180], удм. *кикыгумы* (букв. кукушкина трубка) ‘медуница (*Pulmonaria L.*)’, *кикыката* ‘башмачок настоящий (*Syrpipedium calceolus L.*)’, букв. кукушкин ботинок [Насибуллина, 2015: 67], финн. *käenkuunelet* ‘трясунка средняя’, букв. кукушкины слезы [Коппалева, 2007: 87] и др.

Для более детального уточнения семантики обратимся к публицистике и художественной литературе.

Кэбэ кулгааба в литературе. Кроме лексикографических источников, сведений, касающихся названия данного растения, в специальной литературе мало. Мы попытались определить семантику *кэбэ кулгааба* на материале художественных произведений и публицистики.

«Хонууга киирээпитин кытта, сибэкки мүүттээх сыта дыргыйа түстэ, тула туус мабан кэбэ кулгааба сибэкки хаар курдук хонууга тэлгэммитэ көрүүххэ эчи, үчүгэийин! = Как только мы ступили на поляну, нас обьял медовый запах от ослепительно белых цветов кукушкины ушки, устлавших все вокруг как белый снег» [Соколов, 2019: 14]. Здесь – *сылгы ньургунуна* ‘ветреница лесная’. Автором данного воспоминания является Ксения Соколова-Таммах Оксүү из Сунтарского улуса.

«Ньургуну бу эргин кэбэ кулгааба диэн ааттыыллар этэ, ордук, бу Быладьыын оҕо эрдэбинэ. Билигин сорохтор кинигэттэн, араа-дьыйаттан энин билэн кэбэ кулгааба диир киһи абыйаан, наар ньургунун эрэ диир буолбуттар бу саас, хаар анныттан өрө анньан тахсар аан бастакы кэрэттэн кэрэ, кустук өнгө кутуллубут, сааскы сарыал инмит сир симэбин. = Когда Владимир был маленьким, в этой округе подснежник называли кукушкины ушки. Цветок, который вырастает весной из-под снега, вобрал в себя весь радужный цвет, всю красоту весеннего сияния, нынче перестали называть кукушкины ушки, а называют только как ньургунун (подснежник)» [Дмитриев, 2000: 153–158]. Здесь – *ньургунун* ‘подснежник (сине-

фиолетового цвета)'. Автор является выходцем из Нюрбинского улуса.

В стихотворении якутского поэта Альберта Виллюйского (уроженца Сунтарского улуса) «Кэбэ кулгааба» также раскрывается характерный образ сине-фиолетового подснежника:

Кэтэспит ахан сибэкким = Как я долго ждал тебя цветок

Кэбэ кулгааба барахсан = Мое дорогое ухо кукушки

Өссө да тымныы диэбэккэ, = Невзирая на морозы и холод,

Үүмүккүн күнү тоһуйсан! = Вырос на встречу солнцу!

(...) Кэбэ сайыммыт илдьитэ – = Кукушка как вестник лета

Кэбэ кыылбыт да эппэтэр, = Еще не кукует в лесу,

Кини кулгаабын кэриэтэ, = Но как ее ушки
Килбиктик ааттыыр эбиттэр. = Называют тебя.

Аатын курдук олус нарын = Как имя твоё
Алабаркаан сибэккигин, = Ты светел и нежен,
Олох тыйыс бурбалдьытын = Жизни тяжёлое бремя

Урусхаллыыр күүстэммикин. = Имеешь силу разрушать [Виллюйский, 2003: 26–27].

Кэбэ кулгааба присутствует в локальных загадках, например, в народных загадках Сунтарского улуса: *кэбэ кулгааба кэһишлээх кэрэ сир баар үһү = есть прекрасное место с гостинцем кукушкины ушки (булгуннах, сыыр = холм, горка)* [Иванов, 2014: 35]. В качестве загадкового слова здесь присутствует подснежник с цветком сине-фиолетового цвета, так как автор жил и собирал загадки в Сунтарском улусе, а в этом улусе растёт только такой подснежник (прострел).

IV. Обсуждение. Таким образом, на данном этапе исследования можно вполне определенно сделать вывод, что фитоним *кэбэ кулгааба* сохранился в двух значениях: подснежник – прострел (со цветком сине-фиолетового цвета) и ветреница лесная. Если достоверного источника мотивации названия фитонима *кэбэ кулгааба* для обозначения цветка ветреница лесная (*сылгы ньургуһуна*) на данный момент пока не выявлено, то не вызывает сомнений, что основным мотивом и принципом номинации *кэбэ кулгааба* 'кукушкины ушки' стали ассоциативные связи появления первых подснежников

(прострелов) с прилетом кукушки. В результате этого появилось взаимоусловленное метафорическое наименование.

V. Заключение. В ходе исследования выявлены два основных значения фитонима *кэбэ кулгааба* 'кукушкины ушки': 1. *кэбэ кулгааба* – растение с сине-фиолетовым цветком, обозначаемое в общекытской лексике как *ньургуһун* 'подснежник' (по номенклатуре – прострел); 2. *кэбэ кулгааба* – ветреница лесная (*сылгы ньургуһуна*). В семантическое поле фитонима *кэбэ кулгааба* входит также узколокальная лексема *лоокуут* в значении 2. 'ветреница лесная'. Данное слово встречается в говоре Намского улуса, активного распространения в якутском языке не имеет.

Главными мотивационными критериями, лежащими в основе принципа номинации *кэбэ кулгааба* 'кукушкины ушки' (*ньургуһун* 'прострел' – растение с цветком сине-фиолетового цвета) стали ассоциативные связи: появление цветков *ньургуһун* (подснежников), именуемых в народе как *кэбэ кулгааба*, совпадает со временем прилета кукушки и ее активного кукования.

Определено, что:

- имеется диалектный омоним наименования *кэбэ кулгааба*, который в таттинском говоре употребляется для обозначения другого фитонима – 'грушанка красная'. Синонимами фитонима *кэбэ кулгааба* в общекытской лексике, по материалам словаря Э.К. Пекарского, являются *үрүмэ от* 'нардосмия', *өлөтөк* 'чемерица';

- диалектное наименование фитонима *кэбэ кулгааба* для обозначения других фитонимов: 'прострел' и 'ветреница лесная' – присутствует в сунтарском, нюрбинском говорах (виллюйская диалектная зона говоров);

- фитоним *кэбэ кулгааба* относится к категории составных существительных, где оба компонента полностью утратили свою лексикограмматическую самостоятельность. Его различные диалектные значения могут быть интерпретированы, исходя из материала литературно-художественных текстов, раскрывающих особенности якутской традиционной культуры.

Таким образом, рассмотренные значения фитонима *кэбэ кулгааба* 'кукушкины ушки' входят в диалектный корпус якутского языка в качестве неотъемлемой части его лексического состава.

Сокращения

баш. – башкирский язык; букв. – буквально; бур. – бурятский язык; верх. – верхоянский говор якутского языка; верх.-вил. – верхневилуйский говор якутского языка; верх.-кол. – верхнеколымский говор якутского языка; вил. – вилуйский говор якутского языка; В-Л – верхоленский говор токминско-верхоленского диалекта эвенкийского языка; диал. – диалект; Е – ербогачёвский диалект эвенкийского языка; инд. – индигирский говор якутского языка; коми – язык коми; монг. – монгольский язык; нюрб. – нюрбинский говор якутского языка; ПМА – Полевые материалы автора; татт. – таттинский говор якутского языка; уд. – говор Удских якутов Хабаровского края; удм. – удмуртский язык; ян. – янский говор якутского языка

Список литературы:

Аммосова О.Н. Гиперо-гипонимический анализ лексемы «мас» в современном якутском языке // Е.И. Коркина: биографика и интерпретация научного и творческого наследия. Сборник научных статей. Якутск: Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2018. С. 234–237.

Аммосова О.Н. Происхождение названий растений в якутском языке // Наследие предков и современный тюркский мир: языковые и культурные аспекты: Материалы II Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения известного якутского ученого-тюрколога, доктора филологических наук, профессора Якутского государственного университета им. М.К. Аммосова Н.К. Антонова. Якутск: СВФУ, 2020. С. 138–143.

Афанасьев П.С. Говор верхоянских якутов [Отв. ред. Е.И. Коркина]. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1965. 176 с.

Божедонова А.Е., Лугинова О.А., Чирикова Н.К. Фармакофитонимы Якутии: принципы номинации и компонентный состав // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Том. 14. Выпуск 7. С. 2101–2107.

Данилова Н.И. Курс якутской грамматики: система морфологических категорий и синтаксических конструкций: учеб. пособие для студентов филол. фак. ЯГУ [Н.И. Данилова, Н.И. Попова, Н.Н. Ефремов]. Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2004. 195 с.

Дубровина С.Ю. Русская ботаническая терминология в этнолингвистическом освещении (на материале названий растений, образованных от названий животных и птиц): Автореф. дисс. ... к.ф.н. М., 1991. 23 с.

Ионова О.В. Растительная пища якутов // Сборник статей и материалов по этнографии народов Якутии. Якутск: Якутское книжное изд-во, 1961. С. 26–41.

Колосова В.Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект // Традиционная духовная культура славян. Современные исследования. М.: «Индрик», 2009. 352–с.

Коппалева Ю.Э. Финская народная лексика флоры (становление и функционирование). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2007. 287 с.

Коркина Е.И. Северо-восточная диалектная зона якутского языка [Отв. ред. Н.Н. Широкова]. Новосибирск: Наука, 1992. 267 с.

Кузьмина А.А. Названия деревьев и кустарников в якутском языке (сравнительный аспект) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2016. № 4 (17). С. 99–106.

Кулаковский А.Е. Статьи и материалы по якутскому языку [Предисл. и примеч. Н.С. Григорьева]. Якутск: государственное изд-во ЯАССР, 1946. 150 с.

Макаров А.А. Лекарственные растения Якутии и перспективы их освоения. Новосибирск: Изд. СО РАН, 2002. 264 с.

Макаров А.А. Растительные лечебные средства якутской народной медицины [Под ред. В.С. Соколова]. Якутск: Кн. изд-во, 1974. 64 с.

Малышева Н.В., Данилов И.А. Способы номинации ягодных растений в якутском языке: этнолингвистический анализ // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. № 3 (29). С. 58–70.

Малышева Н.В., Захаров Х.А. Якутская лексика лекарственных растений с компонентом «от»: структурно-семантическая особенность // Вестник СВФУ. 2019. № 6 (74). С. 123–135.

Насибуллина М.Р. Зоонимические компоненты в системе названий растений удмуртского языка // Вестник Удмуртского университета. История и филология. 2015. Т. 25. Вып. 5. С. 66–70.

Оконешников Е.И. Язык саха: проблемы лексикографии и терминологии: сборник научных статей [Отв. ред. Н.И. Данилова, Ф.Н. Дьячковский, А.М. Николаева. Сост.: А.С. Акимова, Р.Н. Протодяконова]. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2015. 210 с.

Определитель высших растений Якутии [Отв. ред. А.И. Толмачев]. Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1974. 543 с.

Ракин А.Н. Зоонимический компонент в системе названий растений коми языка // Linguistica Uralica. Tallinn. 2004. № 3. С. 179–187.

Саввин А.А. Пища якутов до развития земледелия (опыт историко-этнографической монографии). Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2005. 376 с.

Чиркочева Д.И. Категория принадлежности в современном якутском языке. Якутск: ИД СВФУ, 2013. 215 с.

Ягафарова Г.Н. Фитонимы с компонентами-зоонимами в башкирском языке // Вестник ЧитГУ. 2010. № 1 (58). С. 117–121.

БМБ 1938 – Бүдүрүйбэт Мүлдьү Бөбө (Непобедимый Мюльдю Бёбё): М.М. Куобарап олонголообут олонхото [САССӨ тылы уонна культуураны үөрэтэр-чинчийэр ин-та; худож. П.П. Романов (Москва)]. Дьокуускай: Судаарыстыба Саха сиригээһи бэчээттиир суута, 1938. 494 с.

Вилуйский А.С. Дойдубар мин тыыннаах эргиллэм (Я еще вернусь): (Хоһоон хомуурунньуга=Сборник стихотворений) [Хомуйан онордулар: Т.С. Кириллин, С.Т. Руфов]. Дьокуускай: Бичик, 2003. 160 с.

Гоолева П.А. Үүнээйи сахалыы аата (Якутские названия растений) // Күрүлгэн. 2017. № 4 (57). С. 83–87.

Дмитриев И.А.-Сизэн Чолбодук. Кэбэ кулгааба (Ухо кукушки). Дьокуускай: Бичик, 2000. 160 с.

Дьүөгэ Ааныстырап [Хомуйан онордулар: О.Д. Федорова, В.И. Алпексеев-Баасынай Басылай, Г.А. Егорова, Г.А. Саввинова]. Дьокуускай: Бичик, 2013. 208 с.

Иванов И.И. Сунтаарым таабырыннара – саха аман өһө (Сунтарские загадки – заветное слово саха) [Бэчээккэ бэлэмнээтэ, текстол. быһаарыылары, ыйынныктары онордо А.Н. Данилова]. Дьокуускай, 2014. 196 с.

Соколов-Тулуksан Э. Чабылхай олобо: ахтылар, айымньылар (Яркая жизнь Э. Соколова-Тулуksан: воспоминания, произведения) [Хомуйан бэчээккэ бэлэмнээтилэр: К.Д. Соколова, М.Э. Соколова; эппиэттиир эрдээктэр: О.В. Захарова; киириитылы суруйда А.В. Григорьев; аан тыл автора К.Д. Соколова-Таммах Өксүү]. Дьокуускай: Дани-Алмас, 2019. 115 с.

Токумова К.П. Төрөөбүт дойдубут эмтээх үүнээйилэрэ (Лекарственные растения родной земли) [3-с таһаарыы, уларыыылаах; Клара Токумова, Петр Токумов]. Дьокуускай: Бичик, 2019. 160 с.

Словари:

БМРС 1951 – Бурят-монгольско-русский словарь: Около 25000 слов: С прил. краткого граммати. справочника по бурят-монгол. яз. [Под ред. Ц.Б. Цыдендамбаева. Сост. К.М. Черемисов]. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1951. 852 с.

БТСЯЯ 2007 – Большой толковый словарь якутского языка: в 13 т. Т. IV: (Буква К) [Под ред. П.А. Слепцова]. Новосибирск: Наука, 2007. 672 с.

БТСЯЯ 2009 – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. VI: Буквы Л, М, Н [Под ред. П.А. Слепцова]. Новосибирск: Наука, 2009. 519 с.

БТСЯЯ 2010 – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. VII: Буквы Нь, О, Ө, П [Под ред. П.А. Слепцова]. Новосибирск: Наука, 2010. 519 с.

БТСЯЯ 2013 – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. X: Буква Т: т – төһүүлээ [Под ред. П.А. Слепцова]. Новосибирск: Наука, 2013. 575 с.

БТСЯЯ 2014 – Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XI: Буква Т: төтөллөөх – тээтэннээ [Под ред. П.А. Слепцова]. Новосибирск: Наука, 2014. 528 с.

ДСЯЗ 1976 – Диалектологический словарь якутского языка [Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев]. М.: Наука, 1976. 392 с.

ДСЯС 1995 – Диалектологический словарь языка саха: Дополнительный том [Сост. М.С. Воронкин, М.П. Алексеев, Ю.И. Васильев]. Новосибирск: ВО «Наука», 1995. 296 с.

Кручкин Ю.Н. Монгольско-русский словарь: более 70 тысяч слов и словосочетаний, 12-е издание. М.–Улан-Батор–Лос-Анджелес, 2013. 1260 с.

КЯРРЯС 2015 – Краткий якутско-русский, русско-якутский словарь: учебный словарь [Сост. Т.И. Петрова]. Якутск: Бичик, 2015. 576 с.

Макаров А.А. Краткий русско-якутский словарь биологических терминов. Якутск: Як. кн. изд-во, 1974. 63 с.

Мыреева А.Н. Эвенкийско-русский словарь // Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Т. 3. Новосибирск: Наука, 2004. 798 с.

Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. 2-е изд-е. Ленинград: Издание АН СССР, 1959. Т. I. 1278 стлб.; Т. II. 2010 стлб.; Т. III. 3858 стлб.

РЯСБТ 1993 – Русско-якутский словарь биологических терминов = Биология терминнэрин нууччалыы-сахалыы тылдьыта [Авторский коллектив: З.З. Борисов, Н.И. Борисова, В.Н. Винокуров и др.; под ред. Г.С. Угарова]. Якутск, 1993. 170 с.

References:

Afanas'ev P.S. *Govor verkhoyanskikh yakutov. Editor by E.I. Korkina* [Dialect of the Verkhoyansk Yakuts. *Otvettstvennyj redaktor E.I. Korkina*]. Yakutsk: Yakut book publ., 1965. 176 p. (In Russian)

Ammosova O.N. *Gipero-giponimicheskiy analiz leksemy "mas" v sovremennom yakutskom yazyke* [Hyper-hyponymic analysis of the lexeme "mas" in the modern Yakut language]. *Evdokiya Innokent'evna Korkina: biografika i interpretatsiya nauchnogo i*

tvorcheskogo naslediya. Sbornik nauchnykh statey [Ev-dokia Innokentievna Korkina: biography and interpretation of the scientific and creative heritage. Collection of scientific articles]. Yakutsk: the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2018. Pp. 234-237. (In Russian)

Ammosova O.N. Proiskhozhdenie nazvaniy rasteniy v yakutskom yazyke [The origin of plant names in the Yakut language]. *Nasledie predkov i sovremennyy tyurkskiy mir: yazykovye i kul'turnye aspekty: Materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya izvestnogo yakutskogo uchenogo-tyurkologa, doktora filologicheskikh nauk, professora Yakutskogo gosudarstvennogo universiteta im. M.K. Ammosova Nikolaya Klimovicha Antonova* [Heritage of ancestors and the modern Turkic world: linguistic and cultural aspects: Materials of the II International scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the birth of the famous Yakut scientist-Turkologist, Doctor of Philology, Professor of the Yakut State University named after. M.K. Ammosov Nikolai Klimovich Antonov]. Yakutsk: Northeastern Federal University Publ., 2020. Pp. 138-143. (In Russian)

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka. Pod redakciey P.A. Sleptsova [Great explanatory dictionary of the Yakut language. Edited by P.A. Sleptsov]. In 15 vols. Volume IV: Letter K. Novosibirsk: Science Publ., 2007. 672 p. (In Russian)

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka. Pod redakciey P.A. Sleptsova [Great explanatory dictionary of the Yakut language. Edited by P.A. Sleptsov]: in 15 vols. Volume VI: Letters L, M, N. Novosibirsk: Science Publ., 2009. 519 p. (In Russian)

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka. Pod redakciey P.A. Sleptsova [Great explanatory dictionary of the Yakut language. Edited by P.A. Sleptsov]: in 15 vols. Volume VII: Letters N', O, Ø, P. Novosibirsk: Science Publ., 2010. 519 p. (In Russian)

Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka. Pod redakciey P.A. Sleptsova [Great explanatory dictionary of the Yakut language. Edited by P.A. Sleptsov]: in 15 vols. Volume X: Letter T: t – tōhyylee. Novosibirsk: Science Publ., 2013. 575 p. (In Russian)

Bozhedonova A.E., Luginova O.A., Chirikova N.K. Farmakofitonimy Yakutii: printsipy nominatsii i komponentnyy sostav [Pharmacophytonyms of Yakutia: principles of nomination and component composition]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory and Practice]. 2021. Volume 14. Release 7. Pp. 2101–2107. (In Russian)

Burjat-mongol'sko-russkiy slovar': Okolo 25000 slov: S prilozheniem kratkogo grammaticheskogo spravochni-

ka po burjat-mongol'skomu jazykam. Pod redakciey C.B. Cydendambaeva. Sostavitel' K.M. Cheremisov [Buryat-Mongolian-Russian dictionary: About 25,000 words: With a brief grammar guide to the Buryat-Mongolian languages. Edited by Ts.B. Tsydendambaev. Compiled by K.M. Cheremisov]. Moscow: State Publ. of Foreign and National Dictionaries, 1951. 852 p. (In Russian)

Bydyryybet Myl'd'y Bəḡə [Undeclared Myulju Byogyo]: M.M. Kuobarap olonkholoobut olonkhoto. SASSØ tyly uonna kul'tuurany yereter-chinchiyer in-ta; khudozh. P.P. Romanov (Moskva). D'okuuskay: Sudaarystyba Sakha sirineejji becheettiir suuta, 1938. 494 p. (In Yakut)

Chirkoeva D.I. *Kategoriya prinadlezhnosti v sovremennom yakutskom yazyke* [The category of belonging in the modern Yakut language]. Yakutsk: North-Eastern Federal University Publ., 2013. 215 p. (In Russian)

Danilova N.I. *Kurs yakutskoy grammatiki: sistema morfologicheskikh kategoriy i sintaksicheskikh konstruktsiy: uchebnoe posobie dlya studentov filologicheskogo fakulteta Yakutskogo gosudarstvennogo universiteta*. N.I. Danilova, N.I. Popova, N.N. Efremov [Course of Yakut grammar: a system of morphological categories and syntactic constructions: textbook for students of the philological faculty of the Yakut State University. N.I. Danilova, N.I. Popova, N.N. Efremov]. Yakutsk: the Institute of Humanitarian Research of the Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia) Publ., 2004. 195 p. (In Russian)

Dialektologicheskiy slovar' yakutskogo yazyka. Sostaviteli P.S. Afanas'ev, M.S. Voronkin, M.P. Alekseev [Dialectological dictionary of the Yakut language. Compiled by P.S. Afanas'ev, M.S. Voronkin, M.P. Alekseev]. Moscow: Science Publ., 1976. 392 p. (In Russian)

Dialektologicheskiy slovar' yazyka Sakha: Dopolnitel'nyy tom. Sostaviteli M.S. Voronkin, M.P. Alekseev, Yu.I. Vasil'ev [Dialectological Dictionary of the Sakha Language: Additional volume. Compiled by M.S. Voronkin, M.P. Alekseev, Yu.I. Vasil'ev]. Novosibirsk: Science Publ., 1995. 296 p. (In Russian)

Dmitriev I.A.-Sien Cholboduk. *Keḡe kulgaḡa* [Cuckoo ear]. D'okuuskay: Bichik Publ., 2000. 160 p. (In Yakut)

Dubrovina S.Yu. *Russkaya botanicheskaya terminologiya v etnolingvisticheskom osveshchenii (na materiale nazvaniy rasteniy, obrazovannykh ot nazvaniy zhivotnykh i ptits): 10.02.01 avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk* [Russian botanical terminology in ethnolinguistic coverage (on the basis of plant names formed from the names of animals and birds): 10.02.01 dissertation abstract ... candidate of philological sciences]. Moscow, 1991. 23 p. (In Russian)

D'yoge Aanystyrap [Dyoge Aanystyrap]. Compiled by O.D. Fedorova, V.I. Alpekseev-Baasynay

- Basylay, G.A. Egorova, G.A. Savvinova. D'okuuskay: Bichik, 2013. 208 p. (In Yakut)
- Gogoleva P.A. *Yyneeyi sakhalyy aata* [Yakut plant names]. Kyrilgen. 2017. № 4 (57). Pp. 83–87. (In Yakut)
- Ionova O.V. Rastitel'naya pishcha yakutov [Vegetable food of the Yakuts]. *Sbornik statey i materialov po etnografii narodov Yakutii* [Collection of articles and materials on the ethnography of the peoples of Yakutia]. Yakutsk: Yakut book publ., 1961. Pp. 26–41. (In Russian)
- Ivanov I.I. *Suntaarym taabyrynnara – sakha aman oho* [Suntar riddles – the cherished word of the Sakha]. Becheekke belemneete, tekstol. byhaaryylary, yyyyn'yktary oҥordo A.N. Danilova. D'okuuskay, 2014. 196 p. (In Yakut)
- Kolosova V.B. *Leksika i simbolika slavyanskoy narodnoy botaniki. Etnolingvisticheskiy aspekt* [Vocabulary and symbols of Slavic folk botany. Ethnolinguistic aspect]. *Tradicionnaja duhovnaja kul'tura slavyan. Sovremennye issledovaniya* [Traditional spiritual culture of the Slavs. Modern research]. Moscow: "Indrik" Publ., 2009. 352 p. (In Russian)
- Koppaleva Yu.E. *Finskaya narodnaya leksika flory (stanovlenie i funktsionirovanie)* [Finnish folk vocabulary of flora (formation and functioning)]. Petrozavodsk: Publ. Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2007. 287 p. (In Russian)
- Korkina E.I. *Severo-vostochnaya dialektnaya zona yakutskogo yazyka. Otvetstvennyj redaktor N.N. Shirobokova* [Northeastern dialect zone of the Yakut language. Editor by N.N. Shirobokova]. Novosibirsk: Science Publ., 1992. 267 p. (In Russian)
- Kratkiy yakutsko-russkiy, russko-yakutskiy slovar': uchebnyy slovar'. *Sostavitel' T.I. Petrova* [Brief Yakut-Russian, Russian-Yakut Dictionary: educational dictionary. Compiled by T.I. Petrova]. Yakutsk: Bichik Publ., 2015. 576 p. (In Russian)
- Kruchkin Yu.N. *Mongol'sko-russkiy slovar': bolee 70 tysyach slov i slovosochetaniy* [Mongolian-Russian dictionary: more than 70 thousand words and phrases]. 12 edition. Moscow-Ulaanbaatar-Los Angeles, 2013. 1260 p. (In Russian)
- Kulakovskiy A.E. *Stat'i i materialy po yakutskomu yazyku. Predislovie i primechaniya N.S. Grigor'eva* [Articles and materials on the Yakut language. Foreword and notes by N.S. Grigoriev]. Yakutsk: Publ. of the YASSR, 1946. 150 p. (In Russian)
- Kuz'mina A.A. *Nazvaniya drev'ev i kustarnikov v yakutskom yazyke (sravnitel'nyy aspekt)* [Names of trees and shrubs in the Yakut language (comparative aspect)]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik* [North-Eastern Journal of Humanities]. 2016. № 4 (17). Pp. 99–106. (In Russian)
- Makarov A.A. *Kratkiy russko-yakutskiy slovar' biologicheskikh terminov* [Brief Russian-Yakut Dictionary of Biological Terms]. Yakutsk: Yakut book Publ., 1974. 63 p. (In Russian)
- Makarov A.A. *Lekarstvennye rasteniya Yakutii i perspektivy ikh osvoeniya* [Medicinal plants of Yakutia and prospects for their development]. Novosibirsk: Publ. of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2002. 264 p. (In Russian)
- Makarov A.A. *Rastitel'nye lechebnye sredstva yakutskoj narodnoy mediciny. Pod redakciej V.S. Sokolova* [Herbal remedies of the Yakut folk medicine. Edited by V.S. Sokolova]. Yakutsk: Yakut book Publ., 1974. 64 p. (In Russian)
- Myreeva A.N. *Evenkiysko-russkiy slovar'* [Evenk-Russian Dictionary]. Pamyatniki etnicheskoy kul'tury korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka [Monuments of the ethnic culture of the indigenous peoples of the North, Siberia and the Far East]. Volume 3. Novosibirsk: Science Publ., 2004. 798 p. (In Russian)
- Nasibullina M.R. *Zoonimicheskie komponenty v sisteme nazvaniy rasteniy udmurtskogo yazyka* [Zoonymic components in the system of plant names in the Udmurt language]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istoriya i filologiya* [Bulletin of the Udmurt University. History and Philology]. 2015. Volume 25. Release 5. Pp. 66–70. (In Russian)
- Okoneshnikov E.I. *Yazyk sakha: problemy leksikografii i terminografii: sbornik nauchnih statey. Otvetstvennyj redaktor N.I. Danilova, F.N. D'yachkovskiy, A.M. Nikolaeva. Sostaviteli: A.S. Akimova, R.N. Protod'yakonova* [Sakha language: problems of lexicography and terminography: collection of scientific articles. Editor by: N.I. Danilova, F.N. D'yachkovskiy, A.M. Nikolaeva. Compiled by: A.S. Akimova, R.N. Protod'yakonova]. Yakutsk: the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2015. 210 p. (In Russian)
- Opredelitel' vysshikh rasteniy Yakutii. Managing editor A.I. Tolmachev* [Key to higher plants of Yakutia. Editor by A.I. Tolmachev]. Novosibirsk: Science Publ. Siberian Branch, 1974. 543 p. (In Russian)
- Pekarskiy E.K. *Slovar' yakutskogo yazyka* [Dictionary of the Yakut language]. 2nd Edition. Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1959. Volume I. 1278 column; Volume II. 2010 column; Volume III. 3858 column. (In Russian)
- Rakin A.N. *Zoonimicheskiy komponent v sisteme nazvaniy rasteniy komi yazyka* [Zoonymic component in the system of plant names of the Komi language]. *Linguistica Uralica. Tallinn*. 2004. № 3. Pp. 179–187. (In Russian)
- Russko-yakutskiy slovar' biologicheskikh terminov. Avtorskiy kolektiv: Borisov Z.Z., Borisova N.I., Vinokurov*

V.N. i dr.; pod redakciej G.S. Ugarova [Russian-Yakut Dictionary of Biological Terms. Team of authors: Borisov Z.Z., Borisova N.I., Vinokurov V.N. and etc.; edited by G.S. Ugarova]. Yakutsk, 1993. 170 p. (In Russian)

Savvin A.A. *Pishcha yakutov do razvitiya zemledeliya (opyt istoriko-etnograficheskoy monografii)* [Yakuts Food before the development of agriculture (the experience of a historical and ethnographic monograph)]. Yakutsk: the Institute of Humanitarian Research of the Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia) Publ., 2005. 376 p. (In Russian)

Sokolov-Tuluskhan E. *Chaҕылkхай олоҕо: акһыылар, аһымн'ylar* [Bright life of E. Sokolov-Tuluskhan: memoirs, works]. Khomuyan becheekke belemneetiler: K.D. Sokolova, M.E. Sokolova; eppiettiir eredeekter: O.V. Zakharova; kiirii tyly suruyda A.V. Grigor'ev; aan tyl

avtora K.D. Sokolova-Tammakh Өксүү. D'okuuskay: Dani-Almas, 2019. 115 p. (In Yakut)

Tokumova K.P. *Tөрөөбүт дойдубут эмтеekh үүнөөйлөрө* [Medicinal plants of the native land]. 3-s tahaaryy, ulyyyyylaakh; Klara Tokumova, Petr Tokumov. D'okuuskay: Bichik Publ., 2019. 160 p. (In Yakut)

Vilyuyskiy A.S. *Doydubar min tynnaakh ergilliem* [I'll be back]: (Khohoon khomuurrunn'uga=Sbornik stikhotvoreniy). Khomuyan оҥордурар: T.S. Kirillin, S.T. Ruffov. D'okuuskay: Bichik Publ., 2003. 160 p. (In Yakut)

Yagafarova G.N. *Fitonimy s komponentami-zoonimami v bashkirskom yazyke* [Phytonyms with zoonym components in the Bashkir language]. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chita State University]. 2010. № 1 (58). Pp. 117–121. (In Russian)

E.R. Nikolaev

Dialect Semantics of the Plant (Phytonym) *keҕe kulgaaҕa* 'Cuckoo Ears' in the Yakut Language

Scientific novelty. The article deals with the dialect features of the name of the plant *keҕe kulgaaҕa* 'cuckoo ears' in the Yakut language. Dialectological, literary and artistic, journalistic sources have been studied. The relevance of the study is due to the need to clarify the definitions of dialect words. The rationale for this study is also the archaization of dialect plant names. *The aim* of the study is to describe the semantics and structure of the flower name *keҕe kulgaaҕa* 'cuckoo ears'. *The tasks* of the study: to determine the dialect features that formed the basis of the nomination of the plant; identification of lexemes that are dialectal homonyms; determination of the connection between the compound term and the principles of nomination. *Research methods.* The article uses comparative, structural, descriptive methods and lexical-semantic analysis. As a research material, the following were involved: explanatory and dialectological dictionaries of the Yakut language; information from informants collected by the author of the article in the course of field research in the Suntarsky and Namsky districts of the Republic of Sakha (Yakutia). *Results.* The plant name *keҕe kulgaaҕa* belongs to the category of compound nouns where both components have completely lost their lexical and grammatical independence. The semantics of the term is interpreted with the help of dialect materials and sources. The motivation for the nomination of a plant is based on associative links: arrival time and active cuckoo cuckooing; the appearance of the first snowdrops, the onset of the warm season. For the first time, the narrow local dialect word *lookuut* 'woodland anemone' has been identified and described. This term is not actively used in the Yakut language. The semantic field of the Yakut phytonyms *keҕe kulgaaҕa* 'cuckoo ears' is part of the dialect corpus of the Yakut language.

Keywords: Yakut language, dialect vocabulary, floral vocabulary, semantics, phytonyms, snowdrop, cuckoo's ear

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Л.Л. Габышева

DOI: 10.25693/SVG.2022.38.1.009

УДК 398.2(=512.1)

Мотив чудесной внешности героя: миф и реальность (на материале фольклора якутов и других тюркских народов)

Научная новизна заключается в новой интерпретации описания фольклорного персонажа, изображенного в соотношении частей его тела с небесными светилами. Исследователь на основе древнейшего принципа ориентации человека в пространстве по собственному телу вскрывает в указанных образах пространственную структуру, служащую мнемонической схемой информации о солнечно-лунном цикле, преломленной в соответствии с особенностями устного народного творчества.

Цель и задачи исследования. Целью исследования является выявление синкретичного характера фольклорных образов, за которыми стоит не только миф, но и практические знания народа об окружающем мире, в связи с чем автор видит одну из своих задач в реконструкции и раскодировании мнемонических схем фольклорных мотивов, тропов, образов, сохранивших первые наблюдения человека за перемещением по небосводу Солнца и Луны.

Методы исследования. Работа основана на актуальном междисциплинарном подходе: автор, используя лингвокультурный анализ, обращается вместе с тем к астрономическим справочникам, в которых зарегистрированы визуальные наблюдения человека за небесными светилами.

Результаты. Оппозиции луна/солнце, левый/правый, спина/грудь, задний/передний, запад/восток фольклористы рассматривают исключительно как мифологическую матрицу без учета синкретичной природы фольклора, образы которого способны синтезировать эмпирические знания народа о природе, переплетаясь с мифом и обретая эстетическую форму выражения. Автор интерпретирует мотив чудесной внешности, принимая во внимание функции соматизмов как экспликаторов пространственно-ориентационных значений, указывая на их регулярную полисемию в языках, как, к примеру, в якутском *арбаа* 'спина', 'задняя сторона', 'запад'. Согласно визуальным наблюдениям, если солнце всходит на востоке и заходит на западе, то «новорожденный» месяц появляется на западном горизонте слева от заходящего солнца и, пройдя все лунные фазы, исчезает (в мифологических терминах «умирает») на восточном небосклоне справа от восходящего дневного светила. Таким образом, в портретах богатыря, девы, изображении коня, основанных на оппозициях луна/солнце, левый/правый, спина/грудь, задний/передний, запад/восток, присутствует образ «молодого» месяца, символа рождения, роста и витальной силы. «Стареющий» месяц, как и соответствующая лунная фаза, связаны в культурах народов мира с представлением о смерти и множеством запретов.

© Габышева Л.Л., 2022

Ключевые слова: фольклор, тюркские языки, мотив чудесной внешности, ориентационные значения, солнечно-лунный цикл, пространственно-временные термины, образ, устная память

I. Введение. В связи с всевозрастающей значимостью проблемы понимания текста, удаленного от нас на значительное историческое расстояние, особую актуальность приобретает герменевтический аспект его изучения. «Всякая встреча с преданием, осуществляемая с исторической осознанностью, испытывает на себе напряжение, существующее между текстом и современностью» [Гадамер, 1998: 363]. Необходимость интерпретации мифопоэтического текста возникает вследствие не только его иносказательного, метафорического содержания и «смысла-отчуждения» (термин Х.-Г. Гадамера), которому неизбежно со временем он подвергается. Другим, не менее важным фактором являются особенности кодирования, организации и передачи устной информации диахронно из поколения в поколение. Языковая метафора, троп, мотив, формула, символ и т. д., кроме известных и хорошо описанных функций, служат элементами мнемонических структур устной коллективной памяти и способны сохранять в свернутом виде значительную информацию, перенося ее из одного хронологического пласта культуры в другой.

Целью исследования является выявление синкретичного характера фольклорных образов, за которыми стоит не только миф, но и эмпирические знания народа об окружающем мире, в связи с чем автор видит одну из своих задач в раскодировании и реконструкции мнемонических схем фольклорных формул, тропов, мотивов, образов, сохранивших первые наблюдения человека за перемещением по небосводу Солнца и Луны. Результаты исследования могут быть использованы как основа для дальнейших научных изысканий малоизученной проблемы семиотических механизмов устной традиции, а также при подготовке учебных материалов и программ по дисциплинам «Якутский фольклор», «Лингвофольклористика», «Сравнительное эпосоведение», спецкурсов и семинаров по устным традициям народов Сибири.

II. Материалы и методы. Материалом для статьи послужил фольклор якутов, алтайцев, хакасов, шорцев и других тюркских народов, в языках и культуре которых соматическая мета-

фора является базисной [Габышева, 2003: 14]. Объектом нашего исследования являются изображения героев фольклора, которые содержат номинации солнца и луны и строятся на основе отношений проекции между частями тела и небесными светилами. На материале фольклора якутов и других тюркских народов они до сих пор не были предметом специального изучения.

Ведущим аналитическим инструментом в работе стал междисциплинарный подход к изучению устного народного творчества; автор также использует лингвокультурный анализ, рассматривая язык как вербальный код культуры, тексты которой подлежат раскодированию и должны быть поняты во всем богатстве и неоднозначности своих смыслов.

III. Результаты. В эпических сказаниях якутов и других тюркских народов Сибири при изображении богатыря, его коня и прекрасной девы сказитель прибегает к солярным и лунарным символам. В одних портретах, которые условно назовем статичными, персонаж имеет изображения солнца и луны на той или иной части тела, в других – назовем их динамичными – его части тела соотнесены в движении с небесными светилами. Приведем как иллюстрацию статичного портрета описание богатыря из олонхо: *«Түөһүгэр күннээх, сүүһүгэр чолбонноох, кэтэбэр кэбэлээх, төбөтүн оройугар үргэллээх, көхсүгэр ыйдаах, дьылбэгэ дьирэң кыыллаах Түөнэ Дохсун Бухатыыр.* – С солнцем на груди, с Чолбоном на лбу, с кукушкой на затылке, с Плеядами на темени, с месяцем на спине, с бекасом на коленях Тюеня Дохсун богатырь» [Худяков, 1969: 280]. Текст содержит гиперболу и носит аллегорический характер, требующий интерпретации. Встречается и женский портрет, в котором дневное и ночное светила также связаны пространственной оппозицией грудь/спина: *«Арбаһыгар алта ыйдаах, түөһүгэр үс күннээх Аналдьыма-Мэнэлдьимэ Куо.* – Имеющая на спине шесть месяцев, на груди три солнца Аналдьыма-Мэнэлдьимэ Куо» [Емельянов, 2000: 63]. Подобные портреты фольклористы связывают с мотивом «чудесной внешности» героя или «чудесного ребенка», к примеру, в русских былинах и сказках девица

обещает, что родит Ивану-царевичу «сынов, что ни ясных соколов: во лбу солнце, а на затылке месяц¹, по бокам звезды» [Афанасьев, 1985: 296]. Изображения небесных светил на теле персонажа символизируют, по мнению специалистов, его светоносность и красоту [Топорков, 2005: 152], а мы добавим – особую силу, связанную с небесами.

Близкий по семантике мотив функционирует в алтайском эпосе в описании драгоценного скакуна, при этом солярные и лунарные знаки противопоставлены по признакам правый/левый: «Он <весь> сверкает, грива и хвост подобны пламени, хребет подобен золоту. Клыкастый драгоценный конь, с той стороны, где садятся (слева – Л.Г.), луноподобное тавро имеет, с той стороны, где плетью быют (справа – Л.Г.), солнцеподобное тавро имеет» [Маадай-Кара, 1973: 308].

В отличие от статичного, в динамичном портрете части тела персонажа не имеют изображений месяца и солнца, а соотносятся со светилами в пространстве при движении, при этом используются синонимичные глаголы со значениями ‘закрывать’, ‘заслонять’, ‘затмевать’. В шорском героическом эпосе употребляется формула, описывающая красавицу: «Лучи правого глаза ее свет солнечных лучей затмевают, лучи левого глаза ее свет лунных лучей затмевают²» [Алтын Сырык, 1998: 282]. Живописуя богатырского коня, хакасский сказитель прибегает к следующей гиперболе:

Аран чула ах көк ат

Аргазынан ай көлет парган,

Көксінен ат күлүгі

Күн көледіп турчададыр.

Бело-голубой конь-скакун

Спиною своей луну заслоняет,

Грудью своей конь-храбрец

Солнце заслоняет [Курбижеков, 1997: 351].

Ср. с описанием тувинской сказки: конь

стремительно спускается с небесной обители на землю, «глаз луны хвостом закрывая, глаз солнца гривой закрывая» [Хайындырынмай Багай-оола, 1994: 419].

И в статичных, и динамичных портретах модель тела, являясь центром системы ориентационных проекций в пространстве, задает его структуру, в которую вписаны образы солнца и луны. При этом происходит соотнесение микро- и макрокосма.

Очевидна связь структуры – передний/задний, правый/левый, солнце/луна, день³/ночь – с известной двоичной системой символических классификаторов, реконструированной на материале фольклора якутов и других тюркских народов. В указанной системе образ солнца соотнесен с востоком (передней стороной) и югом (правой стороной), утром и полднем, весной и летом, мужским началом, жизнью, светом и т. д., а луна – с рядом противоположных символов.

На наш взгляд, анализируемая структура имеет синкретичный характер, за ней стоит не только миф и концептуальная матрица описания мира; она хранит и передает первые наблюдения человека за движением небесных светил. В древнейших синкретических формах фольклора исследователи справедливо видят зачатки того, что позже в системе развитых и дифференцированных культур становится наукой, религией, искусством и т. д. [Леви-Строс, 1994: 129–130].

Обратимся к анализу портретов фольклорных персонажей, в которых образы солнца и луны связаны оппозицией грудь/спина.

Во многих культурах человек моделирует ориентацию предметов в пространстве, используя структуру своего тела как привычную модель ориентационных проекций. Это так называемая «*human-body part model*», т. е. модель, опирающаяся на топологию человеческого тела [Рахилина, 2000: 253].

¹В славянском материале вызывают интерес определенные совпадения с якутским портретом богатыря и девы, а именно пространственные оппозиции образов солнца и луны (впереди/сзади): «по локоть руки в золоте, по колено ноги в серебре, во лбу – красное солнце, в затылке – светел месяц, по косицам – чистые звезды, кудри жемчужные» [Русские народные..., 1979: 167].

²Указанное описание отчасти перекликается с мифологическим мотивом происхождения солнца и луны из правого и левого глаза первочеловека, божества, известным египетской, индийской, китайской и др. традициям. Связь солнца с глазом и зрением прослеживается в фольклоре многих народов мира, в том числе якутов [Габышева, 2018: 55].

³Слово **kün* обозначает в тюркских языках и солнце, и день. Характерно, что эвфемизмом луны в якутской речи служило имя *түүннү* ‘ночной’ [Павлова, 1998: 19].

А.Н. Кононов утверждает, что «в тюркских рунических памятниках начала VIII в. сохранились точные указания на то, что древние тюрки при определении своего положения на местности обращались лицом в сторону восходящего солнца»; эта позиция обозначалась формами, производными от слов *öң, il* ‘перед’ (ср. с якутским термином *илин* ‘перед, передняя часть чего-либо’, ‘восток’; ‘находящийся впереди кого-, чего-л.’). Далее автор, обращаясь к текстам орхон-енисейских памятников, приводит толкование антонимичных слов и выражений *ilgärj* (*öң* и др.) ‘вперед’ и *kirj* (*куруыгару* и др.) ‘назад’ как противопоставление восточной и западной сторон света; при этом тюрколог уточняет, что «нередко линейное обозначение (вперед, назад, направо, налево) сопровождалось указанием на положение солнца» [Кононов, 1978: 73–75]. Исходная позиция при ориентации в пространстве определила полисемию пространственных терминов, обозначающих восток и запад, которые различаются в древних и некоторых современных тюркских языках как ‘передняя’ и ‘задняя’ стороны [Там же: 74, 83–84]. Древнейшая сакральная система ориентации тюркских народов лицом в сторону восточной стороны, связанная с культом восходящего солнца, сохранилась полностью только в языках якутов и тофаларов¹: «якуты: *ilin, ilin* 1) ‘перед’, ‘передний’; 2) ‘восток’; *arğā, arğān, kälīn* 1) ‘тыл’, ‘зад’ ‘задний’; 2) ‘запад’ ...; тофалары: *burunγarγ* 1) ‘вперед’; 2) ‘восток’; *sonγarγ* 1) ‘назад’; 2) ‘запад’» [Там же: 73, 76].

Необходимо также отметить высокий смыслообразующий потенциал соматизмов². У слова *döñ* ‘грудь’ в турецком и его диалектах зарегистрировано значение ‘передняя сторона’ [Се-

вортян, 1980: 287]. Относительно полисемии номинаций спины, лингвисты пишут, что «перенос значений – ‘спина’ → ‘задняя часть’, ‘место позади’ – представляет собой регулярную многозначность в “человеко-ориентированной системе”» [Дыбо, 1996: 25]. В словарях современного якутского языка у слова *арбаа*, исторически восходящего к общетюркскому обозначению спины **arka*, отмечено значение ‘запад’ и как семантические архаизмы ‘спина’, ‘тыл, зад, задняя сторона чего-либо’³. Показательно, что дериватами соматизмов, обозначающих спину, являются служебные слова, выражающие пространственные значения ‘сзади’, ‘на задней стороне чего-либо’ и др. [Толковый словарь..., 2004: 547; Толковый словарь..., 2007: 221].

Итак, соматизмы, обозначающие грудь и спину, являются в тюркских языках лексическими средствами экспликации пространственных значений и способны в определенном контексте указывать на координаты восток и соответственно запад.

Возвращаясь к анализу аллегорического портрета героя, мы предполагаем, что его структуру, основанную на устойчивых оппозициях луна/солнце, спина/грудь, задняя сторона/передняя сторона, можно интерпретировать в контексте параллелизма микро- и макрокосма как связь образа солнца с восточной стороной, а месяца – с западной. Указанная связь получает мотивацию в связи с зарегистрированными визуальными наблюдениями человека за небесными телами. Если обратиться к астрономическим справочникам и сравнить видимые суточный и месячный циклы движения Солнца и Луны⁴, то светила имеют прямо противоположные локусы

¹Однако обычай строить жилище дверью на восток, а также ориентация обрядов, посвященных добрым небесным божествам, в сторону восходящего светила сохранились в культуре подавляющего большинства тюркских народов.

²Приведем один из вариантов инициальной формулы олонхо, в которой слово *арбаа* ‘спина’, образуя метафорическую проекцию, отсылает слушателя к далекому прошлому: «Урукку дьыл уоргатыгар, ааспыт дьыл арбаатыгар... – На хребте древних времен, на спине давних лет...». Внутренняя форма яркого метафорического образа олонхо становится прозрачной, если учесть, что в древних и современных тюркских языках слова, обозначающие спину, имеют ориентационное значение ‘задний’. Прошлое понимается как то, что находится позади (букв. за спиной), а будущее – впереди. Для сравнения укажем, что якутское слово *илин* ‘перед’ означает ‘будущее’.

³У другого обозначения спины *көбүс* также отмечено значение ‘тыльная (задняя) сторона чего-либо’.

⁴Сопоставление лунного цикла с движением Солнца составляет основу солнечно-лунного календаря, который был в употреблении у якутов и других тюркских народов. Кроме того, специалисты рассматривают сопоставление и отождествление в мифах и фольклоре разных временных циклов как календарную универсалию [Брагинская, 1991: 614].

появления и исчезновения из поля зрения наблюдателя (в мифологических терминах «рождения» и «умирания»). Как пишет П.Г. Куликовский, «после новолуния Луна видна на западе слева от заходящего Солнца в виде тонкого серпа, обращенного выпуклостью к Солнцу. Это – молодой, растущий месяц (напоминает букву Р, если соединить рога прямой линией). Перед новолунием серп Луны виден на востоке утром справа от восходящего Солнца. Это – старый месяц (напоминает букву С¹)» [Куликовский, 2002: 66].

В противоположность дневному светилу, которое каждый день рождается на востоке и заходит на западе, новая Луна, пройдя несколько фаз, «умирает» на восточной части неба с восходом солнца и возрождается через 1-2 суток на западном небосклоне поздним вечером. Кроме того, любителям астрономии известно, что «растущая Луна может быть хорошо видна в любой сезон года на западной части горизонта. Убывающая Луна также хорошо видна во все сезоны, но на восточной части горизонта» [Потемкина, 2016: 43].

Эти сведения преломились в соответствии с жанровой спецификой эпоса также в шорском фольклоре в мотиве пути эпических героев в страну Солнца-хана (*Кун қаан*), лежащую на востоке, и земли Луны-хана (*Ай-қаан*), расположенные на западе [Алтын Сырык, 1998: 415]. «Здесь солнце выступает антагонистом луны – восток называется стороной Кун-хана (Солнца-хана), а запад – стороной Ай-кана (Луны-хана) как отражение наблюдения древних тюрков за солнечно-лунным циклом», – отмечает Д.М. Токмашев, не раскрывая, однако, «астрономической» подоплеку мотива [Токмашев, 2012: 52].

Таким образом, одним из референтов анализируемых мотивов оказывается видимое движе-

ние по небосклону Солнца и Луны, в конечном итоге сведения об устройстве мира.

Перейдем к портретным изображениям фольклорных героев, основу структуры которых составляет оппозиция дневного светила ночному по признакам правый/левый². Это противопоставление – одна из главных мифологических оппозиций в культурах мира, известная со времен древнеегипетских священных текстов; она реконструирована и на материале мифологии, фольклора тюркских народов. Не отрицая связи данной структуры с двоичной системой символических классификаторов – правый/левый, солнце/луна, день/ночь, свет/тьма, жизнь/смерть и т. п. – мы предпримем попытку увидеть за мифом «астрономическую» реальность, а именно отражение наблюдений древних тюрков за солнечно-лунным циклом.

Согласно зарегистрированным визуальным наблюдениям, после новолуния луна видна слева от заходящего солнца в виде тонкого серпа, это – молодой, растущий месяц. В последней фазе убывающий месяц виден на востоке справа от восходящего солнца [Куликовский 2002: 66; см. Санько, 2001: 177]. В связи с этой информацией можно предположить, что в портретах прекрасной девы, драгоценного коня присутствует образ «молодого» месяца, символа рождения, роста и витальной силы. «Стареющий» месяц, как и соответствующая лунная фаза, ассоциируются в культуре народов мира, в том числе тюркских, с представлением о смерти (поедании, разрубании, разрывании месяца) и множеством суеверий и запретов. При старой луне хакасы, к примеру, делали поминки, камлали духам языческих культов и т. д. Другими словами, ни портрет девы, ни изображение скакуна, *alter ego* героя, не могли содержать образ «умирающего» месяца.

¹Сведения о видимом перемещении Солнца и Луны даны здесь и далее с точки зрения наблюдателя, находящегося на Северном полушарии.

²Показательно, что образы солнца и луны появляются в тексте при описании парных предметов: глаз, боков тела и т.п. Лексемы, обозначающие солнце и луну, могут выступать как парное слово в долганском, алтайском, хакасском, шорском и др. эпосах, например, *айлу-кундү Алтай* лунно-солнечный Алтай. Исследователи шорского эпоса отмечают, что оба светила используются как нерасчлененное понятие – атрибут Верхнего и Среднего миров [Токмашев, 2012: 51]. Напомним, что в эпиграфических формулах енисейских памятников слова *кун* солнце и *ай* луна тоже часто употребляются вместе: «*Кун ай азыдым жыта!* (я) не стал ощущать солнце (и) луну, увь!» [Малов, 1951: 26]. В мифах мира солнце и луна составляют неразрывное единство – как муж и жена, брат и сестра, жар и холод, огонь и вода, мужчина и женщина.

В заключение констатируем, что фольклорные образы способны синтезировать эмпирические знания человека о движении небесных светил, переплетаясь с мифом и обретая своеобразную художественную форму выражения. Как считают фольклористы, «фольклор – это всегда трансформация – сложная, подчас многоступенчатая – какого-либо аспекта действительности» [Путилов 1976: 9].

IV. Обсуждение. Известный мотив чудесной внешности, а также описание персонажа в соотношении с небесными светилами не рассматривались фольклористами с учетом функции соматизмов как экспликаторов пространственно-ориентационных значений, а также их регулярной полисемии типа ‘спина’ → ‘задняя часть’, ‘место позади’. Кроме того, в недостаточной степени учитывается синкретичный характер образов и мотивов устного народного творчества, вобравшего в себя и эмпирические знания народа об окружающем мире, а именно визуальные наблюдения за небесными телами. В.Я. Пропп писал, что «фольклор, как и всякое искусство, восходит к действительности. Даже самые фантастические образы фольклора имеют свою основу в реальной действительности... Формы и содержание этого отражения различны в зависимости от эпохи и жанра» [Пропп, 1976: 115].

В условиях бесписьменного социума сведения о лунно-солнечном цикле как социально значимая информация были компактно «упакованы» и сохранены в образах, мотивах, тропах, формулах, в которых светила связаны пространственными оппозициями правый/левый, передний/задний – в конечном счете восток/запад. Их структуру можно описать как свернутую мнемоническую схему информации, хранящейся в устной памяти коллектива. Компрессия смысла достигается путем использования готовых, к тому же хорошо известных матриц, заключающих в себе структуру универсума, в данном случае – образа тела, который служил не только центром системы ориентационных проекций, но и универсальным образцом для построения

модели пространства, времени, календаря¹, как в языке, так и культуре якутов и тюркских народов [Габышева, 2003: 8–36]. Заметим, что принцип соотнесения анатомического строения тела и структуры космического топоса является основополагающим и для шаманских атрибутов, обрядов и камланий.

Сознание человека, антропоцентрическое по своей природе, создает образ мира, в котором центром системы ориентационных проекций служит собственное тело. «Изоморфизм пространственных отношений и частей человеческого тела», представление универсума «в зоо- и антропоморфических терминах» специалисты расценивают как универсальную мифологическую метафору [Мелетинский, 2000: 165]; с ней сопряжены такие мотивы в мировом фольклоре, как сотворение мироздания из частей тела первочеловека (бога, шамана, первой жертвы) и создание из космических стихий самого человека, имеющего, по якутским мифам, «происхождение от солнца и месяца *кунтэн-ыйтан төрүттээх*».

V. Заключение. Человек традиционной культуры осмысливал пространство и время в единстве через образы движущихся небесных светил. По движению Солнца, Луны и звезд якуты определяли время и изменение погоды, ориентировались по местности, отличая при этом звезды (*сулус*) от планет (*чолбон*), выделяли метеориты (*сындыыс сулустар*) и т. д. [Макаров, 1983: 10–11]. Устное народное творчество было тесно связано не только с мифологией, верованиями народа, историческими событиями, но и с его трудовой деятельностью, своеобразно трансформируя его знания об окружающем мире. Как показал анализ, референтом фольклорных образов и мотивов оказывается видимое движение по небосклону Солнца и Луны, в конечном итоге, сведения об устройстве мира. В мифе, по справедливому утверждению А.Ф. Лосева, «нет ровно ничего случайного, ненужного, произвольного, выдуманного...» [Лосев 1990: 6]. Мифологические структуры явля-

¹ Человек использует структуру тела как привычную модель ориентационных проекций не только в пространстве, но и во времени. Так, у народов алтайской языковой макросемьи известна связь системы измерения времени (календаря) со счетом по частям тела. У эвенов и эвенков был принят календарь из тринадцати лунных месяцев, которые они считали «по голове и рукам»; начало года – макушка головы, следующий месяц – левое плечо и т. д. [Туголуков, 1969: 92; Алексеев, 1993: 8] У монгольских народов был в употреблении счет времени по фалангам пальцев и другим частям тела [Викторова, 1980: 68].

ются «мыслящими структурами»; они «для своей “работы” требуют интеллектуального собеседника», осведомленного в самых различных областях жизни [Лотман, 1996: 351]. О широких познаниях древнего человека в области астрономии пишут современные ученые, посвящая свои труды такой относительно молодой науке, как археоастрономия [Астрономия древних обществ, 2002].

«Мир устной памяти насыщен символами. Может показаться парадоксом, что появление письменности не усложнило, а упростило семиотическую структуру культуры» [Лотман, 1996: 351]. Тропы, мотивы, образы, формулы обладают способностью сохранять память о своих культурно-исторических контекстах, в которых они приобретают осмысленность и мотивированность. Являясь посредником между синхронией и диахронией фольклорного текста, они способны переносить информацию в свернутом виде из одного хронологического пласта культуры в другой.

Список литературы:

- Алексеев А.А. Забытый мир предков: очерки традиционного мировоззрения эвенов Северо-Западного Верхоянья. Якутск: Ситим, 1993. 99 с.
- Алтын Сырык // Шорские героические сказания: Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 17. М., Новосибирск: Наука, 1998. С. 322–436.
- Астрономия древних обществ [Отв. ред. Т.М. Потемкина, В.Н. Обридко]. М.: Наука, 2002. 334 с.
- Афанасьев А.Н. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в трех томах: Литературные памятники. Том 2. М.: Наука, 1985. 539 с.
- Брагинская Н.В. Календарь // Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х т. [Под ред. С.А. Токарева]. Т.1. М., 1991. С. 612–615.
- Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М., 1980. 222 с.
- Габышева Л.Л. Метафорика света и тьмы в языке и фольклоре якутов // Русистика на Северо-Востоке России и в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: инновационные практики: Сб. материалов IV Междунар. очн.-заоч. науч.-практ. конф. Чебоксары: ИД «Среда», 2018. С. 49–56.
- Габышева Л.Л. Слово в контексте мифопоэтической картины мира (на материале языка и культуры якутов): Чтения по истории и теории культуры. Вып. 38. М.: Российский гос.гуманит. ун-т, 2003. 192 с.
- Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 696 с.
- Дыбо А. В. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). М., 1996. 390 с.
- Емельянов Н.В. Сюжеты олонхо о защитниках племени. Новосибирск, 2000. 188 с.
- Кононов А.Н. Способы и термины определения стран света у тюркских народов // Тюркологический сборник-1974. М., 1978. С. 72–89.
- Куликовский П. Г. Справочник любителя астрономии [Под ред. В.Г. Сурдина]. Изд. 5-е, перераб. и полн. обновл. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 688 с.
- Курбижеков П. В. Хакасский героический эпос «Ай Хуучин»: Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока [Сказитель П.В. Курбижеков, запись и подготовка текста, перевод, вступ. статья, примеч. и коммент. прил. В.Е. Майногашевой]. Новосибирск: Наука, 1997. С. 61–423.
- Леви-Строс К. Первобытное мышление [Пер., вступ. ст. и прим. А.Б. Островского]. М.: Республика, 1994. 384 с.
- Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Правда, 1990. 429 с.
- Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
- Маадай-Кара. Алтайский героический эпос: Эпос народов СССР [Сказитель А.Г. Калкин]. М.: Гл. редакция восточной литературы изд-ва «Наука», 1973. С. 61–461.
- Макаров Д. С. Народная мудрость: знания и представления. Якутск: Якутское книжное издательство, 1983. 120 с.
- Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования [Под ред. С.Е. Малова]. М.; Л., 1951. 452 с.
- Мелетинский Е.М. Поэтика мифа: Исследования по фольклору и мифологии Востока. 3-е изд. М.: Восточная лит-ра РАН, 2000. 407 с.
- Павлова И.П. Системная организация словаря якутских эвфемизмов. Якутск, 1998. 23 с.
- Потемкина Т.М. Небо на скалах Онежского озера // Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2016. № 4(1). С. 19–80.
- Пропп В.Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. М.: Наука, 1976. 325 с.
- Путилов Б.Н. Предисловие // Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. С. 7–15.
- Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000. 416 с.
- Русские народные сказки Сибири о богатырях / сост. Р.П. Матвеева. Новосибирск: Наука, 1979. 303 с.

Токмашев Д.М. Категория пространства в шорском героическом эпосе: лингвокультурологический аспект // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. №3 (19). С. 40–58.

Топорков А.Л. Мотив «чудесного одевания» в русских заговорах XVII-XVIII вв. / Заговорный текст. Генезис и структура. Сер. Структура текста. М., 2005. С. 143–174.

Туголуков В.А. Следопыты верхом на оленях. М.: Наука, 1969. 215 с.

Хайндырынмай Багай-оола // Тувинские народные сказки: Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1994. С. 50–225.

Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа. Л.: Наука, 1969. 440 с.

Словари:

Санько Н.Ф. Вселенная и человек (словарь в помощь космическому самообразованию). М., 2001. 218 с.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на буквы “В”, “Г”, “Д”). М.: Наука, 1980. 389 с.

Толковый словарь якутского языка: В 15 т. Т. 1. (Буква А) / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. 680 с.

Толковый словарь якутского языка: В 15 т. Т. 4. (Буква К) / Под ред. П.А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2007. 708 с.

References:

Afanas'ev A. N. *Narodnye russkie skazki A. N. Afanas'eva v trekh tomah: Literaturnye pamyatniki* [Folk Russian fairy tales by A. N. Afanasiev in three volumes: Literary monuments]. Volum 2. Moscow: Science Publ., 1985. 539 p. (In Russian)

Alekseev A.A. *Zabytyj mir predkov: ocherki tradicionnogo mirovozzreniya evenov Severo-zapadnogo Verhoyan'ya* [The Forgotten World of Ancestors: Essays on the Traditional Worldview of the Evens of Northwestern Verkhoyansk]. Yakutsk: Sitim Publ., 1993. 99 p. (In Russian)

Altyn Syryk [Altyn Syryk]. *Shorskie geroicheskie skazaniya. Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Shor heroic tales. Folklore Monuments of Siberia and Far East]. Volum 17. Moscow, Novosibirsk: Science Publ., 1998. Pp. 322-436. (In Russian and Shor)

Astronomiya drevnih obshchestv. Otvetstvennyy redaktor T.M. Potemkina, V.N. Obridko [Astronomy of ancient societies. Edited by T.M. Potemkina, V.N.

Obridko]. Moscow: Science Publ., 2002. 334 p. (In Russian)

Braginskaya N. V. *Kalendar' [Calendar]. Mify narodov mira: Entsiklopediya v 2-kh tomah. Pod redaktsiey S.A. Tokareva* [Myths of the peoples of the world: Encyclopedia in 2 volumes. Edited by S.A. Tokarev]. Volum 1. Moscow, 1991. Pp. 612-615. (In Russian)

Dybo A.V. *Semanticheskaya rekonstruktsiya v altayskoy etimologii. Somaticheskiye terminy (plechevoy poyas)* [Semantic reconstruction in Altaic etymology. Somatic terms (shoulder girdle)]. Moscow: Science Publ., 1996. 390 p. (In Russian)

Gadamer H.-G. *Istina i metod*. [Truth and method]. Moscow: Progress Publ., 1988. 696 p. (In Russian)

Gabysheva L.L. *Metaforika sveta i t'my v yazyke i fol'klоре yakutov* [Metaphor of light and darkness in the language and folklore of the Yakuts]. *Rusistika na Severo-Vostoke Rossii i v stranakh Aziatsko-Tikhookeanskogo regiona: innovatsionnyye praktiki. Sbornik materialov IV Mezhdunarodnoi ochno-zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferencii* [Russian studies in the North-East of Russia and in the countries of the Asia-Pacific region: innovative practices: Collection of materials of the IV International part-time scientific and practical conference]. Cheboksary: “Sreda” Publ. 2018. Pp. 49-56. (In Russian)

Gabysheva L.L. *Slovo v kontekste mifopoeticheskoi kartiny mira (na materiale yazyka i kultury yakutov): Chteniya po istorii i teorii kul'tury* [The word in the context of the mythopoetic worldview (based on the language and culture of the Yakuts): Readings on the history and theory of culture]. Issue 38. Moscow: Russian State Humanitarian. un-t Publ., 2003. 192 p. (In Russian)

Khayndyrynmai Bagai-oola [Khayndyrynmai Bagai-oola]. *Tuvinskie skazki: Pamyatniki folkloru narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Tuvan Tales: Folklore Monuments of Siberia and Far East]. Novosibirsk: Science Publ., 1994. Pp. 50 - 225. (In Tuva and Russian)

Khudyakov I.A. *Kratkoe opisaniye Verkhoyanskogo okruga* [Review of Verkhoyansk District]. Leningrad: Science Publ., 1969. 440 p. (In Russian)

Kononov A.N. *Sposoby i terminy opredeleniya stran sveta u tyurkskikh narodov* [Means and Terms of Defining Parts of the World in Turkic Peoples]. *Tyurkologicheskii sbornik-1974* [Turkic Collection-1974]. Moscow, 1978. Pp. 72-89. (In Russian)

Kulikovskiy P.G. *Spravochnik lyubitelya astronomii Pod redaktsiey V.G. Surdina* [Reference book for amateur astronomy. Edited by V.G. Surdina]. 5th edition, revised and completely updated. Moscow: Editorial URSS Publ., 2002. 688 p. (In Russian)

Kurbizhekov P.V. *Khakasiiy geroicheskiy epos “Ay Khuuchin”: Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka. Skazitel' P. V. Kurbizhekov, zapis' i*

- podgotovka teksta, perevod, vstupitel'naya stat'ya, primechaniya i kommentariy prilozheniya V.E. Mainogashevoy* [Khakassian heroic epic "Ai Khuuchin". Storyteller P.V. Kurbizhekov, recording and preparation of the text, translation, introduction. article, note and comment by V.E. Mainogasheva]. Novosibirsk: Science Publ., 1997. Pp. 61–423. (In Russian)
- Levi-Stros K. *Pervobytnoye myshleniye* [Primitive thinking]. Moscow: Respublika Publ., 1994. 384 p. (In Russian)
- Losev A.F. *Dialektika mifa* [Dialectic of myth]. Moscow: Pravda Publ, 1990. 429 p. (In Russian)
- Lotman Yu.M. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. Moscow: Languages of Russian culture Publ., 1996. 464 p. (In Russian)
- Maaday-Kara. *Altayskiy geroicheskiy epos: Epos narodov SSSR. Skazitel'* [Maadai-Kara. Altai heroic epic: Epos of the peoples of the USSR. Narrator A.G. Culkin]. Moscow: Science Pub., 1973. Pp. 61–461. (In Russian)
- Makarov D.S. *Narodnaya mudrost': znaniya i predstavleniya* [Folk wisdom: knowledge and ideas]. Yakutsk: Yakut book publ., 1983. 120 p. (In Altai and Russian)
- Malov S.E. *Pamyatniki drevneturkskoi pismennosti* [Monuments of the Ancient Turkic Writing: Texts and Studies]. Moscow, 1951. 452 p. (In Russian)
- Meletinsky E.M. *Poetika mifa: Issledovaniya po fol'kloru i mifologii Vostoka* [Poetics of Myth: Studies in Folklore and Mythology of the East]. 3rd edition. Moscow: Vostochnaya Literatura RAN Publ., 2000. 407 p. (In Russian)
- Pavlova I.P. *Sistemnaya organizatsiya slovaryakutskikh evfemizmov* [System organization of the dictionary of Yakut euphemisms]. Yakutsk, 1998. 23 p. (In Russian)
- Potemkina T.M. *Nebo na skalakh Onezhskogo ozera* [The sky on the rocks of Lake Onega]. Archaeoastronomy and Ancient Technologies. 2016, №4(1). P. 19-80.
- Propp V.YA. *Fol'klor i deystvitel'nost'. Izbrannyye stat'i* [Folklore and reality. Selected articles]. Moscow, Science Publ., 1976. 325 p.
- Putilov B.N. *Predisloviye* [Foreword]. *Propp V.YA. Fol'klor i deystvitel'nost'. Izbrannyye stat'i* [Folklore and reality. Selected articles]. Moscow, Science Publ., 1976. P. 7-15.
- Rakhilina E.V. *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetayemost'* [Cognitive analysis of subject names: semantics and compatibility]. Moscow: Russian dictionaries Publ, 2000. 416 p. (In Russian)
- Russkiye narodnyye skazki Sibiri o bogatyryakh* [Russian folk tales of Siberia about the heroes. Comp. R.P. Matveev]. Novosibirsk: Science Publ., 1979. 303 p. (In Russian)
- San'ko N.F. *Vselennaya i chelovek (slovar' v pomoshch' kosmicheskomu samoobrazovaniyu)* [The Universe and Man (a dictionary to help space self-education)]. Moscow, 2001. 218 p. (In Russian)
- Sevortian E.V. *Etimologicheskii slovar tyurkskikh yazykov (Obshetyurkskie i mezhtyurkskie osnovy na bukvy 'V', 'G', 'D')* [Etymology Dictionary of Turkic Languages (common Turkic and inter-Turkic bases on the letters 'V', 'G', 'D')]. Moscow, 1980. 389 p. (In Russian)
- Tokmashev D. M. *Kategoriya prostranstva v shorskom geroicheskom epose: lingvokul'turologicheskiy aspekt* [Category of space in the Shor heroic epic: linguoculturological aspect]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya* [Bulletin of the Tomsk State University. Philology]. 2012. №3 (19). Pp. 40-58. (In Russian)
- Tolkovyy slovar'yakutskogo yazyka: V 15 t.* [Explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 volumes]. T. 1. (Bukva A) [Letter A]. Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk: Nauka, 2004. 680 p. (In Yakut and Russian)
- Tolkovyy slovar'yakutskogo yazyka: V 15 t.* [Explanatory dictionary of the Yakut language: in 15 volumes]. T. 4. (Bukva K) [Letter K]. Novosibirsk: Nauka, 2007. 708 p. (In Yakut and Russian)
- Toporkov A. L. *Motiv "chudesnogo odevaniya" v russkikh zagovorakh XVII-XVIII vekah* [The motive of "wonderful dressing" in Russian incantations of the 17th-18th centuries]. *Zagovornyy tekst. Genezis i struktura. Seriya Struktura teksta* [Incantation text. Genesis and structure. Series the structure of the text]. Moscow, 2005. Pp. 143–174. (In Russian)
- Tugolukov V.A. *Sledopyty verkhom na olenyakh* [Pathfinders riding deer]. Moscow: Science Publ., 1969. 215 p. (In Russian)
- Viktorova L.L. *Mongoly. Proiskhozhdeniye naroda i istoki kul'tury* [Mongols. The origin of the people and the origins of culture]. Moscow, 1980. 222 p. (In Russian)
- Yemel'yanov N.V. *Syuzhety olonkho o zashchitnikakh plemeni* [Plots of olonkho about the defenders of the tribe]. Novosibirsk: Science Publ., 2000. 188 p. (In Russian)

The Motive of the Hero's Wonderful Appearance: Myth and Reality (Folklore of the Yakuts and other Turkic Peoples)

Scientific novelty lies in a new interpretation of the description of the folklore character depicted in the correlation of parts of his body with heavenly bodies. The researcher based on the ancient principle of a person's orientation in space according to his own body reveals in these images a spatial structure that serves as a mnemonic scheme of information about the solar-lunar cycle, refracted in accordance with the characteristics of oral folk art.

The aim and tasks. The aim of the study is to identify the syncretic nature of folklore images behind which is not only a myth, but also the practical knowledge of the people about the world around us in connection with which the author sees one of her tasks in the reconstruction and decoding of mnemonic schemes of folklore motifs, tropes, images that have preserved the first human observation of the movement of the sun and moon in the sky.

Research methods. The study is based on an up-to-date interdisciplinary approach: the author used linguistic and cultural analysis, at the same time refers to astronomical reference books in which human visual observations of celestial bodies are recorded.

Results. Oppositions moon/sun, left/right, back/chest, back/front, west/east folklorists consider exclusively as a mythological matrix without taking into account the syncretic nature of folklore. The images are able to synthesize the empirical knowledge of the people about nature, intertwining with myth and acquiring an aesthetic form of expression. The author interprets the motif of a wonderful appearance, taking into account the functions of somatisms as explicators of spatial-orientational meanings, pointing out their regular polysemy in languages for example in the Yakut language арҕаа 'back', 'back side', 'west'. According to visual observations if the Sun rises in the east and sets in the west, then the "newborn" month appears on the western horizon to the left of the setting Sun and having passed all the lunar phases, disappears (in mythological terms "dies") in the eastern sky to the right of the rising daytime heavenly bodies. Thus, in the portraits of the hero, the virgin, the image of the horse, based on the oppositions moon/sun, left/right, back/chest, back/front and west/east there is an image of the "young" month, a symbol of birth, growth and vital strength. The "aging" month as well as the corresponding lunar phase is associated in the cultures of the peoples of the world with the idea of death and many prohibitions.

Keywords folklore, Turkic languages, wonderful appearance motif, orientation meanings, solar-lunar cycle, space-time terms, image, oral memory.

Л.Н. Павлова

DOI: 10.25693/SVGV.2022.38.1.010
УДК 808.2

Жанрово-стилистические особенности рассказов Л. Винс и Ю. Шурупова: взгляд литературного редактора

Научная новизна. В данной статье рассматриваются такие проблемы современной малой прозы Якутии, как жанровое замещение и стилистико-композиционные особенности текстов произведений якутских писателей на русском языке. Актуальность исследования обусловлена наблюдаемой в современной литературной прозе тенденции жанрового смешения и смещения. Безусловно, данный процесс трансформации является нормальным явлением не только в литературе, но и в публицистике. Однако иногда изменение жанров носит стихийный характер и является следствием небрежного, необдуманного отношения к форме текста, что не только снижает

© Павлова Л.Н., 2022

качество материала, но и недопустимо в литературном произведении. Рассказы авторов, публикуемые в якутском республиканском литературно-художественном журнале «Полярная звезда», вызывают исследовательский интерес как часть современного литературного и публицистического процесса и пока не подвергались исследованию. Необходимо отметить, что с жанрово-стилистической точки зрения произведения якутских прозаиков, пишущих на русском языке, требуют со стороны литературных редакторов пристального внимания и скрупулезного совместного с авторами литературного редактирования.

Цель и задачи исследования. В статье преследуется цель выявить диссонанс между географическим и временным масштабом повествования, композиционными особенностями исследуемых произведений и жанром рассказа. Для достижения цели были рассмотрены пространственно-временные координаты в произведении; проанализированы композиционные, стилистические особенности текстов; изучена логическая стройность, типы изложения, грамматическое оформление текстов. Также особое внимание было обращено на приемы стилизации и композиционного конструирования текста.

Методы исследования. В работе использованы структурно-жанровый и стилистический виды анализа, предполагающего изучение текста с точки зрения соответствия/несоответствия жанру выбранных автором пространственно-временных рамок, фактического материала, стилистических средств [Павлова, 2009].

Результаты. Наряду с уникальным историческим или этническим материалом, легшим в основу анализируемых рассказов, в текстах наблюдается тенденция к сокращению объема, практически механическому разрыву ткани повествования. Несовпадение пространственно-временных рамок и фактического материала выбранной жанровой форме приводит к серьезным творческим потерям: идейный замысел автора не раскрывается в полном объеме в рамках, например, рассказа. Анализ композиционных и стилистических особенностей текстов якутских писателей показал, что в анализируемых рассказах совокупность языковых элементов не всегда соответствует выбранному жанру, а временные рамки зачастую предполагают иное жанровое воплощение. Если композиционные проблемы текста являются следствием неверного авторского решения или некоторой небрежности, то наличие грамматических и стилистических недочетов в текстах анализируемых литературных произведений, опубликованных в журнале, свидетельствует о недостатках в работе редакторского коллектива.

Ключевые слова: жанр, жанровое замещение, жанровое смещение, хронотоп, композиция, сюжетная линия, жанровая контаминация, логические ошибки, жанровая специфика

I. Введение. Предлагаемый публике контент литературно-художественного журнала «Полярная звезда» разнообразен с жанровой и типологической точки зрения: стихотворения, рассказы, повести, эссе, публицистические материалы. Объектом исследования послужили прозаические произведения на русском языке якутских писателей – рассказы, опубликованные в якутском республиканском литературно-художественном журнале «Полярная звезда» в 2016–2017 гг. Предметом данного исследования является некачественный контент, представленный аудитории. Данная проблема должна рассматриваться с учетом двух основных аспектов: результат авторского решения и проработки текста и работа редакции, включающая этапы отбора материала, редактирования, совместной работы с автором с целью устранения недочетов текста на всех уровнях языка и иных категорий текста.

II. Материалы и методы исследования. В статье был применен метод структурно-жанро-

вого и стилистического анализа текста. За основу был взят исключительно принцип взаимосвязи жанра и стилистических параметров текста. Материалом исследования послужили рассказы, опубликованные в литературном журнале «Полярная звезда» в 2016–2017 гг. В качестве иллюстративного материала в статье представлены два произведения: рассказ Л. Винс «Перекрестки» [Винс, 2016] и рассказ Ю. Шурупова «Тельняшка под рясою» [Шурупов, 2016].

III. Результаты. Оба текста, на наш взгляд, ярко иллюстрируют такое явление, как замещение жанров: вместо повести авторами было принято решение написать рассказ, что нельзя назвать правильным.

Рассмотрим рассказ Л. Винс «Перекрестки», который представляет собой повествование о любви русской крестьянки и пленного немца в послевоенной сибирской деревне. Для определения жанровой специфики текста изучим в первую очередь композиционные особенности.

Авторская идея реализована в линейной композиции, сюжетные линии пересекаются в конце рассказа, гармонично иллюстрируя название произведения. Основные сюжетные линии (линия Таисии Щукиной, линия Ивана Щукина, линия Роберта Вольфа) развиваются параллельно, затем прерванная линия Ивана находит отражение на втором плане линии Таисии. Пересечение всех сюжетных линий происходит в момент знакомства Таисии и Роберта. Слова председателя колхоза – «Жизнь – она штука такая, перекрестная» – в конце рассказа как бы подтверждают идейный замысел автора.

Отметим, что именно композиционное построение произведения не соответствует выбранному жанру. Разумеется, в рассказе присутствует категория прошлого и настоящего, но основной системой координат является герой в данный момент. «В момент коммуникации время и пространство, в которых находится говорящий, противопоставлены времени и пространству прошлого или будущего. Противопоставление координат настоящего и прошлого, настоящего и будущего находит отражение в отборе языковых средств: говорящий пытается закрепить себя в том или ином времени или пространстве с помощью этих параметров» [Волошина, 2011: 16]. Хронотоп рассказа предполагает ограниченные временные и пространственные рамки, автор же представила жизнь главной героини на протяжении девяти лет. Сложный, полный драматических переживаний период не только для Таисии, но и для Роберта трудно отразить в рамках рассказа. Прорисовка сюжетных линий Ивана и Таисии позволила бы раскрыть внутренний мир героев, их взаимоотношения, образы обрели бы объем. Тема пленных немцев, оставшихся в СССР после войны, также заслуживает более тщательной прорисовки и отражения в более крупных формах. Возможно, авторская задумка нашла бы полное воплощение в жанре повести.

В жанре рассказа автору следовало остановиться на одном небольшом эпизоде, например, на ситуации выбора, который делает Таисия в любовной истории с Робертом. Краткие воспоминания героини о муже, жизни во время и после войны можно было бы сочетать с воспоминаниями бывшего пленного. Прием ретроспективы объяснил бы эпизодичность воспомина-

ний, краткость изложения. В таком случае все жанровые требования были бы соблюдены.

Пространственно-временные рамки рассказа широки: девять лет (во время и после ВОВ), от Украины (г. Львов) до Сибири (д. Возвышенка Кемеровской области). Время в рассказе сжато до предела. В первый день (один из дней июля 1944 года) произошли события, определяющие завязку рассказа: гибель Ивана, пленение Роберта, описание быта Таисии. Далее следует описание событий ноябрьского дня 1944 года: получение извещения о гибели Ивана. Затем следует два абзаца, в которых кратко описаны девять лет вдовства Таисии. Данный прием представляется сомнительным, если учесть, что описание в перечисленных отрывках ведется без смены глагольного времени (использованы глаголы прошедшего времени совершенного вида, что создает иллюзию происходящего здесь и сейчас). Автору следовало обратить внимание на этот аспект, чтобы разграничить временной план, сделать заметным переход от описания ретроспективного к описанию в настоящем времени. Это позволило бы расширить временные рамки в рассказе: ретроспектива только «углубила» бы временной план повествования. При этом необходимо отметить и легкость восприятия рассказа, которая отчасти объясняется использованием глаголов в прошедшем времени совершенного вида, что создает эффект настоящего времени. Читатель погружается в атмосферу происходящего здесь и сейчас, наблюдает за жизнью героев в непосредственной близости. Этому способствует и детальная прорисовка действий героев.

Со стилистической точки зрения текст доступен, однако не лишен недочетов. Особого внимания требуют диалоги персонажей, поскольку в рассказе повествуется о жизни деревенских жителей, носителей диалектной речи. В Кемеровской области распространена группа среднерусских говоров, основой которых является северорусское наречие и, следовательно, характерные черты этих говоров: так называемое «оканье», переходящее в «ёканье», диалектная лексика, грамматические особенности (от склонения существительных, например, у *сестре* вместо у *сестры*, до наличия постпозитивных частиц, например, *стол-от*, *окно-то*). «Под влиянием соседних икающих говоров и литера-

турного языка умеренно-диссимилятивное яканье интенсивно разрушается и развивается в сторону иканья через стадию еканья. Так, говору среднего поколения характерно еканье с элементами или без элементов яканья» [Словарь русских говоров Кузбасса, 2018: 12].

Автор использовала прием стилизации речи персонажей фрагментарно, что вызывает некоторое сомнение в целесообразности такого подхода. Как правило, существует два пути, которым следуют писатели: первый – не использовать диалектные языковые единицы, второй – стилизовать речь персонажей на всех уровнях языка в соответствии с говором. Л. Винс, казалось бы, начала рассказ, стилизуя сибирский говорок: – *Мамка! Исть хочу! И пить!;* – *Чего исть-то? Не готовила я ещё. На-ко воды попей да спи...* [Винс, 2016: 41]. Однако уже на странице 44 можно наблюдать следующий диалог: – *Ну, ладно! Коли в дело сахар пустили, ругаться не будем. Сейчас шанек быстро напеку, да с вашим компотом и покушаем* (Винс, 2016: 44). В следующих отрывках автор то стилизует диалектную речь, то забывает о специфике говора: *вот и бегат туда-сюда* [Винс, 2016: 47]; *зарплату получит, в селю сбегат* [Винс, 2016: 47], *комнатёнку снимает* [Винс, 2016: 47]; *больше здесь, на ферме, пропадает* [Винс, 2016: 48]; *чего глазами засверкала* [Винс, 2016: 48]. Представляется разумным отказаться от попытки стилизовать речь героев с использованием диалектных элементов речи. Следовало создать диалоги в разговорном стиле без конкретной диалектной «привязки».

В тексте допущены досадные недочеты на разных уровнях языка. К грамматическим недочетам можно отнести, например, смысловую ошибку, связанную с неверным использованием предлога во фразе «*на ладошке землянику несет*» [Винс, 2016: 41]. Если речь идет об одном или нескольких предметах, переносимых в руке, то лучше использовать предлог *в*, а не *на*. *На ладони* может лежать предмет или часть предмета, не предназначенная для переноски. Следовательно, фраза должна быть оформлена следующим образом: *в ладошке землянику несет*.

Текст не лишен и ошибок в подборе слов.

Двузначность возникает во фразе: «*Убит последний друг Роберта*» [Винс, 2016: 43]. Слово *последний* может быть интерпретировано как *по-*

следний в ряду или как *худший*. Если автор имеет в виду, что все друзья героя погибли, следовало использовать предлог *из* (*убит последний из друзей Роберта*). Если количество друзей не имеет значения в данном контексте, то следовало убрать это прилагательное (*убит друг Роберта*).

Нарушение сочетаемости слов произошло во фразе: «*<...> в широких штанах, явно надетых не по росту*» [Винс, 2016: 46]. Слово *надеть* имеет значение ‘натянуть на себя что-то из предмета гардероба или иной предмет’. Нельзя сделать (*надеть*) не по росту, бывает что-то (*на-пример, штаны*) не по росту. Слово *надеть* в данном случае излишне, следует написать так: *в широких и явно не по росту штанах*.

Также допущен ряд синтаксических недочетов.

Пропуск запятой в предложении: «*На-ко воды попей да спи...*» [Винс, 2016: 41]. Частица *на* с частицей *ко* в данном контексте выполняет функцию глагола *возьми*, следовательно, необходимо отделить однородные члены предложения (глаголы повелительного наклонения) запятыми: *На-ко (возьми) воды, попей да спи...* или *На-ко, воды попей да спи...*

Пропуск тире в предложении: «*Иди, тётъ Тась. Я Федоровича дождусь, ключи ему отдам и тоже домой*» [Винс, 2016: 4]. Поскольку во втором простом многосоставном предложении пропущен глагол *пойду*, следовало заменить его знаком тире: *Я Федоровича дождусь, ключи ему отдам и тоже – домой*.

В сложную присоединительную конструкцию (сложноподчиненное предложение с деепричастным оборотом, осложненным подчиненным предложением) вкралась ошибка в виде лишнего знака препинания – тире: «*Тому, кто пытается искупить свой грех, отстраивая разрушенные города и села вместе с теми, против кого воевал, – голодает, живет в холоде и терпеливо сносит от победителей жестокость, презрение, ненависть?..*» [Винс, 2016: 46]. Деепричастный оборот обособляется с обеих сторон, но знак тире в данном случае является излишним: *Тому, кто пытается искупить свой грех, отстраивая разрушенные города и сёла вместе с теми, против кого воевал, голодает, живёт в холоде и терпеливо сносит от победителей жестокость, презрение, ненависть?..*

Пропуск знака препинания в предложении: «В конторе за деревянной перегородкой скупал Митрич, древний старик, исполняющий роль сторожа, целкала деревянными костяшками на счётах бухгалтерша да шелестела бумагами секретарша Ольга» [Винс, 2016: 54]. При разборе сложного предложения становится очевидным, что перед частицей *да* в значении союза *и* следует поставить запятую: *В конторе за деревянной перегородкой скупал Митрич, древний старик, исполняющий роль сторожа, целкала деревянными костяшками на счётах бухгалтерша, да шелестела бумагами секретарша Ольга.*

Использование двух противительных союзов *но* в одном предложении: «Но немец стоял неподвижно, молчал, но глаз не отводил» [Винс, 2016: 46]. Следовало опустить второй союз, тогда будет устранена логическая ошибка (молчать в ответ не означает, что при этом обязательно надо отводить глаза). Правильнее можно было написать: *Но немец стоял неподвижно и молча, не отводя глаз.*

В рассказе наблюдается речевая избыточность.

Во фразе «цепко ухватила подношение» [Винс, 2016: 41] сочетание *цепко ухватила* является примером плеоназма, поскольку значение экспрессивно окрашенного глагола *ухватить* (пароним глагола хватать, схватить) – ‘брать резким, быстрым движением руки’, приставка *у* придает слову семантический признак цепкости движения. Следовательно, лексема *цепко* является излишней. Можно заменить словосочетание *цепко ухватила* лексемой *цепилась*, чтобы придать описанию большую экспрессию.

В предложении «Тася кивнула головой» [Винс, 2016: 49] лишним является существительное *головой*, поскольку значение глагола *кивнуть* – ‘качать головой’. Кивать какой-либо частью тела, кроме головы, невозможно.

«Под белой больничной рубахой проглядывали бинты на грудине» [Винс, 2016: 50]. В данном предложении пояснение *на грудине* излишне. Во-первых, бинт на плоской кости в середине груди – оксюморон, во-вторых, автор имеет в виду бинты, видимые в глубоком разрезе ворота рубахи, следовательно, бинты на животе не могут *проглядывать*. В выражении *под рубахой* *проглядывали* кроется семантическая ошибка:

слово *проглядывать* означает ‘становиться видимым сквозь, через какую-либо преграду’, то есть рубаха должна быть из тонкой просвечивающей ткани. Предлог *под* также по смыслу не подходит к этому высказыванию.

«Тася достала из сумки кастрюлю, укутанную в большую старую шаль для сохранения тепла, развернула, сняла крышку с маленькой кастрюльки, и по палате поплыл ароматный запах» [Винс, 2016: 51]. Плеоназмом можно считать пояснение *с маленькой кастрюльки*, поскольку крышка в данном описании есть только у кастрюли. *Аромат* есть приятный запах, следовательно, словосочетание *ароматный запах* можно заменить существительным *аромат*.

Примером нарушения порядка слов служит следующее предложение: «Роберт, когда Тася приходила, с сильным акцентом от волнения рассказывал Тасе о своей жизни» [Винс, 2016: 52]. Во-первых, неоправданный повтор имени, во-вторых, дополнение *от волнения* стоит после определяемого слова *акцент*. Данный недочет ведет к смысловой ошибке, получается, что герой от волнения начинает говорить с героиней, а не говорит с сильным акцентом из-за волнения. Следовало оформить предложение следующим образом: *Роберт, когда приходила Тася, с сильным от волнения акцентом рассказывал ей о своей жизни.*

Смысловые и логические недочеты в связи с метафорическим сравнением на уровне персонификации и сравнения с предметами произошли в следующем отрывке: «Июль сорок четвертого года в далекой сибирской деревне Возвышенка выдался дождливым. Пятые сутки в небе фиолетовые брюхатые тучи, словно бабы в очереди за керосином, яростно теснили друг друга, то сбиваясь в огромный клубок, из которого слышались крепкие матерки грома, то расплываясь по всему горизонту распотрошенной периной, что высыпала из себя неустанно мелкую нудь дождя под злобные росчерки ошалелых молний» [Винс, 2016: 40]. Представляется неуместным сравнение одного и того же объекта с людьми и предметами одновременно, поскольку нарушена логика метафорического плана. Объект в одно и то же время представляется то в облике женщин с весьма натуралистичным описанием и сравнением, то в виде перины. От-

метим и некоторую нелепость в образе перины, из которой сыплется не снег, а дождь.

Смысловые и логические неточности кроются в следующем предложении: *«Надо успеть на весь день девчонкам – Шурке да младшей, Людке, – опять картохи наварить, да еще оставить пару ломтей от ржаной буханки»* [Винс, 2016: 41]. Во-первых, два действия, которые героиня спешит совершить, несоразмерны по временным затратам: на то, чтобы сварить картофель, надо потратить значительно больше времени, чем на нарезание одной буханки хлеба. Автор же подчеркнула значимость и энергозатратность нарезания хлеба разговорным союзом *да ещё*. Во-вторых, во фразе *пару ломтей от ржаной буханки* кроется ошибка, поскольку ломти являются частью буханки, следовательно, предлог *от* является лишним. Сравним, *ломти хлеба* и *ломти от хлеба*. Во втором случае ломти являются чем-то отторгнутым, как например, крошки от хлеба на столе; ломти же и есть хлеб.

Логическая нестыковка произошла в предложении: *«Иван в два прыжка сиганул в окоп»* [Винс, 2016: 42]. Выражения *в два прыжка* и *сиганул* означают схожие действия: *в два прыжка* – ‘преодолеть расстояние очень быстро, совершая мощные движения’, *сигануть* – ‘прыгнуть, одним быстрым движением переместиться из одного места в другое’. Получается плеоназм, следовало оставить одно из этих выражений: *Иван в два прыжка оказался в окопе* или *Иван сиганул в окоп*. Предпочтительнее второй вариант, поскольку быстрое действие стилистически лучше оформить в коротком предложении.

Неуместный комизм возникает в предложении: *«Мясо, а тем более сахар, на обеденном столе у Щукиных частыми гостями не были»* [Винс, 2016: 43]. Логически не стыкуются понятия «гости на столе» и «гости за столом». Гостей не едят, гостей угощают, поэтому не следует сравнивать продукты питания с людьми. Можно предложить такой вариант: *Мясо, а тем более сахар, редко появлялись на обеденном столе Щукиных*.

Основной особенностью авторской стилистики Л. Винс является грамотное сочетание синтаксических конструкций: в описании – сложные предложения, с вставными конструкциями, причастными и деепричастными оборо-

тами, придающими емкость высказыванию, но позволяющими экономить языковые средства, в повествовании – простые короткие предложения. Синтаксическая гармоничность в сочетании с доступной лексикой придает тексту легкость и ясность изложения.

Стилистический анализ рассказа Юрия Шурупова «Тельняшка под рясою» [Шурупов, 2016] показал, что в выборе жанра автор также совершил ошибку. Рассмотрим композиционные особенности текста. Представлена линейная композиция: события разворачиваются в хронологическом порядке. Большая часть жизни героя (отрочество, зрелость, старость) не могут быть отражены в жанре рассказа. В тексте замечен явный диссонанс между частями: в первой части описаны несколько дней из жизни Василия Оконешникова, во второй части – 11 лет учебы, в третьей – один год (кульминация), в четвертой – жизнь с 1905 г. до смерти в 1910 г. Как видим, данную композицию сложно назвать кульминационной, поскольку в классическом понимании ни завязки, ни развязки в тексте не наблюдается. Наиболее интересными и заслуживающими художественного описания, на наш взгляд, являются отрочество и жизнь героя после великого сражения. Если бы автор обратил внимание на один из этих периодов, можно было бы смело заявить, что Юрию Шурупову удалось заполнить (в художественном прочтении) неизвестные страницы жизни иеромонаха Алексия, т.к. о героической битве команды крейсера «Рюрик» в августе 1904 г. написано много [Мельников, 1989], в том числе самим иеромонахом Алексием, а о его жизни после 1905 г. известно очень мало.

Факты биографии Василия Тимофеевича Оконешникова разнятся: в одних источниках утверждается, что его отцом был якут, а в рассказе Ю. Шурупова мать названа православной якуткой. Эти факты, возможно, не представляют особого значения, поскольку принципиальным является то, что В.Т. Оконешников был носителем двух культур – русской и якутской. Есть в тексте и досадные ошибки. Например, в тексте отца зовут то Тимофеем Платоновичем, то Тимофеем Потаповичем: *«<...> Тимофей Платоныч» <...>* [Шурупов, 2016: 64] и *«<...> Тимофей Потапыч» <...>* [Шурупов, 2016: 64]. Подобные нестыковки снижают общий уровень текста.

В целом с точки зрения жанра и, следовательно, композиции текст нельзя назвать удачным. Автору в рассказе следовало остановиться на одном отрезке, раскрыть в действии характер героя, объяснить источник его мужества, духовную силу, интеллектуальный уровень человека, рожденного в далеком от образовательных центров колымском поселке. В выбранном автором объеме материал может быть раскрыт по меньшей мере в жанре повести.

Относительно типа изложения отметим, что повествование ведется от автора, изложение последовательное. Пространственно-временные рамки рассказа широки: с 1887 года по наши дни (1887 г. – поступление в Якутское миссионерское училище, 1898 г. – окончание Учительской семинарии в г. Казани, 1903 г. – поступление на службу в российский флот в качестве корабельного священника, 14 августа 1904 г. – битва русской эскадры с японским флотом, 1905 г. – награждение иеромонаха Алексия наперсным крестом, с 1906 г. – служение Томской Духовной семинарии). Завершает рассказ своеобразный эпилог о традиции российских кораблей отдавать воинские почести на месте гибели крейсера «Рюрик». Пространственные рамки столь же широки: от Колымского поселка до г. Петербурга и до восточных рубежей Российской империи. Таким образом, в ткань рассказа автор включил большой объем фактов, которые в рамках данного жанра упомянуты фрагментарно, в какой-то степени очерково, о чем свидетельствует деление текста на части и названия этих частей.

Стилистически текст неоднороден, поскольку художественное повествование чередуется с документальными элементами, например, с фрагментами воспоминаний иеромонаха Алексия. Такой подход носит скорее публицистический характер и приближает текст к жанру очерка. Разумеется, это не умаляет достоинств данного художественного произведения. В целом произведение выверено, не содержит грамматических ошибок, но в тексте допущено несколько недочетов:

Пример плеоназма можно наблюдать в отрывке: «<...> а Василий встал на колени в снегу и стал читать краткую благодарственную молитву» [Шурупов, 2016: 65]. Обстоятельство места *в снегу* является излишним, поскольку в

описании есть четкое указание на то, что действие разворачивается недалеко от города Якутска зимой. Упоминание снега было бы оправдано, если бы герой, например, провалился по колени или по пояс в снег.

В авторской речи нежелательны элементы разговорного стиля: «<...> *который за долгий путь с Колымы до Якутска проник <...>*» [Шурупов, 2016: 65]. Использование предлога *с* вместо *из* является признаком разговорности, даже просторечности.

Логическая ошибка закралась во фразу: «<...> *потом налил в большую глиняную кружку горячего чая, заваренного какой-то душистой травой <...>*» [Шурупов, 2016: 65]. Пропуск предлога *с* привел к смысловому недочету: чай, заваренный травой. Имеется в виду *чай с душистыми травами*.

Несущественные замечания могут быть сделаны по использованию стилистических фигур в таких примерах: «<...> *А теперь я отведу тебя в келью, где ты будешь жить с сотоварищами... И ложись отдыхать. Тебе надо хорошенько выспаться с дороги*» [Шурупов, 2016: 65] и «*Доверие, уважение, почёт!*» [Шурупов, 2016: 66]. В первом случае умолчание, выраженное в многоточии, не совсем уместно, поскольку по смыслу в данном отрывке нет никакого намека на умолчание. Видимо, автор таким образом решил показать вынужденную паузу, связанную с необходимостью проследовать в келью. Однако в общем тексте с сжатым до предела сюжетом подобная щепетильность неуместна. К тому же появляется двусмысленность высказывания. Во втором случае риторическое восклицание не соответствует характеру героя, его сану. Восклицание в данном контексте есть показатель тщеславия, а герой в силу личных качеств и сферы деятельности лишен подобных мыслей. Уместнее было бы поставить вместо восклицательного знака точку.

Основной особенностью авторской стилистики Юрия Шурупова является публицистичность, что объясняется его профессиональной деятельностью. Синтез двух стилей и жанров (публицистики и художественной литературы, очерка и рассказа) позволил создать интересный материал с отличными «читабельными» характеристиками: доступностью, интересностью, краткостью, информационной насыщен-

ностью. Однако с точки зрения художественности текст недостаточно разработан. Автору можно рекомендовать изменить жанр произведения: вместо рассказа указать очерк. В таком случае текст не вызывает особых нареканий.

IV. Обсуждение. Анализ прозаических произведений, вышедших в свет в номерах журнала «Полярная звезда» в последние пять-шесть лет, показал, что авторами не всегда соблюдаются жанровые требования. Разумеется, большая часть аудитории на данном этапе отдает предпочтение не просто малым формам, а сверхкоротким текстам, что объяснимо общением в формате социальных сетей, но не в художественной литературе или публицистике. Безусловно, редакторский коллектив массмедиа, в том числе и литературных журналов, должен учитывать новую интерпретацию понятий «формат» и «жанр». «Широко распространившееся на практике слово “формат” имеет размытое значение и не является пока термином. Жанр сохраняет терминологическое значение, однако нередко смешивают понятия “речевой жанр” и “жанр газетный (публицистический)”» [Солганик, 2010: 22]. Возможно, авторы в выборе формы не руководствуются подобными предпочтениями читательской аудитории, но тенденция к сокращению объема текстов наблюдается: как правило, в рассказ авторы пытаются «вместить» материал, который мог бы в полном объеме раскрыться, например, в жанре повести. Данное явление не следует понимать как жанровую контаминацию [Покотыло, 2013: 130] или жанровое смешение на основе смещения [подробнее см.: Шарифова, 2010]. В первом случае речь идет о явлении, обогащающем произведение, как правило, больших жанровых форм, например, повесть или роман. Под жанровым смешением следует понимать «изменение жанрового содержания художественного произведения без изменения жанровых признаков, “замещение” жанра предусматривает формирование новой совокупности жанровых признаков. “Смещение” жанра служит инструментом эволюционной адаптации жанровой конструкции под изменение общественно-политических условий, а “замещение” жанра – это инструмент радикальной трансформации литературных процессов под влиянием эпохальных общественно-политических событий и смены коммуникационной обстановки» [Шарифова, 2011].

Пространственно-временные характеристики (хронотоп) в категории жанра нельзя не учитывать. Именно пространство и время определяют жанровые рамки и композиционное решение произведения. Также необходимо учитывать типы изложения и категорию рассказчика: «Специфика художественной речи обусловлена структурой этой речи. Главная особенность структуры заключается в несовпадении производителя речи (автора) и ее субъекта. Наличие рассказчика – обязательное условие художественной речи» [Солганик, 2014: 109].

«В традиционной функциональной стилистике особенности каждого функционального стиля рассматриваются в соответствии с ярусами языковой системы (на лексическом, морфологическом, синтаксическом, а для разговорного стиля – и фонетическом уровне). Сама же стилистика позиционируется как межуровневая дисциплина, изучающая стилевые и стилистические особенности целых законченных произведений (текстов)» [Клушина, 2008: 67]. Текст (произведение), независимо от принадлежности к какому-либо функциональному стилю, представляет собой систему взаимосвязанных элементов разных категорий. Анализ текста на всех уровнях языка начинается с определения соответствия языковых средств жанру. Несмотря на большой исследовательский интерес к жанровой структуре как в публицистике, так и в литературе и разнообразие подходов к проблеме, ученые едины во мнении, суть которого сводится к констатации факта трансформации жанров, смешения и смещения жанров, зачастую в ущерб качеству текста.

V. Заключение. Жанровое замещение стало признаком современной публицистики и малой прозы, публикуемой в литературных журналах. В данной ситуации представляется особенно важной работа редактора. Редакторская правка не должна ограничиваться исключительно грамматическим, логическим уровнем текста. Если в публицистическом тексте выбор жанра определяется информационным поводом [Павлова, 2009: 39], то в художественной литературе жанрообразующим звеном является фактический материал литературного произведения. Исторический, вымышленный, уже собранный или предполагаемый фактический материал в произведении обретает форму, трансформиру-

ется в систему элементов разных категорий в пространственно-временных взаимоотношениях и должен быть реализован в определенном жанре. Проблема жанрового замещения в современной публицистике и малой прозе является, на наш взгляд, следствием общего публицистического и литературного процесса, тенденции к сокращению объемов, «сжатию» форм. Однако недостаточная проработка текста на всех уровнях языка в анализируемых нами текстах свидетельствует скорее о небрежном отношении к жанру как со стороны авторов, так и со стороны редакторов журнала «Полярная звезда».

Л. Винс и Ю. Шурупов допустили аналогичные ошибки в выборе жанра: совершили попытку облечь в малую форму большой фактический материал. Попытку нельзя назвать удачной, поскольку пространственно-временные характеристики, система художественных образов в основе данных произведений расширяют жанровые рамки до повести. Как следствие, тексты представляют собой интересные фрагменты, объединенные одним не до конца проработанным сюжетом. Необходимо отметить и стилистические, порой и грамматические, недочеты в текстах, что является свидетельством недостаточной редакторской работы. Досадные ошибки снижают общий уровень произведений и содержания журнала в целом. Представляется весьма важным в редакторском анализе текстов комплексный структурный (жанровый) подход, который значительно повышает качество работы и позволяет достичь в совместном творческом процессе автора и редактора полной реализации идейного замысла.

Список литературы:

- Винс Л. Перекрестки // Полярная звезда. 2016. №5. С.40–55.
- Волошина С.В. Хронотоп жизненного пути в диалектной коммуникации (на материале автобиографических рассказов) // Вест. Томского гос. ун-та. Серия Филология. 2011. №1(13). С.14–21.
- Клушина Н.И. Коммуникативная стилистика публицистического текста // Мир русского слова. 2008. №4. С.67–70.
- Мельников Р.М. «Рюрик» был первым. Л.: Судостроение, 1989. 256 с.
- Павлова Л.Н. Редакторский анализ журналистских текстов // Вестник ЯГУ. 2009. Том 6. №3. С. 39–44.

Покотыло М.В. Контаминация жанровых признаков в романе В.Н. Войновича «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» // Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. I. С. 129–132. URL: www.gramota.net/materials/2/2013/3-1/35.html (дата обращения: 05.02.2022).

Солганик Г.Я. Категория рассказчика и специфика художественной речи // Вестн. моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2014. № 2. С.109–119.

Солганик Г.Я. Формат и жанр как термины // Вестн. моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. 2010. № 6 С.22–24.

Шарифова С.Ш. Соотношение жанрового смешения со «смещением» жанра, «диапазоном» жанра и его переходными формами // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Филологические науки. 2010. № 3. С. 51–57.

Шарифова С.Ш. Теоретические аспекты жанрового многообразия азербайджанского романа: Дисс. ... д-ра филол. наук. 2011 г. URL: <https://www.dissercat.com/content/teoreticheskie-aspekty-zhanrovogo-mnogoobraziya-azerbaidzhanskogo-romana> (дата обращения: 05.02.2022).

Шурупов Ю. Тельняшка под рясой // Полярная звезда. 2016. № 2. С. 63–69.

Словари:

Словарь русских говоров Кузбасса (с дополнением) [Под ред. Н.А. Баланчика и Н.В. Жураковской; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации, Новокузнец. ин-т (фил.) Кемеров. гос. ун-та]. Новокузнецк – Красноярск: НФИ КемГУ; Полиграфическая компания «Sitall», 2018. С.12.

References:

- Klushina N.I. Kommunikativnaja stilistika publicisticheskogo teksta [Communicative style of journalistic text]. *World of the Russian word*. 2008. No.4. Pp. 67–70. (In Russian)
- Melnikov R.M. “Rjurik” byl pervym [“Rurik” was the first]. Leningrad: Shipbuilding Publ., 1989. 256 p. (In Russian)
- Pavlova L.N. Redaktorskij analiz zhurnalistskih tekstov [Editorial analysis of journalistic texts]. *Bulletin of Yakut State University*. 2009. Volume 6. No.3. Pp. 39–44. (In Russian)
- Pokotylo M.V. Kontaminacija zhanrovyh priznakov v romane v. N.Vojnovicha “Zhizn’ i neobyčajnye prikljuchenija soldata Ivana Chonkina” [Contamination of genre signs in the novel by V. N. Voinovich “The Life and Extraordinary Adventures of Soldier Ivan Chonkin”].

Questions of Theory and Practice. Tambov: Letter, 2013. No. 3 (21): in 2 h. C.I. Ts.129-132. www.gramota.net/materials/2/2013/3-1/35.html (accessed February 5, 2022) (In Russian)

Sharifova S.Sh. Sootnoshenie zhanrovogo smesheniya so smeshheniem zhanra, "diapazonom zhanra i ego perehodnymi formami [The ratio of genre mixing with the shift of the genre, "the range of the genre and its transitional forms]. *Bulletin of Moscow State Humanities University named after M.A. Sholokhov. Philological sciences*. 2010. No. 3. Pp. 51–57. (In Russian)

Sharifova S.Sh. *Teoreticheskie aspekty zhanrovogo mnogoobrazija azerbajdzhanskogo romana* [Theoretical aspects of the genre diversity of the Azerbaijani novel. Dissertation for the degree of Doctor of Philology]. 2011. <https://www.dissercat.com/content/teoreticheskie-aspekty-zhanrovogo-mnogoobrazija-azerbajdzhanskogo-romana> (accessed February 5, 2022) (In Russian).

Shurupov Ju. Tel'njashka pod rjasoju [Striped vest under the cassock]. *Polar star*. 2016. No.2. Page 63–69. (In Russian)

Slovar' russkih govorov Kuzbassa (s dopolnieniem). Pod red. N.A. Balanchika i N.V. Zhurakovskoj; M-vo nauki i vysshego obrazovaniya Ros. Federacii, No-

vokuznec. in-t (fil.) [Dictionary of Russian dialects of Kuzbass (with an addition). N.A. Balanchik and N.V. Zhurakovskaya; The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Novokuznets. in-t (fil.)]. Novokuznetsk – Krasnoyarsk: NFI KemSU; Printing company "Citall". 2018. Pp. 12. (In Russian)

Solganik G.Ja. *Kategorija rasskazchika i specifika hudozhestvennoj rechi* [Storyteller category and specifics of artistic speech]. *Bulletin of Moscow State University. Ser. 10. Journalism*. 2014. No. 2. Pp. 109–119. (In Russian)

Solganik G.Ja. *Format i zhanr kak terminy* [Format and genre as the terms]. *Bulletin of Moscow State University. Ser. 10. Journalism*. 2010. No. 6. Pp. 22–24. (In Russian)

Vins L. Perekrjostki [Crossroads]. *Poljarnaja zvezda* [Polar Star]. 2016. №5. Pp. 40–55. (In Russian)

Voloshina S.V. *Hronotop zhiznennogo puti v dialektnoj kommunikacii (na materiale avtobiograficheskikh rasskazov)* [Chronotope life path in dialect communication (based on autobiographical stories)]. *Bulletin of Tomsk State University. Series Philology*. 2011. No.1(13). Pp. 14–21. (In Russian)

L.N. Pavlova

Genre and Stylistic Features of the Stories by L. Vince and Yu. Shurupov: Literary Editor's View

Scientific novelty. This article considers such problems of modern small prose of Yakutia as genre substitution and stylistic and compositional features of texts of works by Yakut writers in Russian. The authors' stories published in the Yakut republican literary and artistic journal *Polar Star* arouse research interest as part of the modern literary and journalistic process.

The aim and tasks. The article aims to determine the causes of genre substitution in the texts of prose works. To achieve the goal the spatial and temporal framework of the works was considered analyzed compositional, stylistic features of texts, studied logical slender, types of presentation, grammatical design of texts.

Research methods. The work uses the method of structural genre-stylistic analysis which involves studying the text in terms of correspondence/inconsistency of the space-time frames chosen by the author, actual material, stylistic means to the genre.

Results. Along with the unique historical or ethnic material that formed the basis of the analyzed stories there is a tendency in the texts to reduce the volume, almost a mechanical break in the fabric of the story. The discrepancy between the space-time framework and the actual material of the chosen genre form leads to serious creative losses: the author's ideological idea is not disclosed in full within the framework, for example, a story. An analysis of the compositional and stylistic features of the texts of the Yakut writers showed that in the analyzed stories the set of language elements does not always correspond to the chosen genre and the time frame often suggests a different genre embodiment. If the compositional problems of the text are the result of an incorrect author's decision or some negligence, then the presence of grammatical and stylistic flaws in the texts of the analyzed literary works published in the journal indicates shortcomings in the work of the editorial team.

Keywords: genre, genre substitution, genre displacement, chronotope, composition, storyline, genre contamination, logical errors, genre specificity

Особенности ольфакторной коммуникации в якутском художественном тексте

Научная новизна: впервые в качестве постановки научной проблемы предпринимается попытка целостного исследования ольфакторной образности в якутских текстах (на примере фольклорных, этнографических материалов, а также поэтических текстов А.А. Иванова–Кюндэ и Г.В. Баишева–Алтан Сарына).

Целью работы является изучение специфики ольфакторной коммуникативной образности в якутских текстах.

В круг *задач* исследования входит выявление специфики культурного феномена запаха в якутских текстах, определение функций запаха в ментальном ландшафте саха, а также раскрытие особенностей ольфакторной поэтики на примере произведений А.А. Иванова–Кюндэ и Г.В. Баишева–Алтан Сарына.

Методы исследования: сравнительный, культурно-исторический, системный.

Результаты. Интерес исследователя направлен прежде всего на практику окультуривания запаха, которое рассматривается в качестве одного из основных способов личностной идентификации, закрепления статуса человека в пространстве. Автор статьи убежден, что запах используется в качестве существенных приемов в выстраивании границ мира – а именно в разделении пространства на «свое» и «чужое». Особое внимание уделяется поэтике запахов, представленной ольфакторными включениями в поэзии первого якутского поэта А.А. Иванова–Кюндэ, в лирике которого отражается специфика национальной картины мира, в том числе место и роль запаха в аласном тексте.

Ключевые слова: телесность, ольфакция, картина мира, запах, идентификация, якутский текст

1. Введение. Рецепция окружающего мира, осуществляемая через запахи, шумы, звуки, цвета неповторимого ландшафта родного пространства, создает специфический характер когнитивной коммуникации в национальной картине мира. Как один из главных информантов в пространстве запах играет важную роль в идентификации, определении культурных границ мира северного человека.

Исследование ольфакторной (от лат. *olfaction* – обоняние) коммуникации в пределах данной статьи продиктовано проблемой поэтики запаха, вызывающей в последнее время большой интерес в современной российской науке, что отражается в трудах языковедов Е.В. Свинцицкой, О.С. Жарковой, Л.О. Овчинниковой, Л.В. Лаенко, А.В. Дроботун, Н.С. Павловой, Д.Н. Галлерт и др., литературоведов Н.А. Рогачевой, Н.Л. Зыховской, Л.В. Карасева, А.А. Бельской и др. Социокультурным аспектам ольфактория посвящены работы Е.Г. Басалаевой,

Л.А. Баташевой, И.И. Валуйцевой, И.П. Джальмамбетовой и др., культурологические аспекты ольфакторной самопрезентации отражены Г.И. Кабаковой, Е.Ю. Клещевой, Д.П. Матвеевой, А.С. Медяковым, Л.Г. Сидорчуковой и др.

Интерес к феномену запаха в литературе появился относительно недавно. Элементы художественного текста, содержащие отсылки к ольфакции, достаточно подробно описаны в контексте исследований русской прозы и поэзии в работах Н.А. Рогачевой, Н.Л. Зыховской и др. Термин «ольфакторий» Н.Л. Зыховская трактует как «обозначение совокупности всех элементов текста, содержащих отсылки к миру запахов, их качества, особенностей восприятия, а также символического поля, образуемого с их помощью либо вокруг них» [Зыховская, 2016: 68]. Опираясь на некоторые методологические принципы, разработанные ученым в отношении ольфактория русской словесности, нам представляется важным выявить специфику якут-

ского ольфактория, который становится одним из основополагающих аспектов в национальном миромоделировании.

Понятие запаха (по якутски ‘сыт-сымар’) на физиологическом уровне глубоко связано с мировосприятием человека саха, который считает себя неотъемлемой частью природы. Запах связывает якута с глубинными животными инстинктами, животным миром, где нюх имеет исключительное значение как в метке территории, создании своей зоны безопасности, так и в поиске партнера и спаривании. Обнюхивание (‘сыллаһы’ = ‘сыттаһы’) вместо поцелуя (‘уостан уураһы’) как важный атрибут в личностных отношениях, интимной сфере и знак доброжелательного отношения к человеку в тюрко-монгольской культуре, отмеченное многими исследователями, может быть определено глубинной связью человека с природой.

Нужно отметить, что в первую очередь маркеры чувственного восприятия обусловлены спецификой жизнедеятельности народа, его ареалом проживания. Человек саха, переживший долгий зимний период с октября по март, особо остро ощущает на уровне чувственных восприятий (слуховых, ольфакторных, цветовых ассоциаций) окружающую природу, внутреннюю подвижность растительного покрова, всей живности – запахи, цвета, тона, полутона, звуки, шорохи, шумы земли. Если учитывать, что зимний период характеризовался почти полным отсутствием запаха, весенне-летняя пора открывает северному человеку широкий мир запахов.

Одориристическая картина якутского мира в основном представлена несколькими уровнями:

- ольфакции животного-природного пространства (запахи воды, почвы, растительности, животных, птиц и др.);
- запахи культурно-бытового мира (запахи еды, камелька, табака, ладана и др.);
- физиологические ольфакции (запах человеческого тела, пота, испражнений, рта и др.);
- запахи ирреальной сферы (запахи злых духов).

II. Материалы и методы исследования.

Система культурной ольфакции наиболее ярко отражается в материале фольклорных, этнографических источников, литературе, и потому в рамках данного исследования вполне обоснованно обращение к текстам якутских преданий,

сказок, этнографических описаний и литературных произведений. Наиболее любопытный и продуктивный результат дало сочетание методик анализа нескольких смежных наук (фольклористики, этнографии, литературоведения и т.д.), в процессе чего собрана и систематизирована литература, предложены разные уровни ольфактория якутского мира. В описании текстов произведений первых якутских поэтов, творивших в 20–40-е гг. XX столетия, А.И. Софронова–Алампа, А.А. Иванова–Кюндэ, Г.В. Баишева–Алтан Сарына, применен сравнительно-сопоставительный метод. В результате анализа большого материала с использованием преимущественно системного, сравнительного и статистического методов выявлены основные одориристические образы якутского тюелбэ и аласа, определены традиции окультуривания запаха в якутском быте, обрядах и ритуалах.

III. Результаты

Специфика культа запаха в якутских фольклорных и этнографических источниках

Окультуривание запаха в якутской национальной картине имеет немаловажное значение как определенный знак присутствия человека в пространстве. Стоит согласиться с М.А. Епанешниковой, которая в статье «Рецепция запаха и его природно-культурный смысл» отмечает, что «вся история человечества – это процесс “окультуривания” запаха» [Епанешникова, 2010: 101].

Особая роль запаха в качестве характерного признака особенности среды и примеры его окультуривания, усиливающего восприятие границ мира и личностную идентификацию, довольно ярко отражаются в предании о первопредках народа саха Омоего и Элляе. В фольклорном тексте говорится, что Омоего, странствующего по свету, привлек в первую очередь приятный теплый запах. Он в поисках лучших земель «поднялся на западную сопку, стал принюхиваться, поворачиваясь то к северу, то к югу. Так, улавливая сверху приятное дуновение и запах растений теплого края» [Предания, 1995: 48–49], Омоего на плоте пришел в долину Туймада и стал прародителем народа. Точно так же особой способностью к вчувствованию обладал отец Элляя, указавший сыну путь на север, вкусив аромат земли: «По пути, лежа в суме, старик Татаар Тайма велел сыну дать ему горсть

земли и вкусил ее. Затем он сказал: “Ну, сынок, вот и достигли мы реки, которую я назвал Леной”» [Предания, 1995: 59].

Роль запаха в укреплении статуса Элляя как культурного героя также достаточно выразителен: он укрощает запах, управляя им в своих созидательных целях, собирая, накапливая и приумножая. Элляй, после того как его выгнал Омогой Баай, в местности Киллэм построил урасу, другие надворные постройки и сделал дымокур: *«Түптэ түптэлээн, Туймаада иһинээби Омогой Баай сүөһүтүн олорчу түптэбэ угуйар, Үрүҥ Айыы дьаһалынан үөн түһэн Омогой баайа-сүөһүтэ үөнтэн тэскилээн Эллэй түптэтигэр мунньустар буолар»* (К дымокуру Элляй прибежал весь скот Омогой Бая) [Саха фольклора, 1996: 172]. Запах здесь представляется в качестве первичного маркера освоения пространства: он играет исключительную роль в установлении границ и основ национальной картины мира (буквально в заложении первого двора-тиэргэн в долине Туймада). В другом варианте предания говорится: *«Ол олон Эллэй үөһээни Үрүҥ Айыыларга үгэр, сүктэр, оһон үөһэттэн, кини алгыһынан биир сайын – тигээччи, бырдах, күлүмэн диэн алыс түһэн Омогой сүөһүтүн барытын Эллэй түптэтин диэки кыйдыр, чөмөхтүүр»* (Однажды Элляй обращается с молитвой-поклонами к небесным светлым духам, по его заклинанию в одно лето спустили они сверху очень много всякого гнуса и слепней, поэтому весь скот Омогоя потянулся в сторону дымокура Элляя, собираясь вокруг него) (курсив наш – С.Н.) [Предания, 1995: 51–52]. Способность «накапливать» и «спланивать» является, как известно, важнейшим даром первопредков Омогоя, Элляя, их потомков, родоначальников якутского народа Мунньана Дархана и Тыгын Дархана, которые сумели сформировать на далекой северной земле единый якутский народ.

Понятие запаха в якутской культуре создает ассоциативные ряды, близкие семантически к концепту «жизнь». К примеру, в текстах якутских сказок часто используется устойчивая формула: *«Оһонньордоох эмээхсин бур-бур буруо таһааран олоһбуттара эбитэ үһү»* (досл. Скажут, что, пуская дым, жили-были старик со старухой). Едкий запах печного дыма в суровом северном климате обозначал теплый очаг,

вкусную еду, безопасную жизнь. Запах дыма мог служить сигналом о близком нахождении теплого крова и радушных хозяев, становящихся спасением для одинокого запоздалого путника в длинной и трудной дороге. Дым, тянущийся из трубы якутской юрты, также был знаком того, что люди живы и благоприятно переживают тяжелую зиму.

Аналогичным смыслом наполнена легенда о том, что некогда дым от юкагирских костров был настолько густым, что от него покрывались копотью перья пролетающих над ними птиц. То есть густой дым становится маркером былой мощи некогда многочисленного юкагирского народа.

Нужно отметить актуализацию значения запаха в ирреальной сфере жизни народа – запах воспринимался не только как сигнал присутствия человека в срединном профанном мире, но и был его связью с сакральным миром. В ритуально-обрядовых действиях (при обращениях к богам Айыы, жертвоприношениях различным духам, дарах духам леса, огня, воды) особое внимание уделяется процессу воссоздания запаха (*сыт таһаары*). В статье М.М. Содномпиловой, в которой отмечается важная роль запаха в традиции тюрко-монгольских народов Внутренней Азии, указывается широкое использование в ритуальной сфере трав можжевельника, чабреца, богородской травы, обусловленное в первую очередь их сакральными свойствами.

Якуты убеждены, что запах обладает свойством очищения от скверны, защищает от злых духов, укрепляет в человеке силу созидания. В якутском обряде арчыланы (обряд изгнания злых духов) большое значение придается созданию запаха посредством зажжения трав (можжевельника, чабреца, бересты) или лучинок из дерева, в которое некогда ударила молния. Запах также воссоздается посредством окропления огня кумысом и добавления пучка конских волос. Приготовление оладий, зажжение благовонных трав имеет семантику очищения: якуты верят, что запах доходит до богов Айыы, тем самым задабривая их. К примеру, путник, остановившийся на горном перевале, тракте (артык), обязательно должен задобрить духов, прося их, чтобы они благоволили его дальнейшему пути. Здесь он обычно оставлял щепотку чая

или табака. Можно предположить, что чай или табак, оставленные человеком, важны, скорее всего, их ольфакторным составляющим: дефицитные в далекую пору, они были ценным и желанным товаром, и потому их аромат был особо приятен для якутского человека.

Запах как маркер «своего» и «чужого»

Так как обонятельная функция играет важную роль в утверждении первобытного инстинкта самосохранения во всем животном мире, где запах являлся одним из основных способов жизнеобеспечения, обонятельные ощущения также имеют не меньшее значение в пространственном мироощущении, идентификации человека в окружающей среде. Одной из важнейших функций ольфактория является его включение в культурное деление мира на безопасный (свой) и опасный (чужой).

Являясь специфическим маркером в межвидовой коммуникации, способность к вчувствованию запахов и ароматов участвует в делении на «своих» и «чужих». Странные, неприятные запахи становятся признаками «чужих» и в современном мире. Этим обстоятельством обусловлена нейтрализация человеком собственного запаха, его тяготение к «нулевому» запаху или использование ароматов, приемлемых в обществе. В желании человека избавиться от запаха с целью стать своим, «без запаха» можно частично усмотреть отрыв от природного начала и отстранение от инстинктов животного мира.

Языковой аспект поэтики запахов отражает интересные стороны социопсихических и культурных функций запаха в жизнедеятельности якутского человека. Неприятные запахи обозначаются понятиями *дьаар* (гнилостный запах, вонь, смрад, зловоние) и *холонгсо* (резкий запах). Как указывают фольклорные источники, запах *дьаар* имеют злые духи-абаасы.

Ол дойду үтүөлэрэ

Үөрбүт саналара

Үөлэстэрин үүтүнэн

Аллараа дойдуттан

Айдааран ааста,

Ыылаах ынырык сыт

Ыгыта биэрэн табыста, хомуһуннаах холонгсо

Холлобостоох уот курдук

Өһөх хара төлөн буолан

Өрө оргуйан табыста [Дьулуруйар Ньургун Боотур, 2003: 145]

(Услыхали зычный голос его / Жители подземной страны – / Адьарай-абаасы; / От радости рукоплескали они, / Орали, плясали они; / Через дымоходы железных жилищ / Слышен был их говор и шум; / И, вместе с невнятным говором их, / Ужасающее зловонье, клубясь, / Подымалось черным дымом из труб, / Трупным духом все наполняя окрест) [Ньургун Боотур Стремительный, 1982: 110].

Приближение дьявольского рода абаасы в повести «Улуу Кудангса» П.А. Ойунского описывается так: «*Собуруу суоду маҕан халлаан анныттан кэнсик-мунсук сыттар сабыта охсон түстүлэр – күн киэһэрэн истэбин аайы сыт-сымар ордук ыараабыт, дьиз-уот, сэл-сэбиргэл ордук күлүгүрэн барыйбыт*» (Со стороны южного неба донесли неприятные запахи – по мере того как вечерело, запахи сгустились, в доме стало темно) [Ойунский, 1993: 36].

Довольно интересно актуализируется понятие плохого запаха (*кусаҕан сыт, ыы, дьаар*) в аспекте военно-эпического дискурса, отраженного в якутских военных ритуалах и обычаях, в перебранках богатырей перед схваткой, песнях кровопролития (илбис ырыата), проклятиях, адресованных врагу и др. В отрывке из олонхо «Кыыс Дэбилэйэ» в сюжете о подготовке к схватке между богатырями говорится, что соперники начали насмехаться друг над другом, затеяли ссору и начали сквернословить – говорить зловонные грязные слова:

Бука барыларын ордорбокко,

Ыт иилэн ылбатынан,

Ыы-дьаар тылынан

Ыыстаан ыһаара,

Үгүс-элбэх

Үөн-кулдьаҕа тылынан

Үнтү үөбэ [Тойон Дьаҕарыма, 1959: 164].

(всех до единого начал поносить грязными смрадными словами) (пер. наш – С.Н.).

Запах живого и запах мертвого в качестве маркеров выявления «своего» и «чужого» становится определяющим в идентификации границ своего Я. Вслед за В.Я. Проппом, который говорил об амбивалентном характере запаха в волшебной сказке, Г.И. Кабакова связывает свойство запаха «с характеристиками своего и чужого, противопоставлением жизни и смерти, с праведностью и греховностью» [Кабакова, 1999: 266].

Особое значение запаха у народа саха отмечается Р.И. Бравиной, которой указана роль запаха в ритуальной жизни, а точнее в культе смерти народа саха. «Так, родственникам умершего запрещалось до наступления новолуния прикасаться к охотничьим и рыболовным снастям и ходить на промысел. Если «нечистый» придет, например, на топь, то улов рыбы будет плохим. Дух озера или реки сразу почувствует запах мертвечины, рассердится и не даст рыбы» [Браваина, 2005: 181].

Плохой запах (*дьаар, холонго*) представляется в качестве качественной ольфакторной информации и в современном обществе, выступая признаком инаковости, отличающим человека другого социального круга. Неприятный запах отличает человека асоциального поведения (к примеру, алкоголика) или по каким-то качествам и признакам выпадающего из общественных представлений о норме (неряху, больного и т. д.). Чужесть определяется также физиологической особенностью человека, его странным запахом (например, холонго), выделяя человека иной национальности. Якут считает, что он сам не имеет запаха, отмечая в то же время наличие резкого запаха у людей другой национальности.

Неприятный человеку запах, относящийся также к неуютному пространству (с сыростью, плесенью) или характеризующий невкусную испорченную еду, семантически определяется лексемами *анкылый* (резко обдавать, охватывать), *сытый* (гнить, портиться), *никсий* (протухать, портиться, плесневеть) и пр.

Человек из другого социального круга имеет иные одористические признаки. Это, например, аромат духов, мыла, пудры (*сыттардаах мылланан сырайын сырдатынна, сыаналаах сытынан ыһынна, дукуулара тунуйда*) и др., упоминаемые в стихотворениях «Городская девушка» (1916), «Городские девушки» (1921) А.Е. Кулаковского–Өксөкүлээх Өлөксөй.

И здесь можно отметить, что контраст между сельским (аласным) и городским топосами довольно отчетливо прослеживается в аспекте рассмотрения проблемы запаха. Город как тоpos, аккумулирующий в единое целое множество объектов, связанных с механизированным, искусственным миром, ассоциируется в большинстве случаев с такими ольфакторными универса-

лиями (обычно негативного характера), как «духота», «смад»: это запах нечистот, грязи, немытых улиц, подъездов, копоты, пыли, запах еды, табачного дыма и др. [Деханова, 2020: 68–90].

В противоположность неприятным запахам города ольфакторная составляющая, характерная для пространства, близкого людям саха, отличается приятным спектром запаха, связанным с положительным состоянием человека на физиологическом и эмоциональном уровнях, и выражается с помощью понятий *дыргыл* ('резкий'), *минньигэс* ('сладкий'): это запах свежескошенной травы (охсуллубут от сыта), запах хвои (*мутукча сыта*), запах напитка кумыс (*кымыс сыта*), запаха оладий (*алаады сыта*), запах дымокура (*тюттэ сыта, кии сыта*), запах ребенка (*обо сыта*) и др. Эта особенность художественной поэтики выделяется в отдельный и самостоятельный аспект ольфакторного дискурса, который является одним из основополагающих в системе аласного текста якутской литературы.

Особенности ольфакторной поэтики в якутских литературных текстах

Особая чувственность к окружающему миру, оставившая свой отпечаток в эпосе олонхо, фольклорных песнопениях-тойук, чабыргах, осуокай и т.д., отражается и в художественной литературе. Так, ольфакторные включения являются особым признаком якутского текста, наиболее полно способствующим раскрытию национальной ментальной картины. Становясь своеобразным культурным кодом в прочтении якутских текстов, они наполняют их оригинальным смысловым содержанием, отражающим уникальный принцип мировосприятия, характерный для национальных культур.

В якутской литературе начала XX в. формируется целостный геопозитический образ Якутии, где совокупность художественных элементов, образует то текстовое единство, через которое проявляются общее культурное пространство и особое ментальное сознание народа. В этой художественной картине мира особая роль отводится запахам.

Так, начиная с лирики первых поэтов А.И. Софронова-Алампа, А.А. Иванова-Кюндэ, Г.В. Баишева-Алтан Сарына, А.Г. Кудрина-Абагинского и др., которые творили в 10–30-е гг. XX в., ольфакторная образность раскрывается в

широкой яркой палитре, отражая красоту природного мира.

Запахи (*сыт-сымар*) сельской местности, аласа, родного түөлбэ наряду с цветовой палитрой күөх создают аутентичный мир ярких образов и концептов. Концепт «күөх» (синевя или зелень) совмещает спектральные обозначения зеленого, голубого и синего полутонов и развертывается в обширный ассоциативный ряд национальной цветовой колористики: мутукча күөх (зелень хвои), унаар күөх буруо (синий дым), күөх халлаан (голубое небо), күөх хонуу (зеленая долина), сирэм күөх (зеленое раздолье), торбо күөх (яркая зелень), унаарар күөх кыраайым (цветущий край), долгун күөбэ (синяя волна), күөх урсун (синяя гладь неба или воды) и др. Данный концепт, дополняясь одористическими характеристиками *сыт-сымар*, *дыргыл*, отражает базисные образы якутского мира – лес, тайгу, растительный покров, водные просторы, небо, воздух и т.п., а также выражает важные в аксиологическом спектре понятия: быть свободным (күөххэ көччүй – досл. ‘резвиться на зеленой траве’; күөххэ көт – досл. ‘лететь в синее небо’), быть живым и здоровым (күөххэ үктэн – досл. ‘ступить на зеленую траву’) и др.

В произведениях А.Г. Кудрина–Абагинского и А.А. Иванова–Кюндэ наряду с визуальной образностью күөх ольфакторные впечатления лирического героя создают яркие образные ассоциации: запах, дыхание, благоухание родной природы становятся для человека источником ярких чувств и впечатлений о родном крае, отеческом доме и пр.

Запахи растительности (трав, цветов, воды, земли, смолы и др.), смешиваясь в единый дурманный аромат, отражают красоту окружающего мира и олицетворяют внутреннюю наполненность человека, наблюдающего и восхищающегося этим миром (А.Г. Кудрин–Абагинский «Күөх», «Бу сирэм чэл күөбү», «Күннэ» и др., В.М. Новиков–Кюннюк Уурастыров «Күөрэгэй», «Кэбэ», «Көлүкэчээн» и др., С.Р. Кулачиков–Элэй «Бу күөбү», «Сааскы», «Долгуннаах өрүскэ» и др., П.Я. Туласынов «Халлаан сырдыта», «Сибэкки», «Ый», «Ыйдана» и др.)

Запахи, создаваемые человеком, *ыаммытынан үүт сыта* (запах парного молока), *охсуллубут от сыта* (запах свежескошенной травы),

кии сыта (запах дымокура), становятся духовной атрибутикой, выражающей специфику национальной картины мира, особенности практически-деятельностной, духовно-культурной жизни якутского человека.

Дискурс ольфакции раскрывается в лирике А.А. Иванова–Кюндэ (1898–1934) в двух аспектах – это запах природного естественного мира и ольфакторные характеристики культурного пространства, создаваемого человеком, которые, соединяясь воедино, участвуют в формировании особой гармоничной среды человека саха:

Ибир-сабыр тыаллаах,
Ичигэс салгынна
Кии сыта
Киһи сүрэжин-быарын
Хаба ортотунан
Халыйан киирэр...
Итиллибит
Ийэ киин дойдум
Сымнаҕас, сылаас,
Сыламнаттар сыта-сымара
Испэр-быарбар
Таайан киирэрин
аптыбын ээ, атастаар!
(«Кии сыта»)

(В теплый чуть ветреный день запах дымокура дошел дурманы прямо в сердце, печень. Как же люблю я, братцы, мягкий, теплый, обволакивающий запах родного края.)

Понятие запаха как явления физического мира, отображаясь через обонятельный опыт человека, дополняется новой смысловой нагрузкой. Так, обонятельный сегмент в поэзии Кюндэ, расширяясь, создает ассоциативный ряд тактильной образности – *сымнаҕас* (мягкий), *сылаас* (теплый), *сыламнаттар* (согревающий), который включается в структурирование ментального ландшафта – в выстраивание границ своего безопасного мира:

....Ыанньык ынах, сылгы
Ыаммытынан үүтүн
Сып-сылаас бэйэлээх
Сыта-сымара... [Иванов–Кюндэ, 2000: 31]

(досл. теплый запах парного коровьего и кобыльего молока)

...Сыһыларым барахсан
Сылаас үүт сыта
Сыттаммыт... [Кюндэ, 2000: 32]

(досл. родные поля наполнились запахом теплого молока)

Как видно из примеров, яркой образностью в картине мира саха наделяется үүт ас, үрүҥ ас (молочная продукция), запах которой создает глубокие ассоциации в лирике А. Иванова–Кюндэ с понятиями дома, материнства, любви, детства, безопасности, родины и др. [Самсонова, 2004].

Бүрүллүбүт үүт курдук

Бүтэй манан халлаан

Сымала наадал

Сыттарынан

Ыыс-быдаан буола

Ыһаарыллан турар.

(Подобное простокваше белое небо раскалилось и наполнилось густым смолянисто-ладаным запахом).

Ольфакторные составляющие в образах *мутукча сыта* (запах хвои), *от сыта* (запах травы), *күөл сыта* (запах озерной воды), *мас сымалатын сыта* (запах смолы), *баҕа батаһын сыта* (запах ириса) активно участвуют в создании картины якутского мира, в котором запах есть признак цветущей жизни, безупречного мира, обозначаемых лексемой *дыргыйар* (благоухать). Эта духовная наполненность человека, его способность ценить красоту окружающего мира и радоваться ему пьянит, сводит с ума, радует, одухотворяет, наполняет героя:

Тунаархай манан халлааным

Мэйиибин

Туймаардар

Минньигэс сыттааҕа...

Ичигэс салгыным,

Илигирии түһэн,

Испин-быарбын

Ититэн

Итирбитим...

Иирбитим...

(Белое небо имело сладкий дурмящий запах, из-за теплого воздуха, попавшего прямо в сердце, потеплело внутри, опьянел, потерял рассудок.)

Күндү таас курдук

Күннэ кылабачыйар

Сыттаах-сымардаах

Сымалата ууллан,

Ньулуун тыһынан

Ньуссуну ньулаардар,

Сөрүүн салгынанан

Сүрэҕи сөрүүргэтэр...

(Ароматная смола, сверкающая на солнце словно драгоценный камень, растаяла, ее освежающий запах запал мне в сердце.)

Сүрдээх үчүгэй ньулуун,

Сөрүүн салгыны

Сүүйэн истим,

Утаҕым ханна...

(Прохладным пресным приятным воздухом напился)

Мотив пьянящего запаха природы, дурмящего и восхищающего одновременно, отражен также в произведениях «Сайынны түүн дьалыннара» («Истомы»), «Этиннээх ардах» («Гроза») одного из ярких представителей национальной интеллигенции Г.В. Баишева–Алтан Сарына (1898-19?). Поэтический мир Алтан Сарына наполнен густыми, смолистыми запахами, в определении которых поэт использует как простые определения *сытыы минньигэс* (остро-сладкий), *аһыы ньулуун* (остро-пресный), так и сложные высокохудожественные эпитеты *айаал-анкылас* (нежно-ароматный), *сытыы абыран* (удушливый), *сүүл дьаралҕан* (запах, исходящий во время полового возбуждения у животных), *анкылас абыран* (ароматно-удушливый), *курус* (едкий)-*кубулҕан* (острый), *имириин* (сладко-пресный) и др., которые введены в художественную ткань произведений самим автором-новатором, поэтом-экспериментатором. Как видно из произведения «Истомы», функционирование инстинктов, направленных на воспроизведение жизни, напрямую связано с действием одористических раздражителей, запахов и ароматов Матери Природы. Запах в поэтике Алтан Сарына становится показателем величия и мощи окружающей природы.

Тема запаха выделяется в самостоятельный смысловой образ в произведениях первых якутских поэтов и выражает идею гармонии человека с природой. Функции запаха расширяют пространство повседневности до доминантных значений и становятся основополагающими в культурном поле аксиологических понятий народа саха, дополняя ассоциативные образы о счастливом детстве, родном доме, близких людях и др. Запах родного человека (молока матери, детской щеки, волос любимой женщины и др.) в качестве глубокого художественного образа

участвует в воссоздании высокой эмоциональной связи между людьми, что ярко отражается в лирических произведениях поэтов последующего поколения В.М. Новикова–Кюннюк Урастырова, И.М. Гоголева, С.П. Данилова, Л.А. Попова, М.Д. Ефимова и др.

IV. Обсуждение. Хотя на сегодняшний день в национальном литературоведении принципы исследования ольфакторной поэтики недостаточно разработаны, на перспективность методологического подхода по данной научной проблеме указывает все более расширяющийся интерес специалистов к теме национальной картины мира в рамках социологических, философских, этнографических исследований в мировой науке XXI в. В пределах данной статьи по отношению к якутскому тексту впервые в якутском литературоведении использованы научные представления об ольфакторной поэтике, которая, как показал анализ, имеет ключевое значение в структурировании картины якутского мира. Выявлена типология художественных элементов национального ольфактория, состоящая из следующих уровней: ольфакции животного-природного пространства, запахов культурно-бытового мира, физиологических ольфакций, запахов ирреальной сферы. В целом, на наш взгляд, поставленные задачи в рамках данной статьи выполнены, однако несформированность понятийного арсенала по теме доставляет некоторые трудности в решении исследовательских задач по данной проблеме.

Результаты, полученные в конце научных изысканий, послужат в решении проблемы изучения геопоэтики аласного пространства в якутской литературе. Понятие ольфакторной образности, использованное в рамках данной статьи, возможно, найдет применение в научных изысканиях, касающихся проблемы якутской художественной образности, национального менталитета в лингвокультурологии, литературоведении, художественной антропологии и т.д.

V. Заключение. Семантике запаха в якутской культуре уделяется достаточно глубокое значение, что подтверждается активным функционированием запаха в духовной и материальной культуре саха. Запах представляется в качестве культурного феномена, который имеет исключительную роль в формировании основ национальной картины мира и закреплении в ней

ментальных границ человека, что ярко отражается в фольклорных, литературных текстах и этнографическом материале.

Специфика якутского ольфактория обусловлена особенностями национального мировосприятия, характером жизни скотоводческого народа, ведущего свой быт в суровых северных условиях. Запах является одним из основных способов жизнеобеспечения человека саха, который посредством окультуривания запаха отмечал границы освоенного пространства (эйгэ, түөлбө). Поэтому одной из важнейших функций якутского ольфактория является его включение в культурное разделение мира на безопасный (свой) и опасный (чужой).

Можно заключить, что посредством понятия запаха создается широкий ассоциативный ряд концептов «түптэ сыта» ‘запах дымокура’, «мутукча сыта» ‘запах хвои’, «алаадьы сыта» ‘запах оладий’ и др., которые становятся отражением основных параметров национальной образности и принципов мировосприятия.

Идиллическая картина аласа/села в произведениях первых якутских поэтов отражает особый гармоничный мир, одухотворенный космос народа, и в нем важнейшая функция отводится запаху, определяющему границы освоенного культурного пространства. Запах как яркий показатель вовлеченности в мир выражает новую ступень перехода художественного сознания в якутской художественной литературе: субъективное тонкое ощущение многообразно чувственно являющегося мира как специфики национального мировосприятия активно проявилось в одористической поэтике якутской литературы начала XX века.

В произведениях первых якутских поэтов А.И. Софронова–Алампа, А.А. Иванова–Кюндэ, И.Д. Винокурова–Чагылгана, А.Г. Кудрина–Абагинского, В.М. Новикова–Кюннюк Урастырова и др., творивших в 20–40-е гг. XX столетия художественно-эстетическая модель поэтики села / аласа базируется на глубинном восприятии образа родной земли, родного аласа, где ольфакторная коммуникация является одним из основополагающих средств в рецепции мира. Поэтому можно отметить, что поэтика запаха в якутской литературе выделяется в самодостаточный и специфический аспект художественного текста, исследование которого имеет дальнейшие перспективы в современной якутской науке.

Список литературы:

Бралина Р.И. Концепция жизни и смерти в культуре этноса на материале традиций саха. Новосибирск: Наука, 2005. 307 с.

Деханова О.А. Отражение ольфакторной культуры XIX в. в произведениях Ф.М. Достоевского. Запах города на примере романа «Преступление и наказание» // Достоевский и мир культуры. Филологический журнал. 2020. С. 68–90.

Дьулуруйар Ньургун Боотур. Якутск: Бичик, 2003. 552 с.

Епанешникова М.А. Рецепция запаха и его природно-культурный смысл // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2010. № 14. С. 101–104.

Зыховская Н.Л. Ольфакторий отечественной словесности: методологические основания, закономерности и перспективы исследования // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2016. № 1 (383). Вып. 99. С. 68–72.

Иванов А.А.–Күндэ. Кыһар тунат сырдыга. Якутск: Бичик, 2000. 336 с.

Кабакова Г.И. Запах // Славянские древности. М., 1999. Т. 2. С. 266–269.

Ньургун Боотур Стремительный. Якутск: Як. книж.изд-во, 1982. 438 с.

Предания, легенды и мифы саха (якутов). Новосибирск: Наука, 1995. 400 с.

Самсонова Т.П. Художественный мир А.А. Иванова–Күндэ. Якутск: Изд-во СО РАН, Якут. фил., 2004. 176 с.

Содномпилова М.М. Мир запахов и ольфакторная коммуникация в традиции тюрко-монгольских народов Внутренней Азии // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. 2020. Т.32. С. 37–47.

Ойунский П.А. Талыллыбыт айымнылар. Якутск: Бичик, 1993. 448 с.

Саха фольклора. Новосибирск: Наука, 1996. 236 с.

Тойон Дьаҕарыма. Якутск: Як. книжн. изд-во, 1959. 340 с.

References:

Bravina R.I. *Koncepciya zhizni i smerti v kul'ture etnosa na materiale traditsij saha* [The concept of life and death in the culture of an ethnic group based on the Sakha traditions]. Novosibirsk: Science Publ., 2005. 307 p. (In Russian)

Dekhanova O.A. *Otrazhenie ol'faktornoj kul'tury XIX v.v proizvedeniyah F.M. Dostoevskogo. Zapah goroda na primere romana "Prestuplenie i nakazanie"*

[Reflection of the olfactory culture of the XIXth century in the works of F.M. Dostoevsky. The smell of the city on the example of the novel "Crime and Punishment"]. *Dostoevskij i mir kul'tury. Filologicheskij zhurnal* [Dostoevsky and the world of culture. Philological journal]. 2020. Pp. 68–90. (In Russian)

D'ulurujar N'urgun Bootur [Nyurgun Bootur Swift]. Yakutsk: Bichik Publ., 2003. 552 p. (In Yakut)

Zyhevskaya N.L. *Ol'faktoriy otechestvennoj slovesnosti: metodologicheskie osnovaniya, zakonomernosti i perspektivy issledovaniya* [Olfactory of Russian Literature: methodological foundations, patterns and prospects of research]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskie nauki* [Bulletin of Chelyabinsk State University. Philological sciences]. 2016. № 1 (383). Release 99. Pp. 68–72. (In Russian)

Epaneshnikova M.A. *Recepciya zapaha i ego prirodno-kul'turnyj smysl* [Reception of smell and its natural and cultural meaning]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the South Ural State University]. Series: Social and Humanitarian Sciences 2010. № 14. Pp. 101–104. (In Russian)

Ivanov A.A.–Kunde. *Kyhar turat syrдыга* [The light of the morning dawn]. Yakutsk: Bichik Publ., 2000. 336 p. (In Yakut)

Kabakova G.I. *Zapah* [The smell]. *Slavyanskije drevnosti* [Slavic antiquities]. Volume 2. Moscow, 1999. Pp. 266–269. (In Russian)

N'urgun Bootur Stremitel'nyj [Nyurgun Bootur Swift]. Yakutsk: Yakut. Publ., 1982. 438 p. (In Russian)

Ojunsij P.A. *Talyllybyt ajymn'ylar* [Selected writings]. Yakutsk: Bichik Publ., 1993. 448 p. (In Yakut)

Predaniya, legendy i mify saha (yakutov) [Legends, legends and myths of the Sakha (Yakuts)]. Novosibirsk: Science Publ., 1995. 400 p. (In Russian)

Samsonova T.P. *Hudozhestvennyj mir A.A. Ivanova-Kunde* [The artistic world of A.A. Ivanov-Kunde.]. Yakutsk: Publ. of SB RAS, Yakut. phil., 2004. 176 p. (In Russian)

Saha fol'klora [Yakut folklore]. Novosibirsk: Science Publ., 1996. 236 p. (In Yakut)

Sodnompilova M.M. *Mir zapahov i ol'faktornaya kommunikaciya v tradicii tyurko-mongol'skih narodov Vnutrennej Azii* [The world of smells and olfactory communication in the tradition of the Turkic-Mongolian peoples of Inner Asia]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* [Irkutsk State University Bulletin. Series Geoarcheology. Ethnology. Anthropology]. 2020. Volume 32. Pp. 37–47. (In Russian)

Tojon D'agaryma. Yakutsk: Yak. Publ., 1959. 340 p. (In Yakut)

S.E. Noeva (Karmanova)

Features of Olfactory Communication in the Yakut Text

Scientific novelty: for the first time, as a statement of a scientific problem an attempt is made to comprehensively study olfactory imagery in Yakut texts (on the example of folklore, ethnographic materials, poetic texts by A.A. Ivanov-Kunde). *The aim* of the article is to study the specifics of olfactory communicative imagery in Yakut texts. The scope of the research *tasks* include identifying the specifics of the cultural phenomenon of smell in Yakut texts, determining the functions of smell in the mental landscape of Sakha, as well as revealing the features of olfactory poetics by the example of the works of A.A. Ivanov-Kunde and G.V. Baishev-Altan Saryn. *Research methods:* comparative, cultural-historical, systematic methods. *Results.* The researcher's interest is directed, first of all, to the practice of cultivating the smell, which is considered as one of the main ways of personal identification, fixing the status of a person in space. The author of the article is convinced that the smell is used as essential techniques in building the boundaries of the world – namely, in dividing space into “one's own” and “someone else's”. Special attention is paid to the poetics of smells represented by olfactory inclusions in the poetry of the first Yakut poet A.A. Ivanov-Kyunde whose lyrics reflect the specifics of the national picture of the world, including the place and role of smell in the alas text.

Keywords: physicality, olfaction, worldview, smell, identification, Yakut text

А.С. Яковлева

DOI: 10.25693/SVGV.2022.38.1.012

УДК 398:161.1 (571)

Этномузыкальные традиции фольклора русских старожилов Северо-Востока Сибири как объект исследования

Научная новизна. Большую ценность для изучения музыкально-фольклорных традиций русских старожилов Сибири представляют локальные группы, сформировавшиеся на севере Якутии и на Чукотке. Разбросанные по разным источникам сведения не позволяют оценить степень изученности музыкального фольклора русскоустыинцев, колымчан и марковцев. В настоящей статье впервые осуществляется обзор источников и определение перспективных направлений изучения данных локальных традиций.

Цель и задачи. Для достижения основной цели – анализа информационной базы о музыкальных традициях русских старожилов Северо-Востока Сибири – автор рассматривает историю собирания местного фольклора, публикации музыкальных образцов в нотных сборниках и аудиозаписях, междисциплинарные и этномузыкалогические исследовательские труды.

Методы исследования. Систематизация выявленных материалов с точки зрения жанрового состава и анализ научных работ для определения степени изученности как отдельных жанровых сфер, так и локальных традиций в целом с отражением результатов в форме таблиц. Хронологический обзор источников по музыкальному фольклору русскоустыинцев, колымчан и марковцев.

Результаты. Наиболее обширная коллекция выявленных музыкальных образцов связана с марковской традицией: свыше ста единиц с преобладанием песенно-танцевальной жанровой сферы. Колымский материал представлен 47 образцами с преобладанием лирических песен. По русскоустыинской традиции удалось выявить всего 30 музыкальных образцов разных жанров без определения доминирующей сферы. Исследовательские работы демонстрируют неравномерную изученность как отдельных локальных традиций в целом (наиболее

© Яковлева А.С., 2022

изученной является традиция марковцев), так и жанровых сфер (в колымском фольклоре в некоторой степени изучены только винограды и андылыщины, в русскоустыинском фольклоре охарактеризованы только эпические жанры). Таким образом, требуется комплексное изучение выделенных локальных традиций с привлечением материалов по всем жанрам.

Ключевые слова: русские старожилов, музыкальный фольклор, этномузыкознание, публикации музыкальных материалов, Русское Устье, Колыма, Марково

I. Введение. В фольклорном наследии русских старожилов Северо-Востока Сибири выделяются традиции трех локальных групп: русскоустыинской, колымской (походской) в Якутии и марковской на Чукотке. История формирования этих групп берет свое начало с середины XVII в. [Вахтин, Головкин, Швайтцер, 2004]. Первые записи фольклора от русских старожилов региона относятся ко второй половине XIX в. Начало собирательской деятельности было положено ссыльными и местными жителями. Дальнейшая фиксация фольклорных образцов была продолжена специалистами разных областей: этнографами, краеведами, лингвистами, филологами, музыковедами.

На данный момент отсутствуют систематизированные сведения об этномузыковедческой базе источников по фольклору русских старожилов Северо-Востока Сибири. В связи с этим возникает необходимость проведения комплексного обзора и анализа имеющейся коллекции музыкальных материалов. Полученные знания позволяют выявить степень изученности традиции в сфере этномузыкознания и оценить перспективность дальнейшего исследования русского музыкального фольклора данного региона.

II. Материалы и методы. Исследование музыкального компонента фольклора базируется на материале звукозаписей, нотных расшифровок, музыковедческих источников. В рамках данной работы был проведен последовательный обзор результатов собирательской деятельности и публикаций, на основе которого выявлены количественные показатели музыкальной коллекции в контексте локальных традиций, жанрового комплекса и исторического процесса. Проанализированы исследовательские работы, посвященные фольклору русских старожилов Северо-Востока Сибири, что позволило выделить актуальные аспекты изучения, систематизировать выводы ученых и определить наименее изученные сферы с точки зрения этномузыкознания.

Появление первых музыкальных материалов, записанных от русских старожилов Северо-Востока Сибири связано с Северо-Тихоокеанской экспедицией, организованной в 1900 г. американским музеем естественной истории. Одним из объектов изучения стала культура жителей Колымского края и Анадырского района. В рамках этой экспедиции были записаны на фонограф образцы фольклора от русских колымчан и марковцев. Но первая публикация этих образцов появилась лишь в 1987 г. в статье Г.Л. Венедиктова «Анадырские и колымские записи былин В.Г. Богораз». Им были обнародованы только словесные тексты произведений. Несколько позднее исследователям стали доступны и фонографические записи [Шенталинская, 1999: 31]. Из материалов русско-старожильческого фольклора основную часть составляют марковские образцы, записанные этнографом В.Г. Богоразом и его женой С.К. Богораз. Это былины, баллады, исторические, игровые и плясовые песни, цикл виноградий и инструментальные наигрыши [Шенталинская, 2009: 61]. В собирании колымского фольклора участвовал этнограф В.И. Иохельсон. Так как основной задачей исследователя было изучение юкагирской культуры, от русских старожилов он записал только четыре образца. Качество фонозаписей позволило расшифровать лишь два из них – свадебную величальную песню и виноградь. Нотировки марковских и русско-колымских песен, записанные в ходе американской экспедиции, были выполнены этномузыковедом Е.И. Якубовской и опубликованы в ее статьях в 2008 и в 2012 гг. [Якубовская, 2008; Якубовская, 2012]. Несколько образцов содержатся в виде аудиозаписей в диске «Марковские песни», который был составлен этномузыковедом Т.С. Шенталинской в 2014 г. [Шенталинская, 2014].

В 1903 г. появились новые фонографические записи, выполненные от колымчан польским политическим ссыльным Я. Строжецким [Шен-

талинская, 1999: 31]. Шесть из них были опубликованы в нотной расшифровке: пять образцов вошли в приложение к статье Д.Н. Анучина «О применении фонографа к этнографии» в нотации А.Л. Маслова, одна свадебная песня, нотированная Е.Э. Линева содержится в статье Е.И. Якубовской 2012 г. [Анучин, 1911; Якубовская, 2012].

Таким образом, собирательская деятельность участников американской экспедиции и Я. Строжецкого представляет собой первый, ранний этап звукозаписи фольклора русских старожилов Северо-Востока Сибири. Имеется большое количество нотных расшифровок марковских и несколько колымских образцов, записанных в этот период. Русскоустынский фольклор в первой половине XX в. на звуковые носители не записывался, песни собирателями не нотировались.

Следующий этап звукозаписи относится лишь ко второй половине XX века. В это время фольклорные образцы записывались на магнитофон. Так, на Колыме собирательской деятельностью в 1965 г. занимался филолог Г.В. Зотов, в 1971 г. – этнограф Р.В. Каменецкая, в 1973 г. – композитор И.А. Бродский-Богданов [Русская эпическая поэзия..., 1991: 33–34; Бернштам, Лапин, 1981: 17]. В селе Марково в 1960-х гг. фольклор записывал местный краевед Э.В. Гунченко, в 1968 г. – историк С.С. Савоскул, в 1969 г. – В.А. и Т.С. Шенталинские [Шенталинская, 2009: 61]. Из материалов экспедиций 1960–70-х годов по Колыме и Марково были нотированы и опубликованы единичные образцы: виноградь, записанное Р.В. Каменецкой, опубликовано в работе Т.А. Бернштам и В.А. Лапина «Виноградь – песня и обряд», духовный стих в записи Г.В. Зотова и баллада в записи И.А. Бродского-Богданова были изданы в томе «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока», три лирические песни и частушки, собранные В.А. и Т.С. Шенталинскими, содержатся в аудиодиске «Марковские песни», часть песен опубликована в отдельных статьях Т.С. Шенталинской.

Первые аудиоматериалы русскоустынского фольклора появились в 1973 г. Они были собраны филологами В.И. Зоркиным и В.Д. Осиповой. Большинство образцов оказались недоступными для публикации из-за низкого качества звукозаписей [Фольклор Русского Устья, 1986: 12]. Из материалов экспедиции были изданы две

плясовые песни: они вошли в аудиоприложение к монографии В.Л. Кляуса и С.В. Супряги «Песенный фольклор русскоустынцев Якутии и семейских Забайкалья», одна из этих песен была также нотирована Г.Е. Солдатовой [Кляус, Супряга, 2006].

В 1977 г. была совершена экспедиция по Русскому Устью филологами С.Н. Азбелевым и Ю.Н. Дьяконовой. Ими выполнены аудиозаписи шестнадцати песен, трех баллад и частушек, а также видеозапись местной плясовой «Омуканово» [Фольклор Русского Устья, 1986: 12]. К настоящему времени по материалам экспедиции опубликованы лишь словесные тексты песенных образцов, звукозаписи хранятся в фонотехнической библиотеке Института русской литературы.

В 80-е гг. XX в. в экспедиции по всем трем очагам проживания русских старожилов неоднократно выезжала Т.С. Шенталинская. В 1985 г. эпический фольклор колымских и русскоустыньских старожилов собирал филолог Ю.И. Смирнов [Русская эпическая поэзия..., 1991: 29–30, 34–35]. Часть записей, выполненных собирателями, опубликована в томе «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока». Фольклорные материалы, собранные Т.С. Шенталинской были также опубликованы в нотном сборнике «Марковские вечера», в аудиодиске «Марковские песни», а также в ряде статей [Шенталинская, 1983].

В конце XX в. фольклор русских старожилов стали собирать и от местных самодеятельных коллективов. Так, в диске «Марковские песни» содержится девятнадцать разножанровых песен, записанных в 1982 г. в Москве Государственным домом радиовещания и звукозаписи от хора «Марковские вечера». В 1990 г. композиторы Н.С. Берестов и А.А. Томский записали и нотировали тринадцать разножанровых песен, а также частушки от ансамбля «Русскоустынцы». Они были опубликованы в 2013 г. в нотном сборнике «Песни Русского Устья» [Томский, Дробышева, 2013]. К поздним музыкальным материалам относятся записи 2009–2012 гг., собранные в ходе экспедиции по районам Колымского края музыковедом Н.В. Винокуровой. В 2014 г. собирательницей был опубликован нотный сборник «Песенные традиции Колымы», состоящий из 33 записанных ею разножанровых песен [Винокурова, 2014]. Музыка-

ведами В.Е. Дьяконовой и Л.И. Кардашевской в 2014 г. была совершена экспедиция по Аллайховскому району Якутии, в результате которой были записаны фольклорные образцы от русскоустыинцев. Нотные расшифровки двух песен – календарной «Виноградие» и исторической «Соловей кукушечку уговаривал» – изданы в том же году в статье Л.И. Кардашевской [Кардашевская, 2014].

Исследование фольклора русских старожилов Северо-Востока Сибири проводится филологами, этнографами, музыковедами и другими специалистами. Ценными материалами для выявления более целостного представления о песенной традиции являются соавторские труды исследователей, выполненные путем междисциплинарного подхода к изучению проблемы. Так, по отношению к русско-старожильческому фольклору Якутии и Чукотки можно выделить две работы, затрагивающие исследование музыкального текста совместно с иными составляющими песенного фольклора. Такой работой является труд этнографа Т.А. Бернштам и музыковеда В.А. Лапина «Виноградье – песня и обряд». Материалом для изучения жанра виноградьа и его локальных разновидностей послужили 60 разнорегиональных нотных образцов, в число которых вошел колымский напев песни «Отравление Скопина» [Бернштам, Лапин, 1981]. Еще одним значимым междисциплинарным исследованием стал том «Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока» филолога Ю.И. Смирнова и музыковеда Т.С. Шенталинской. В работе рассматривается целая жанровая сфера отдельного региона, в том числе эпическая традиция русскоустыинцев, марковцев и колымчан [Русская эпическая поэзия..., 1991].

Кроме междисциплинарных исследований, включающих музыковедческое изучение фольклора, существуют и собственно этномузыкалогические труды. Основными исследователями музыкальных материалов фольклора русских старожилов Северо-Востока Сибири являются Т.С. Шенталинская и Е.И. Якубовская. Изучению песенной традиции региона посвящен ряд статей этих музыковедов.

Т.С. Шенталинская изучает фольклор всех трех групп, но наиболее целостно ею представлена марковская песенная традиция [Шенталинская, 1972; Шенталинская, 1999; Шенталин-

ская, 2009]. Интерес к колымскому и русскоустыинскому фольклору музыковед проявляет главным образом по отношению к местному жанру андыльщина [Шенталинская, 1996; Шенталинская, 2019]. В работах Е.И. Якубовской основным материалом исследования русского фольклора Северо-Востока Сибири стали фонографические записи начала XX в. разнотанцевых образцов марковского репертуара. К колымским и русскоустыинским записям автор обращается с целью сравнения их с марковскими напевами [Якубовская, 2008; Якубовская, 2012].

III. Результаты. Общее количество опубликованных музыкальных материалов фольклора рассматриваемых локальных групп составляет около 180 образцов (табл. 1). Наиболее полно в данном отношении представлен марковский фольклор: опубликовано 29 аудиоматериалов, записанных в разные временные периоды (с 1900 по 2000 гг.), большинство из них относится к началу 1980-х гг. (20 образцов). Имеется более 80 нотировок, основная часть из них представляет собой записи, выполненные в самом начале XX в. (60 образцов). В нотных и звуковых записях марковского фольклора зафиксированы все музыкальные жанры этой традиции. При этом преобладающее количество материалов составляет песенно-танцевальный фольклор. По колымскому фольклору опубликовано две аудиозаписи 1982 г. уникальных вариантов песенных образцов: баллада «Теща в плену у зятя» и виноградьа на исторический сюжет «Отравление Скопина». Нотировано 45 русско-колымских песен, большинство из которых записаны в 2000-х годах (33 образца). Среди нотированных колымских записей преобладают лирические образцы. Из музыкальных материалов русскоустыинского фольклора в настоящее время опубликовано пять аудиозаписей 70–80-х гг. XX в. плясовых и эпических образцов, а также 25 нотных расшифровок: в основном это песни, записанные в 1990 г. от местного ансамбля (13 образцов). Заметных жанровых приоритетов по количеству русскоустыинских музыкальных записей не наблюдается. В отличие от публикаций материалов марковского и колымского фольклора, отсутствуют нотные расшифровки и аудиозаписи свадебных и детских песен Русского Устья.

Таблица 1

Публикации музыкальных материалов

	Марково	Колыма	Русское Устье
Лирические песни	7 аудиозаписей 7 нотировок	27 нотировок	7 нотировок
Песенно-танцевальный фольклор	12 аудиозаписей 41 нотировка	4 нотировки	2 аудиозаписи 4 нотировки
Эпический фольклор	4 аудиозаписи (2 былины, 2 исторические песни) 18 нотировок (8 былин, 2 баллады, 8 исторических песен)	1 аудиозапись (баллада) 8 нотировок (3 баллады, 4 исторические песни, 1 духовный стих)	3 аудиозаписи (былина, баллада, духовный стих) 12 нотировок (3 былины, 3 баллады, 5 исторических песен, 1 духовный стих)
Свадебные песни	2 аудиозаписи 2 нотировки	2 нотировки	–
Календарные песни	1 аудиозапись 3 нотировки	1 аудиозапись 3 нотировки	2 нотировки
Детские песни	1 нотировка	1 нотировка	–
Прочее	3 аудиообразца (народное представление с песней, сказка с напевами, плясовой наигрыш) 2 нотировки (сказки с напевами)	–	–

Тем не менее список аудио- и нотных записей не является окончательным, так как имеются перспективы для дальнейшего пополнения базы музыкальных источников: так, например, существует коллекция аудиоматериалов, собранных сотрудниками Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов СО РАН в ходе неоднократных экспедиций по селениям русских старожилов арктической зоны, еще не обнародованы нотировки марковских образцов, выполненные И.В. Ладутько, также в перечне пока не учтены выполненные автором статьи некоторые нотные расшифровки русско-устыинских и марковских песен и прочие еще не опубликованные материалы.

Обзор имеющихся исследовательских работ позволяет выделить несколько главных аспектов изучения: во-первых, установление родственных связей традиций внутри региона и за его пределами, во-вторых, определение стилистических особенностей локальных жанров и, в-третьих, отслеживание исторического про-

цесса развития традиционного репертуара. Основные выводы, к которым пришли исследователи в ходе изучения данных аспектов, изложены в таблице 2.

Однако еще не все актуальные проблемы рассмотрены с точки зрения музыкального материала. Так, в трудах филологов уделяется большое внимание анализу вербального текста в контексте иноэтнического влияния на фольклор локальных групп русских старожилов, в частности, данная тема широко освещается в работах О.И. Чариной [Чарина, 2015; Чарина, 2019]. В музыковедении пока еще отсутствуют специальные исследования, посвященные этой проблеме.

Наиболее изученным в музыкальном плане является марковский фольклор. Колымская и русскоустыинская традиции изучены в гораздо меньшей степени, жанровые сферы в исследовательских работах представлены неравномерно. В настоящее время мы не имеем целостных знаний о музыкальном фольклоре этих локальных групп, так как в большинстве своем прове-

Этномузыкалогические исследовательские работы

Автор(ы)	Изучаемый жанр	Изучаемая локальная группа	Основные выводы
Татьяна Бернштам, Виктор Лапин	Виноградье	Колыма	1. Перенесение сюжета из района Великого Устюга не раньше втор. пол. XVII в. 2. Музыкально-структурное единство всех напевов виноградий
Юрий Смирнов, Татьяна Шенталинская	Эпический фольклор	Русское Устье, Колыма, Марково	1. Большинство близких сюжетов текста обнаружено в восточной части Русского Севера 2. Единство колымского и марковского репертуара 3. Общность русскоустьинских, колымских и марковских напевов
Татьяна Шенталинская	Андылыщина	Колыма	Стилевая общность с другими русскими песенными жанрами
Татьяна Шенталинская, Елена Якубовская	эпический фольклор, песенно-танцевальный фольклор, лирические песни, свадебные песни, календарные песни	Марково	1. Родственная близость напевов с вариантами из сборника Кириши Данилова 2. Общность русскоустьинских, колымских и марковских напевов 3. Устойчивость мелодики и манеры исполнения в контексте исторического процесса

денные исследования узконаправлены по проблематике или опираются на анализ ограниченного по объему материала.

IV. Обсуждение. Узконаправленность исследований при опоре на ограниченный материал нередко приводит к несовпадающим выводам. Как видно из обзора исследовательских работ и из таблицы 2, музыковеды Т.С. Шенталинская и Е.И. Якубовская занимаются изучением одной и той же традиции и отчасти используют одинаковый материал. В связи с этим примечательна рецензия 2016 г. Т.С. Шенталинской на статьи Е.И. Якубовской. Т.С. Шенталинская дополняет и в некоторых случаях опровергает аналитические наблюдения Е.И. Якубовской по отношению к отдельным песенным образцам, вносит корректирующие уточнения в авторство собирателей и информантов. Расхождения в выводах музыковедов связаны главным образом с анализом ритмической структуры песенных образцов. Так, Е.И. Якубовская находит общность ритмического строения баллады «Поехал наш королевич» и песни «На горе, горе петухи поют» с некоторыми напевами из сборника Кириши Да-

нилова. Т.С. Шенталинская же считает сравнимые ритмические формы напевов существенно отличными друг от друга. Тем не менее оба исследователя обнаруживают взаимосвязь эпического репертуара этих групп с вариантами из сборника Кириши Данилова, а также приходят к выводу об общности русскоустьинского, колымского и марковского фольклора [Шенталинская, 2016]. Снять возникающие у разных авторов противоречия поможет только увеличение анализируемого материала и выработка строгого аналитического подхода.

V. Заключение. Полученные результаты приводят к следующим выводам: наиболее обширной коллекцией музыкальных материалов обладает марковский фольклор, что выражено как в количестве (более ста), а также в жанровом и хронологическом разнообразии аудио- и нотных записей, так и в более целостном подходе к традиции с точки зрения жанрового комплекса и изучаемых аспектов в имеющихся исследовательских работах музыковедов. В несколько раз меньше этномузыкалогическая база материалов колымского (47 образцов) и в осо-

бенности русскоустыинского фольклора (30 образцов). В работах музыковедов рассматривалось несколько жанров колымского фольклора: виноградьё, андыльщины, эпический фольклор. Исследование музыкального компонента русскоустыинской традиции ограничивается только эпической сферой. На данный момент музыкальный фольклор русских старожилов Колымского края и Русского Устья является недостаточно изученным. Для получения более полных сведений необходимы систематизация имеющихся материалов, обобщение результатов исследований и проведение комплексного анализа песенного репертуара.

Список литературы:

Анучин Д.Н. О применении фонографа к этнографии, и в частности о записи шаманского камлания в Средне-Колымске Якутской области // Труды музыкально-этнографической комиссии, состоящей при этнографическом отделе Императорского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии. Том II. М., 1911. С. 269–297.

Бернштам Т.А., Лапин В.А. Виноградьё – песня и обряд // Русский Север: проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981. С. 3–109.

Вахтин Н., Головкин Е., Швайтцер П. Русские старожилы Сибири: социальные и символические аспекты самосознания. М.: Новое издательство, 2004. 292 с.

Винокурова Н.В. Песенные традиции Колымы (по материалам музыкально-этнографических экспедиций). Якутск: РИО медиа-холдинга, 2014. 104 с.

Кардашевская Л.И. Об экспедиции в Аллаиховский район // Вестник Арктического государственного института культуры и искусств. 2014. № 1 (6). С. 103–107.

Кляус В.Л., Супруга С.В. Песенный фольклор русскоустыинцев Якутии и семейских Забайкалья: материалы к изучению бытования в иноэтническом окружении. Курск: Изд-во Регионального открытого социального института, 2006. 213 с.

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока [Сост. Ю.И. Смирнов]. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 499 с.

Томский А.А., Дробышева Н.Н. Песни Русского Устья. Якутск: Бичик, 2013. 64 с.

Фольклор Русского Устья [Отв. ред. С.Н. Азбелев, Н.А. Мещерский]. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1986. 382 с.

Чарина О.И. Лексические маркеры влияния аборигенного фольклора и языка в фольклоре русских

старожилов Якутии // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 4 (18). С. 256–261.

Чарина О.И. Влияние языка коренных народов Якутии на фольклор русских старожилов Арктической зоны (XIX–XX вв.) // Языки коренных народов как фактор устойчивого развития Арктики. Сборник материалов международной научно-практической конференции. Якутск, 2019. С. 120–124.

Шенталинская Т.С. Русская песня на Чукотке // Советская музыка. 1972. № 11. С. 113–117.

Шенталинская Т.С. Марковские вечорки: Рус. нар. песни. М.: Кн. изд-во, 1983. 36 с.

Шенталинская Т.С. Андыльщина (жанр-эндемик) // Экспедиционные открытия последних лет. СПб.: 1996. С. 97–115.

Шенталинская Т.С. «Не прошло и ста лет» // Живая старина. 1999. № 2. С. 31–34.

Шенталинская Т.С. Фольклор чуванцев // Этнографическое обозрение. 2009. № 3. С. 60–78.

Шенталинская Т.С. Песни села Марково. М., 2014.

Шенталинская Т.С. Еще раз о записях русского фольклора американской Северо-Тихоокеанской экспедицией: диалог с Е.И. Якубовской // Русский фольклор. Материалы и исследования. СПб, 2016. Т. 35. С. 498–531.

Шенталинская Т.С. Андыльщина. Феномен колымского жанра-эндемика // Русские арктические старожилы Якутии. Якутск: изд-во ИГИИПМНС СО РАН, 2019. С. 264–278.

Якубовская Е.И. Традиционный фольклор русского населения Анадыря и Колымы в записи В.Г. Богораза и В.И. Иохельсона // Русский фольклор. СПб.: Наука, 2008. Т. 33. С. 181–246.

Якубовская Е.И. Русский фольклор и христославные песнопения на Анадыре и Колыме в записи В.Г. Богораза, В.И. Иохельсона и Я. Строжецкого (1900–1903 гг.) // Русский фольклор. СПб.: Наука, 2012. Т. 36. С. 58–178.

References:

Anuchin D.N. O primeneniі fonografa k etnografii, i v chastnosti o zapisi shamanskogo kamlaniya v Sredne-Kolymске Yakutskoy oblasti [On the application of the phonograph to ethnography and in particular on the recording of shamanistic rituals in Srednekolymsk, Yakutsk region]. *Trudy muzykalno-etnograficheskoy komissii, sostoyashchey pri etnograficheskom otdele Imperatorskogo Obshchestva Lyubiteley Estestvoznaniya, Antropologii i Etnografii* [Proceedings of the Musical and Ethnographic Commission of the Ethnographic De-

partment of the Imperial Society of Lovers of Natural History, Anthropology and Ethnography]. Volume II. Moscow, 1911. Pp. 269–297. (In Russian)

Azbelev S.N., Meshcherskiy N.A. *Fol'klor Russkogo Ust'ya* [Folklore of the Russkoye Ustye]. Science. Leningrad Branch, 1986. (In Russian)

Bernshtam T.A., Lapin V.A. Vinograd'e – pesnya i obryad [Vinogradye – song and rite]. *Russkiy Sever: problemy etnografii i fol'klora* [Russian North: problems of ethnography and folklore]. Leningrad, 1981. Pp. 3–109. (In Russian)

Charina O.I. Leksicheskie markery vliyaniya aborigennogo fol'klora i yazyka v fol'klоре russkikh starozhilov Yakutii [Lexical markers of influence of native folklore and language in folklore of Russian old residents of Yakutia]. *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Scientific Bulletin of the Voronezh State University of Architecture and Civil Engineering. Series: linguistics and intercultural communication]. 2015. № 4 (18). Pp. 256–261. (In Russian)

Charina O.I. Vliyanie yazyka korennykh narodov Yakutii na fol'klор russkikh starozhilov Arkticheskoy zony (XIX–XX vv.) [The influence of the language of the indigenous peoples of Yakutia on the folklore of the Russian old-timers of the Arctic zone (XIX–XX centuries)]. *Yazyki korennykh narodov kak faktor ustoychivogo razvitiya Arktiki. Sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Indigenous languages as a factor in sustainable development of the Arctic. Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference]. Yakutsk, 2019. Pp. 120–124. (In Russian)

Klyaus V.L., Supryaga S.V. *Pesenny fol'klор russkoust'intsev Yakutii i semeyskikh Zabaykal'ya: materialy k izucheniyu bytovaniya v inoetnicheskom okruzenii* [Song folklore of the people of Russkoye Ustye of Yakutia and the Semeyskye of Transbaikalia: materials for the study of being in a different ethnic environment]. Kursk: Regional Open Social Institute Publ., 2006. (In Russian)

Kardashevskaya L.I. Ob ekspeditsii v Allaikhovskiy rayon [The expedition in Allaikhovskiy Area]. *Vestnik Arkticheskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Arctic State Institute of Culture and Arts]. 2014. № 1 (6). Pp. 103–107. (In Russian)

Shentalinskaya T.S. Russkaya pesnya na Chukotke [Russian song in Chukotka]. *Sovetskaya muzyka* [Soviet music]. 1972. № 11. Pp. 113–117. (In Russian)

Shentalinskaya T.S. *Markovskie vechorki: Russkie narodnye pesni* [Markovskie Vechorki: Russian Folk Songs]. Magadan: Publ., 1983. (In Russian)

Shentalinskaya T.S. Andyl'shchina (zhanr-endemik) [Andylshchina (endemic genre)]. *Ekspeditsionnye ot-*

krytiya poslednikh let [Expeditionary discoveries of recent years]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publ., 1996. Pp. 97–115. (In Russian)

Shentalinskaya T.S. “Ne proshlo i sta let” [“Not even a hundred years have passed”]. *Zhivaya starina* [Living antiquity]. 1999. № 2. Pp. 31–34. (In Russian)

Shentalinskaya T.S. Fol'klор chuvantsev [Folklore of the Chuvans]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2009. № 3. Pp. 60–78. (In Russian)

Shentalinskaya T.S. *Pesni sela Markovo* [Songs of the village of Markovo]. Moscow, 2014. (In Russian)

Shentalinskaya T.S. Eshche raz o zapisyakh russkogo fol'klora amerikanskoy Severo-Tikhookeanskoy ekspeditsiy: dialog s E.I. Yakubovskoy [Once again about the records of Russian folklore by the American North-Pacific expedition: dialogue with E.I. Yakubovskaya]. *Russkiy fol'klор. Materialy i issledovaniya* [Russian folklore. Materials and research]. Volume 35. St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publ., 2016. Pp. 498–531. (In Russian)

Shentalinskaya T.S. Andyl'shchina. Fenomen kolym-skogo zhanra-endemika [Andylshchina. The phenomenon of the Kolyma genre-endemic]. *Russkie arkticheskie starozhily Yakutii* [Russian Arctic old-timers of Yakutia]. Yakutsk: the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2019. Pp. 264–278. (In Russian)

Smirnov Yu.I. *Russkaya epicheskaya poeziya Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Russian epic poetry of Siberia and the Far East]. Novosibirsk: Science Publ., Siberian branch, 1991. (In Russian)

Tomskiy A.A., Drobysheva N.N. *Pesni Russkogo Ust'ya* [Songs of the Russkoye Ustye]. Yakutsk: Bichik Publ., 2013. (In Russian)

Vakhtin N., Golovko E., Shvaytser P. *Russkie starozhily Sibiri: sotsial'nye i simvolicheskie aspekty samosoznaniya* [Russian old-timers of Siberia: social and symbolic aspects of self-awareness]. Moscow: New Publ., 2004. (In Russian)

Vinokurova N.V. *Pesennye traditsii Kolymy (po materialam muzykal'no-etnograficheskikh ekspeditsiy)* [Song traditions of the Kolyma (based on the materials of musical and ethnographic expeditions)]. Yakutsk: RIO media holding Publ., 2014. (In Russian)

Yakubovskaya E.I. Traditsionnyy fol'klор russkogo naseleniya Anadyrya i Kolymy v zapisi V.G. Bogoraza i V.I. Iokhel'sona [Traditional folklore of the Russian population of Anadyr and Kolyma recorded by V.G. Bogoraz and V.I. Iokhelson]. *Russkiy fol'klор* [Russian folklore]. Volume 33. St. Petersburg: Science Publ., 2008. Pp. 181–246. (In Russian)

Yakubovskaya E.I. Russkiy fol'klор i khristoslavnye pesnopeniya na Anadyre i Kolyme v zapisi V.G. Bogora-

za, V.I. Iokhel'sona i Ya. Strozhetskogo (1900–1903 gg.) Strozhetsky (1900–1903)]. *Russkiy fol'klor* [Russian [Russian folklore and Christian chants in Anadyr and folklore]. Volume 36. St. Petersburg: Science Publ., Kolyma recorded by V.G. Bogoraz, V.I. Iokhelson and J. 2012. Pp. 58–178. (In Russian)

A.S. Yakovleva

Ethnomusical Traditions of the Russian Old-Timers Folklore of the North-East Siberia as the Research Object

Scientific novelty. The local groups that have formed in the north of Yakutia and Chukotka are of the great value for studying the musical-folklore traditions of the Russian old-settlers of Siberia. The information scattered across different sources does not allow us to assess the degree of study of the musical folklore of the Russkoye Ustye, Kolyma and Markovo. This article is the first to review the sources and identify promising directions for studying these local traditions.

The aim and tasks. To achieve the main aim of the article - the analysis of the information base on the musical traditions of Russian old-settlers in the North-East of Siberia the author considers the history of collecting local folklore, the publication of musical samples in music collections and audio recordings, interdisciplinary and ethnomusicological research works.

Research methods. Systematization of the identified materials from the point of view of genre composition and analysis of scientific papers to determine the degree of study of both individual genre spheres and local traditions in general, with the results reflected in the form of tables. The chronological review of sources on the musical folklore of Russkoye Ustye, Kolyma and Markovo.

Results. The largest collection of identified musical samples is associated with the Markov tradition: over one hundred units with a predominance of the song and dance genre. The Kolyma material is represented by 47 samples with a predominance of lyric songs. According to the Russkoye Ustye tradition it was possible to identify only 30 musical samples of different genres without defining the dominant sphere. The research works demonstrate an uneven study of both individual local traditions in general (the tradition of the Markovo is the most studied) and genre spheres (in Kolyma folklore, to some extent, only vinogradyes and andylshchins have been studied, in Russkoye Ustye folklore only epic genres are characterized). Thus, a comprehensive study of the selected local traditions is required with the involvement of materials from all genres.

Keywords: Russian old-timers, musical folklore, ethnomusicology, publishing musical materials, Russkoye Ustye, Kolyma, Markovo

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Батаршев Сергей Валерьевич – к.и.н., доцент, начальник отдела экспертных работ ООО «Научно-производственный центр историко-культурной экспертизы»; Россия, г. Владивосток, ул. Нестерова, д. 13; batar1980@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2995-011X>.

Васильева Надежда Николаевна – к.ф.н., с.н.с. отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д.1; vaserel@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1742-1974>.

Габышева Луиза Львовна – д.ф.н., доцент, профессор кафедры общего языкознания и риторики филологического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова; Россия, г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42; ogonkova-jenya@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4911-272X>.

Голохвастов Максим Валерьевич – старший лаборант отдела экспертных работ ООО «Научно-производственный центр историко-культурной экспертизы»; Россия, г. Владивосток, ул. Нестерова, д. 13; maksim.golohvastov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1785-0709>.

Готовцева Лина Митрофановна – к.ф.н., с.н.с. отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д.1; Lingot@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8039-1838>.

Григорьев Степан Алексеевич – к.и.н., с.н.с., заведующий лабораторией «Человек в Арктике» Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д.1; detample@yandex.ru; <http://orcid.org/0000-0001-9365-0122>.

Дорофеева Наталья Алексеевна – с.н.с. ООО «Научно-производственный центр историко-культурной экспертизы»; Россия, г. Владивосток, ул. Нестерова, д. 13; dnaal@list.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8844-7477>.

Зеленская Алиса Юрьевна – м.н.с. лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного НИИ ДВО РАН; Россия, г. Магадан, ул. Портовая, д. 16; Zelenskaya.mgd@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7846-6340>.

Курилов Гаврил Николаевич – д.ф.н., г.н.с. отдела северной филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д.1; ladinakuril@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0659-9240>.

Лебедева Любовь Сергеевна – магистрант ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»; Россия, г. Магадан, ул. Портовая, д. 13; lebedeva.lubov.magadan@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2441-7284>.

Малков Сергей Станиславович – с.н.с. отдела экспертных работ ООО «Научно-производственный центр историко-культурной экспертизы»; Россия, г. Владивосток, ул. Нестерова, д. 13; malks@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8809-937X>.

Нестерович Александр Владимирович – председатель Магаданского областного отделения Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество»; Россия, г. Магадан, пр-т Карла Маркса, д. 35; avn669053@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-0412-8031>.

Николаев Егор Револьевич – к.ф.н., н.с. отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д.1; 1953307@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3782-8402>.

Ноева (Карманова) Саргылана Еремеевна – к.ф.н., с.н.с. отдела фольклора и литературы Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д.1; noyeva79@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2957-5233>.

Павлова Лена Николаевна – к.ф.н., доцент кафедры журналистики филологического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова; Россия, г. Якутск, ул. Кулаковского, д. 42; pavlova.lenanikolaevna@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9628-337X>.

Понкратова Ирина Юрьевна – к.и.н., доцент, в.н.с. научного отдела ФГБОУ ВО «Северо-Восточный государственный университет»; Россия, г. Магадан, ул. Портовая, д. 13; ponkratova1@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3410-3430>.

Слободин Сергей Борисович – к.и.н., в.н.с. лаборатории истории и экономики Северо-Восточного комплексного НИИ ДВО РАН; Россия, г. Магадан, ул. Портовая, д.16; sslobodin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0974-1820>.

Филиппова Виктория Викторовна – к.и.н., с.н.с. отдела истории и арктических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН; Россия, г. Якутск, ул. Петровского, д. 1; Filippovav@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0002-3900-918X>.

Яковлева Александра Сергеевна – аспирант 1 года обучения кафедры этномузыкознания теоретико-композиторского факультета Новосибирской государственной консерватории имени М.И. Глинки; Россия, г. Новосибирск, ул. Советская, д. 31; aleksandrayakovleva2020@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2632-8202>.

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Batarshev Sergey Valeryevich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, the Head of the Expert Work Department of LLC “Scientific and Production Center of Historical and Cultural Expertise”; Russia, Vladivostok, 13, Nesterova St.; batar1980@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2995-011X>

Vasilyeva Nadezhda Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of the Yakut Language of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1, Petrovskogo, St.; vaserel@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1742-1974>

Gabysheva Luisa Lvovna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of General Linguistics and Rhetoric of the Philological Faculty of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov; Russia, Yakutsk, 42, Kulakovskiy St.; ogonkova-jenya@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4911-272X>

Golokhvastov Maxim Valeryevich – Senior Laboratory Assistant of the Expert Work Department of LLC “Scientific and Production Center of Historical and Cultural Expertise”; Russia, Vladivostok, 13, Nesterova St.; maksim.golokhvastov@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1785-0709>

Gotovtseva Lina Mitrofanovna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of the Yakut Language of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1, Petrovskogo, St.; Lingot@rambler.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8039-1838>

Grigoriev Stepan Alekseevich – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, the Head of the Laboratory “Man in the Arctic” of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1, Petrovskogo, St.; detample@yandex.ru; <http://orcid.org/0000-0001-9365-0122>

Dorofeeva Natalia Alekseevna – Senior Researcher of LLC “Scientific and Production Center of Historical and Cultural expertise”; Russia, Vladivostok, 13, Nesterova St.; dnaal@list.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8844-7477>

Zelenskaya Alisa Yuryevna – Junior Researcher of the Laboratory of History and Economics of the North-Eastern Integrated Research Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences; Russia, Magadan, 16, Portovaya St.; Zelenskaya.mgd@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7846-6340>

Kurilov Gavril Nikolaevich – Doctor of Philological Sciences, Chief Researcher of the Department of Northern Philology of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1, Petrovskogo, St.; ladinakuril@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0659-9240>

Lebedeva Lyubov Sergeevna – Master’s Student of the North-Eastern State University; Russia, Magadan, 13, Portovaya St.; lebedeva.lyubov.magadan@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-2441-7284>

Malkov Sergey Stanislavovich – Senior Researcher of the Department of Expert Works of LLC “Scientific and Production Center of Historical and Cultural Expertise”; Russia, Vladivostok, 13, Nesterova St.; malks@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8809-937X>

Nesterovich Alexander Vladimirovich – Chairman of the Magadan Regional Branch of the All-Russian Public Organization “Russian Geographical Society”; Russia, Magadan, 35, Karl Marx Ave.; avn669053@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-0412-8031>

Nikolayev Egor Revolevich – Candidate of Philological Sciences, Research Fellow of the Department of the Yakut Language of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1, Petrovskogo, St.; 1953307@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3782-8402>

Noeva (Karmanova) Sargylana Eremeevna – Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher of the Department of Folklore and Literature of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1, Petrovskogo, St.; noyeva79@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2957-5233>

Pavlova Lena Nikolaevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Journalism Department of the Philological Faculty of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov; Russia, Yakutsk, 42, Kulakovskogo St.; pavlova.lenanikolaevna@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9628-337X>

Ponkratova Irina Yuryevna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Scientific Department of the North-Eastern State University; Russia, Magadan, 13, Portovaya St.; ponkratova1@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3410-3430>

Slobodin Sergey Borisovich – Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher of the Laboratory of History and Economics of the North-Eastern Integrated Research Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences; Russia, Magadan, 16, Portovaya St.; sslobodin@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0974-1820>

Filippova Victoria Viktorovna – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher of the Department of History and Arctic Studies of the Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North SB RAS, Russia, Yakutsk, 1, Petrovskogo, St.; Filippovav@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0002-3900-918X>

Yakovleva Alexandra Sergeevna – 1-year Postgraduate Student of the Department of Ethnomusicology of the Faculty of Theory and Composition of the Novosibirsk State Conservatory named after M.I. Glinka; Russia, Novosibirsk, 31, Sovetskaya St.; aleksandrayakovleva2020@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2632-8202>

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ И РЕЦЕНЗИЙ

В журнале «Северо-Восточный гуманитарный вестник» публикуются статьи, содержащие результаты фундаментальных и прикладных исследований в области языков, истории и культуры коренных народов Северной Азии, в том числе работы компаративного характера. Помимо научных статей, в журнале публикуются рецензии на научные издания, вышедшие за последние 5 лет и имеющие отношение к тематике журнала. К публикации принимаются рукописи на русском или английском языках.

Статьи должны содержать не опубликованные ранее новые фактические данные или теоретические положения. Обзорные статьи и рецензии, представляющие собой пересказ рецензируемого материала, к печати не принимаются. Передавая редакции журнала рукопись статьи или рецензии, автор гарантирует, что она полностью или частично не опубликована и не отправлена на публикацию в другие издания. Автор также соглашается не размещать текст на интернет-ресурсах, пока не будет принято решение о его публикации в «Северо-Восточном гуманитарном вестнике», и в случае положительного решения воздержаться от его размещения в сети Интернет до выхода журнала в свет.

Объем рукописи, включая иллюстративный материал и список литературы, должен составлять для статей – 12–24 страницы (20000–40000 знаков), для рецензий – 12 страниц (20000 знаков). Рукописи большего или меньшего объема принимаются по согласованию с редакцией. Рукописи должны быть автором хорошо отредактированы и тщательно проверены.

Формат рукописи: А4, интервал 1,5, шрифт Times New Roman, размер 14, поля: сверху, снизу и слева – 2,0 см, справа – 1,5 см. Переносы, автоформат и табуляция в статьях не допускаются. Допустимый формат файла – .doc / .docx.

Содержание рукописи необходимо оформить следующим образом:

1. Код **УДК** (код УДК, соответствующий тематике статьи или рецензии, можно найти по адресу: <https://nlrs.ru/to-professionals/Catalogue/udk/index.shtml>).

2. **DOI** (присваивается редакцией).

3. **Заголовок статьи или рецензии (Title)** должен кратко (максимальная длина заглавия составляет 10–12 слов) и точно отражать содержание статьи или рецензии, тематику и результаты проведенного научного исследования. В него необходимо вложить как информативность, так и привлекательность, уникальность научного творчества автора.

Благодарность или признательность размещается в виде постраничной сноски к названию статьи, отмеченной символом (*).

4. **Аннотация (Abstract)** статьи или рецензии на русском и английском языках (не менее 150 слов). Аннотация не должна содержать ссылки на разделы, формулы, рисунки, номера цитируемой литературы. Она должна отражать в первую очередь главные результаты работы, а не являться формальным описанием статьи или рецензии, т. е. быть краткой, но содержательной.

Структура аннотации: Научная новизна (Novelty of the research); Цель и задачи (Goal and objective); Методы исследования (Research Methods); Результаты (Results).

5. **Ключевые слова (Key words)** служат ориентиром для читателя и используются для поиска статей или рецензий в электронных базах, поэтому должны отражать дисциплину (область науки, в рамках которой написана работа), тему, объект и предмет исследования. Количество ключевых слов – от 5 до 10.

6. **Текст статьи должен соответствовать следующей структуре:**

I. Введение (Introduction). Представляет собой вступительную часть, в которой идет речь об общей теме исследования, дается постановка проблемы, описываются цель и задачи планируемой работы, теоретическая и практическая значимость, а также наиболее известные и авторитетные публикации по изучаемой теме.

II. Материалы и методы (Materials and Methods). Приводятся ссылки на соответствующие фактологические источники. Описываются методы и приемы, при помощи которых проводится изучение обсуждаемой проблемы.

III. Результаты (Results). В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Результаты проведенного исследования необходимо описывать достаточно полно, чтобы читатель мог проследить его этапы и оценить обоснованность сделанных автором выводов. Это основной раздел, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками), которые представляют исходный материал или доказательства в свернутом виде. Важно, чтобы проиллюстрированная информация не дублировала уже приведенную в тексте. Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области как автора, так и других исследователей. Такое сравнение дополнительно раскроет новизну проведенной работы, придаст ей объективность. Результаты исследования должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные.

IV. Обсуждение (Discussion). Раздел, содержащий полемику по теме исследования.

V. Заключение (Conclusion(s)). Заключение содержит краткую формулировку результатов исследования. В нем в сжатом виде повторяются главные мысли основной части работы. Повторы излагаемого материала следует оформлять фразами, отличающимися от высказанных в основной части статьи. В этом разделе необходимо сопоставить полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость.

Внутритекстовые ссылки на опубликованные работы приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например: [Ефремов, 2010: 47] или [Ефремов, 2004: 47–48].

Неопубликованные источники: документы, архивные материалы, рукописи – нужно указывать постраничными сносками внизу страницы: ¹Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС(Я)). Ф. 12. Оп. 2. Д. 134. Л. 1–2об. При повторном упоминании архива приводится его сокращенное название: ²НА РС(Я). Ф. 12. Оп. 2. Д. 135. Л. 3–4.

7. К статье прилагается два списка литературы в алфавитном порядке, включающие в себя только работы, использованные при подготовке статьи, отмеченные в тексте статьи, оформленные в соответствии с требованиями журнала «Северо-Восточный гуманитарный вестник».

Первый список литературы – на русском языке.

Второй список литературы – References – идет отдельным блоком и повторяет список литературы на русском языке, независимо от того, есть в нем иностранные источники или нет. Название публикации в ссылках должно быть транслитерировано (написано латинскими буквами) и дублировано на английский язык в квадратных скобках [...]. При транслитерации нужно воспользоваться ссылкой <https://www.translit.ru> (с вариантом BGN). Необходимо указать в скобках язык оригинала статьи, на котором написан полный текст публикации. Например,

в списке литературы: Вдовин И.С. Религиозные культы чукчей // Памятники культуры народов Сибири и Севера (2-я половина XIX - начало XX вв.). Сборник МАЭ. Т. 33. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1977. С. 117-171.

в References: Vdovin I.S. Religioznye kul'ty chukchej [Chukchi religious cults]. *Pamjatniki kul'tury narodov Sibiri i Severa (2-ja polovina XIX - nachalo XX vv.). Sbornik Muzeja antropologii i jetnografii imeni Petra Velikogo (Kunstkamera) Rossijskoj akademii nauk* [Cultural monuments of the peoples of Siberia and the North (2nd half of the 19th – beginning of the 20th century). Collection of the Peter the

Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences]. Volume 33. Leningrad: Science Publ., Leningrad branch, 1977. Pp. 117-171. (In Russian)

Список использованных источников и литературы должен содержать не менее 15 наименований. Приветствуются ссылки на труды зарубежных ученых по теме исследования, а также на научные работы, опубликованные в течение последних 5 лет.

Важно правильно оформить ссылку на источник: следует указать фамилию(и) автора(ов), журнал, год издания, том (выпуск), номер, страницы, у электронных источников – адрес доступа в сети Интернет.

Для книг: указывается место издания, название издательства, год издания и общее количество страниц.

Для статей: название журнала, год издания, том, выпуск (или номер), страницы начала и конца статьи.

Ссылка на электронные источники должна включать информацию о сайте, режиме доступа и дату последнего посещения. Например,

Sikora M. et al. The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene. Nature. 2019. Vol. 570 (7760). URL: <https://www.nature.com/articles/s41586-019-1279-z> (дата обращения: 02.12.2020).

При ссылках на личные ПМА отдельно уточняется конкретная экспедиция, при этом в скобках все информанты, картотеки либо другие единицы, на которые даются ссылки в статье. Если по условиям проведения исследований требуется соблюдать анонимность, то имена информантов могут сокращаться до инициалов или опускаться в соответствии с конкретными требованиями, которые налагаются на автора в рамках его проекта.

Все словари, на которые даются ссылки в тексте статьи, оформляются отдельным списком после литературы на русском языке, а также идут в общем списке References.

8. Полные сведения об авторе (авторах) (About the author): Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать основное место работы автора, в котором выполнялось исследование (постоянное место, место выполнения проекта и др.), должность, ученая степень и ученое звание, e-mail, номер мобильного телефона (необходим для связи с редакцией, не публикуется в журнале), ORCID ID.

Сведения об авторе (авторах) необходимо продублировать также на английском языке. При этом приводится официальное англоязычное название учреждения.

В процессе подготовки и отправки статьи или рецензии в редакцию необходимо соблюдать этические нормы соавторства, разработанные COPE (Committee on Publication Ethics).

Статьи и рецензии, поступающие в редакцию, проходят проверку на уникальность (допускается оправданное целями написания статьи или рецензии наличие корректно оформленных заимствований в размерах, не превышающих 10% от общего объема рукописи; оригинальность текста должна быть не менее 80%), **рецензируются и по решению редколлегии утверждаются к печати в порядке очереди.**

Рукописи следует отправлять на электронный адрес редакции:

svgv2010@mail.ru

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76636 от 02 сентября 2019 г.

Адрес издателя и редакции

677027, г. Якутск, ул. Петровского, 1

Институт гуманитарных исследований

и проблем малочисленных народов Севера СО РАН.

Электронный адрес издателя, редакции и редколлегии: igi@ysn.ru; svgv2010@mail.ru

Подписано в печать 22.03.2022. Дата выхода в свет 31.03.2022.

Формат 60х90 ¹/₈. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.

Усл. п.л.18. Уч.-изд. л. 15,8. Тираж 300 экз. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИГиИПМНС СО РАН

677006, г. Якутск, ул. Сосновая, 4, тел. 8 (411) 235–49–96

Индекс П2454